

ISSN 1992-4127

ЖУРНАЛ РОДИНЫ В. М. ШУКШИНА

БИЙСКИЙ ВЕСТНИК

№ 1 • 2026

ЖУРНАЛ РОДИНЫ В. М. ШУКШИНА
**Б И Й С К И Й
В Е С Т Н И К**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2026 / №1 (89)

**Я немножечко не бийчанин, не до конца бийчанин, но,
памятуя о той роли, которую город сыграл в свое время в
моей жизни, наберусь смелости называть себя бийчанином.**

Василий Шукшин

Издается при содействии Союза писателей России

Главный редактор В. М. Лямкин

Редколлегия:

Ю. А. Нифонтова (Барнаул)

А. В. Орлов (Москва)

М. А. Торопчина (Сростки)

С. П. Козубенко (Москва)

В. Ф. Неудахин (Бийск) - редактор отдела прозы

Н. В. Казанцева (Бийск)

А. В. Шурыгин (Йошкар-Ола)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. А. Антипин (Иркутская область)

ISSN 1992-4127

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Александр ЛОМТЕВ	Былые времена. <i>Рассказы</i> 3
Сергей ФИЛАТОВ	Недорóжденная весна. <i>Рассказ</i> 26
Яков ШАФРАН	Подвижный в неподвижном. <i>Рассказ</i> .. 39
Андрей ТОМИЛОВ	Пилигримы. <i>Рассказ</i> 74
Галина КОЛЕСНИКОВА	Минькина бессонница. <i>Рассказ</i> 91
Татьяна МАРКИНОВА	На краю судьбы. <i>Рассказы</i> 98
Михаил РЕЗИН	Ольга. <i>Рассказ</i> 108

ПОЭЗИЯ

Александр ОРЛОВ	Любимая..... 16
Анфиса ТРЕТЬЯКОВА	Пусть время крутит колесо, ломающая стены и границы. 20
Ольга ХАПИЛОВА	Ходил на земле человек. 64
Олег ИГНАТЬЕВ	И мир, оставаясь огромным, вмещается в сердце моем. 70
Ирина СЛИВЦОВА	А я младенец на ладони Бога. 111
Вячеслав МОРДВИНОВ	Вспомним игру многомерного вета.. 119
Андрей ЭЙСМОНТ	Будет победа и радостный путь. 123

ПАМЯТЬ

Эльвира ТРИКОЗ	Жизнь подарила увидеть. <i>Воспоминания о А. Д. Заблоцком</i> 140
-----------------------	---

ДЕБЮТ

Татьяна АКИЛОВА	Ветка яблони. <i>Рассказ</i> 153
------------------------	--

ЮБИЛЕЙ

Марина ТОРОПЧИНА, Татьяна ГУСЕВА	Интервью директора музея Марины Александровны Торопчиной в преддверии 50-летия музея-заповедника В. М. Шукшина. 129
---	--

НАСЛЕДИЕ

Владимир МОРАР	Большой русский писатель. <i>К 100-летию А. П. Соболева</i> 157
-----------------------	--

ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий АЛЕКСАНДРОВ	Дорога в святую обитель. <i>Очерк</i> 171
-------------------------	---

Александр ЛОМТЕВ

БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА

Рассказы

ХЛЕБ С МАСЛОМ

– Бабушка, не злоупотребляйте сливочным маслом, – внучка осуждающе смотрела на Марью Степановну, которая широким ножом старательно намазывала желтоватое масло на кусок батона. – Знаете, сколько в нем холестерина? Это даже для моего возраста вредно.

Марья Степановна печально улыбнулась:

– Знаешь, сколько мне лет? Мне уже ничего не вредно.

Внучка картинно закатила глаза и преувеличенно вздохнула.

Александр Алексеевич Ломтев родился в 1956 г. в с. Пуза (ныне Суворово) Нижегородской области. Русский прозаик, публицист. Окончил Арзамасский государственный педагогический институт. Работал инструктором служебного собаководства, киномехаником, мастером по сложной бытовой технике, электромонтером, корреспондентом газеты.

Основатель и издатель общественно-политической газеты «Саров» и культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь», а также приложения к первой «Знай наших». Являясь их учредителем и главным редактором, как журналист, специализирующийся на горячих точках, неоднократно бывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Косове, Южной Осетии.

Публиковался в журналах: «Сибирские огни», «Роман-журнал XXI век», «Волга», «Луч», «Южная звезда», «Дальний Восток», «День и ночь» «Бийский вестник» и других литературных, научно-популярных и общественно-политических журналах в России и за рубежом.

Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура» им. Э. Володина, лауреат международного литературного конкурса им. А. Куприна.

Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Заместитель председателя правления Нижегородской областной организации СП России.

Живет и работает в Сарове Нижегородской области.

А Марья Степановна принялась вкушать бутерброд, прихлебывая горячий крепкий чай.

Она все собиралась рассказать внучке про бутерброд с маслом из ее детства, но жизнь катилась так спешно, что все не выдавалось спокойной, подходящей для неторопливого разговора, минутки.

А ведь ей тогда было как раз столько, сколько вот этой девочке, уткнувшейся в свой планшет и на ощупь берущей с тарелки золотистые тосты.

...Их дом стоял на краю села, в длинном ряду слободы. А соседний – отчего-то пустовал. Она уже не помнит-то ли его жильцы уехали, то ли хозяин был на войне. Это было как раз на исходе войны.

Тот летний день запомнился ей во всех подробностях. В пустующую избу вселили жильцов. Толстого бухгалтера в очках, его такую же полную, кудрявую жену и их дочку – ровесницу Марьи Степановны. Какой Марьи Степановны – Маши, Машки, Машутки.

Маша помнит, как переносили из грузовика невиданные раньше вещи – блестящие шкаф и комод, огромное зеркало-трельяж, фикус в кадке и множество чемоданов. Окрестные ребяташки расселись на завалинке, забрались на тын, топтались поодаль. Украдкой за переселением наблюдали и взрослые – в окна, из-за сиреней палисадников, со скамеечек.

Все это отложилось в Машиной памяти как сумбурная пестрая картинка, словно бы из фильма. Все – и одежда, и вещи, и говор – было необычным, нездешним. Потом к новому бухгалтеру и его семье село понемногу привыкнет, хотя так никогда и не примет за своих, до самого того дня, когда они вернуться в Москву, считая временными, ненастоящими жителями.

Когда вещи были наконец перенесены и грузовик уехал, все замерло, и ребяташки стали терпеливо ждать продолжения «спектакля». Из дома долго никто не показывался. Потом на крыльцо вышел толстый бухгалтер с коричневым кожаным портфелем, он осмотрелся, улыбнулся ребяташкам и отправился в правление колхоза. А потом...

Потом вышла девочка. Такое красивое платье Маша видела только в кино. И волосы у девочки были как у Золушки, когда та уже стала принцессой, и сандайки на ногах, деревенские-то ребяташки были все босиком.

А в руках девочка держала большой ломоть белого (белого!) хлеба, на который было намазано сливочное масло, а сверху черносмородиновое варенье. Девочка стояла, прислонившись к столбику крыльца, смотрела на ребяташек и не торопясь ела бутерброд. Кусок был пышным, свежим, ноздреватым, темно-фиолетовое варенье стекало, и девочка, не давая ему капнуть, слизывала его розовым языком. Маша почувствовала, как слюна наполняет рот, а в животе урчит и тянет.

Посмотрев на девочку и ее лакомство, ребяташки медленно разошлись.

Маша тоже ушла домой. Дома мать, все видевшая в окно, отрезала от круглого черного караваея ломоть, натерла горбушку долькой чеснока, полила пахучим подсолнечным маслом и посыпала крупной солью – ешь!

С девочкой она потом подружилась. И потом, когда та уехала в Москву, даже переписывалась какое-то время. Но что-то мешало ей забыть тот день и тот бутерброд с маслом. Потом она решила, что это – нет, не зависть, конечно, а чувство несправедливости, какого-то непонятного большого тайного обмана. Ей было жалко и себя, и своих деревенских друзей.

Белый хлеб она впервые попробовала только года через два после окончания войны. Еще позже она поняла, что это был урок: ей показали, что равенство, о котором рассказывали в школе, – липовое. А еще позже она с этим даже смирилась. Но первое, что она сделала, когда приехала в Москву поступать в институт, купила батон, пачку сливочного масла и банку яблочного повидла. Соорудила огромный бутерброд и ела его медленно, наслаждаясь каждой крошкой...

– Бабуля, я в школу! – дверь захлопнулась, и Марья Степановна очнулась. В красивой кружке с Эйфелевой башней на глянцевом боку – сын привез из Франции! – остывал чай, на блюдечке ждал недоеденный бутерброд. Как же все это рассказать внучке? – задумалась Марья Степановна, – и нужно ли?

ЮРОДИВЫЙ

Мир сильно изменился. Очень сильно. Вот, например, пропали юродивые. Дураки, маньяки, нищие, бесноватые остались – этих маньяков и бесноватых по телевизору сколько угодно показывают, а юродивых больше нет. Вымерли как вид. А я еще застал времена, когда они изредка встречались. В середине двадцатого века.

В деревеньке, где жили мои бабушка с дедом, жил, может быть, последний юродивый России. Ну уж в наших краях последний – точно! Классический такой юродивый: ходил в обносках, зимой и летом босиком, в сумку собирал все, что ни найдет или что подадут. Не попрошайничал, был добрым и разговорчивым. И все время не расставался с самодельным веревочным кнутом, за что и был прозван Саня Кнут.

Дед мой, когда сильно сердился на меня за детские мои не всегда разумные проделки, говорил в сердцах:

– Да у тебя понятия меньше, чем у юродивого! Вырастешь, будешь, как Саня Кнут, с голым пузом ходить.

Как и положено юродивому, был Саня Кнут истово верующим.

И была у него мечта – попасть на камушек Серафима Саровского. Саровский монастырь в те годы уже оказался за колючей проволокой; поселок, что был под его стенами, облюбовали ученые и военные, которым Родиной было поручено создать атомную бомбу, чтобы ответить на бомбу американскую и спасти мир от войны. За колючей проволокой в три ряда, контрольно-следовой полосой, вдоль которой ходили солдаты с овчарками, оказалась и Дальняя пустынка, где Серафим вершил свой главный подвиг. Так что мечта попасть туда была из области несбыточных.

Но не зря старые бабушки говорят: вера сотворит любое чудо. Невероятно, но факт: на серафимовских местах Саня Кнут побывал!

Как-то в июле он вдруг из села пропал. А через месяц его привезли на военном газике, провели в правление колхоза, а потом опять посадили в газик и увезли. Веревоочный кнут, как заметили немногочисленные свидетели происшествия, был при Сане. После этого юродивый сгинул окончательно...

И только годы спустя тайное стало явным.

В то лето Саня Кнут во что бы то ни стало решил попасть в секретный город и пробраться на Дальнюю пустынку. Он всю весну и весь июнь бродил вдоль колючей проволоки и выискивал лазейку. Безрезультатно. Один раз в него даже стрелял узкоглазый темнолицый солдат-то ли киргиз, то ли якут. Но не попал.

И вот в конце-концов Саня набрел на железнодорожную ветку, по которой в закрытый Саров по ночам ходили время от времени составы. Тут он и понял, как проберется в город. Выждав, когда на станцию пригнали состав с лесом, он нашел платформу с самыми большими бревнами и ухитрился пробраться в щель между стволами. Конечно, там его непременно должно было раздавить во время движения. Но не зря в народе говорят, что Бог заботится о дураках, пьяных и Соединенных Штатах Америки. Поскольку юродивый сродни дураку, Бог видимо пожалел Саню, и его не раздавило бревнами, не унюхали овчарки, не проткнул длинным железным штырем солдат на КПП. Когда состав пришел на товарную станцию Сарова, была еще ночь, и Сане удалось незамеченным выбраться из бревен и так же не обнаруженным уйти со станции.

Недели полторы он жил в самодельном шалашике на Дальней пустынке, которую нашел без труда по рассказам богомольных стариков из нашего села, еще помнивших, как их в детстве водили на поклонение мощам Серафима и в монастырь, и на пустынку. Однако, когда кончилась принесенная в котомке еда – хлеб, печеная картошка и печеные же яйца, пришлось идти в город. Тут, в городе его и замели. Для интеллигентных жителей научного Сарова в диковинку оказался грязноватый человек в рубище и с кнутом на плече, который стоял у магазина и ласково просил хлебушка. КГБ в те времена рабо-

тал шустро. Саня Кнут был моментально задержан, доставлен куда следует, и кто следует его допросил. Долго не решались поверить, что оборванный человек не американский, или, на худой конец, английский шпион. Несмотря на то, что Саня Кнут подробнейшим образом описал, как он проник в город, показал шалаш, в котором жил и рассказал, кто он и откуда, саровские рыцари плаща и кинжала долго отказывались признавать реальность его истории и усердно строили версии шпионского направления, допрашивая его, как инквизиция Коперника. Саня, однако, всем улыбался, ничего не боялся, охотно и многословно отвечал на все вопросы и вышел из себя лишь однажды, когда кэгэбэшники отняли у него кнут. Он так орал, рыдал и колотился в судорогах, что кнут ему вернули и больше отнять не пытались.

В конце концов Саню посадили в газик, привезли в село и предъявили правлению колхоза с председателем во главе для опознания. Со шпионской версией кэгэбэшникам пришлось-таки с большим сожалением расстаться.

Куда увезли Саню, так никто и никогда не узнал. Говорили только, что, садясь у крыльца правления в гэбэшный газик, Саня Кнут беспечно и счастливо улыбался. Еще бы, его несбыточная мечта сбылась.

Газик повез его в неизвестном направлении, а оказавшиеся около правления случайные старушки тайком крестили воздух ему вслед...

С тех пор ни одного юродивого в наших краях никто никогда не видел.

ВРЕМЯ ПОДУМАТЬ

Станция называлась красиво – Семь Колодезей. Романтично. Но они приехали слишком поздно и сразу поняли, что дальше не уехать и до Казантипа сегодня никак не добраться. И Сергей снова пожалел, что соблазнился этой поездкой. Еще один вечер пришлось сидеть на спальных мешках, расстеленных прямо на газоне среди чахлах кустов за древним вокзалом, слушать бряканье гитары и самозабвенное завыванье активно наслаждавшихся «дикой жизнью» спутников. Костер в сквере не разожжешь, ужинали какой-то консервированной чепухой.

Черт, вздыхалось Сергею, хотел убежать от тоскливых мыслей, а тут наоборот только и делаешь, что думаешь да вспоминаешь! С того дня, как они расстались с Наташкой, прошло два месяца. И вот ведь удивительная штука, расстались по его, Сергея, инициативе, а вместо облегчения – последние дни прошли в сплошных ссорах – навалилась на душу страшная тоска. Из-за этого он и поддался уговорам рвануть на пару недель в Крым, на тот самый Казантип. Рванул...

В темноте лаяли с подвывом собаки, какая-то ночная птица нервно вскрикивала совсем рядом, над головами с тихим шорохом проле-

тали довольно большие летучие мыши, заставляя повизгивать женскую часть группы. Пахло чем-то южным, пряным вперемешку с хлорным туалетом. Поднялся ветер и начал скрипеть старыми кривыми стволами акаций, нагоняя унынье. Едва начнешь задремывать, как взвоят над ухом электричка или протарахтит за сквером грузовик. Спал или не спал – Сергей так и не понял.

Утром все встали хмурыми, и Светлана, студентка медицинского, будущий психиатр, выставила диагноз:

– Утренняя дисфория!

– Вроде не пили, – попытался кто-то пошутить, но никто не улыбнулся. Действительно – дисфория...

До Казантипа добирались сначала на старом вконец растрюханном пазике, потом пешком. Жара и рюкзаки давили к земле, и пот прокладывал темные дорожки по побелевшим от пыли лицам. «Черт, черт, черт, – ругался Сергей, – купился на эту ерундовую романтику!» И вспоминал, как Наташка все уговаривала его пойти в байдарочный поход с однокурсниками и напевала: «Долго будет Карелия сниться...» Но так и не уговорила. А что, если бы уговорила, подумалось вдруг ему, может быть, что-то изменилось? Нет, вряд ли...

И почему так бывает на свете – любят человеки друг друга, точно любят, а жить вместе не могут. Вот почему, спрашивается...

– Эй, Серёга, ты далеко? – услышал вдруг он и остановился. Оказывается, уже пришли на место, группа побросала рюкзаки и расслалась отдыхать, а он в задумчивости брел дальше, пока его не окликнули.

Тут только он заметил, что вокруг с одной стороны – желтовато-белая степь на полгоризонта, а в другую половину горизонта упирается синее-синее море. «Ну да, красиво, – подумал Сергей, – но не до такой же степени, чтобы переть тридцатикилограммовый рюкзак по этой жарнице, давиться холодными консервами и спать в тонком спальнике почти на голой земле...» А Наташу вот все тянуло на такую романтику. Да смотри ты «Клуб кинопутешествий», все то же самое, только под попой диван, а не кочка и комары не жрут!

Под ивняком прямо на прибрежном пляже выросли разноцветные домики палаток, заплясал под котелком костерок из сушеного плавника. Народ полез купаться – брызги, визги, смех. Сергей прихватил спальник и осмотрелся. Бухта широким полукругом охватывала часть Азова, на концах ее торчали невысокие каменистые мыски. Далеко справа темнел пирсами рыбацкий поселок, белела на рейде яхта, в глубине бухты то появлялись, то скрывались за пологими волнами темные скорлупки баркасов. Сергей пошел в противоположную от поселка сторону, набрел на небольшой желтоватый выступ из ракушечника, слегка выдающийся в море, взобрался на него и, бросив спальник, с наслаждением растянулся. Легкий ветерок навевал сон,

но, несмотря на бессонную ночь, задремать почему-то не удавалось. Сергей лежал, смотрел на море, на яхту, которая подняла парус и начала медленно уходить к горизонту, слушал неназойливый плеск волны, втягивал в себя йодный острый воздух: «Нет, все-таки хорошо! Что сейчас делает Наташа? А что, если бы она лежала сейчас рядом на этом спальном мешке, о чем бы они стали говорить? Неужели ссорились бы?»

Стало жарко, и Сергей забрел в воду. Песок очень полого уходил вглубь, и пришлось порядочно отойти от берега прежде, чем вода поднялась по грудь. Пока шел, почувствовал, что по ногам что-то легонько постукивает. Склонился к прозрачной воде и сквозь голубовато-зеленую дымку увидел облако креветок. Рачки двигались в одном направлении и некоторые натыкались на его ноги. Эх, жалко маску не взял, мелькнуло в голове.

Поплавав, полежав на воде, Сергей вновь выбрался на ракушечник и растянулся на спальнике. День тянулся долго, его никто не трогал, крикнули только раз, чтобы шел обедать, но он не пошел. «Хорошие все же ребята, – подумал Сергей, – понимают...»

Все пройдет, убеждал он себя и начинал верить в это; все пройдет, появится другая Наташа, лучше прежней, которая будет подходить ему, а он будет подходить ей. Ну пусть ее будут звать Ира или Таня, а может быть, вообще Эльвира. Не в этом суть. Безнадежных ситуаций не бывает. Просто должно пройти время. Время лечит, не зря говорят. И никто ни под кого не должен подстраиваться. Твоя жизнь – это твоя жизнь. Другой не будет, а Наташ сколько угодно. Тоска вроде бы потихоньку уходила.

Вдруг оказалось, что солнце, так долго висевшее в зените, скатилось к самым скалам на дальнем мысе. Оно увеличилось и из белого стало желтым. Потом на глазах стало менять форму – из круглого становилось похожим на яйцо, на красное пасхальное яйцо. И море играло красками, густея, наливаясь то бирюзой, то фиолетовым, рябя красноватыми бликами. Увидь он это на картине, ни за что не поверил бы, что такое бывает в реальности.

А солнце тем временем перевалило мыс и уходило в море, превратившись в апельсиновую дольку, очень похожую на тот большой алый леденец, который отец однажды ему, ребенку, привез в гостинец из Прибалтики. И тут случилось совсем уж невероятное, словно подстроенное неведомым режиссером. Из-за мыса показалось несколько – один за другим – парусов. Виндсерфингисты стояли на досках легко и свободно, а за досками струился рябящий красным след. И в этом следе мелькали спины дельфинов. Боже! Какая же красота! Сергей во все глаза смотрел на эту невероятную картину до тех пор, пока паруса не скрылись за пирсами поселка.

Он вновь перевел взгляд на убывающую солнечную дольку и

вспомнил, как отец рассказывал, что именно в такие минуты, если повезет, можно увидеть зеленый луч. Явление очень редкое и, как говорят, приносящее удачу в жизни. Главное смотреть внимательно, ведь луч этот горит всего одну секунду. И Сергей принялся до слез в глазах всматриваться в тающий краешек солнца, боясь сморгнуть. Солнце кануло в четкую линию горизонта, разделяющую темно-синее и оранжевое, но луч не появился, не мелькнул. Еще минуту Сергей в надежде смотрел на горизонт, но – нет...

Ветер стих, из поселка послышался далекий крик петухов и неслышный раньше лай собак. Быстро темнело. Сергей вернулся к палаткам, лежал на спальнике, расстеленном на прямо песке у костра, слушал и не слушал все те же разговоры и все те же песни, перекачивал с ладони на ладонь горячую, пачкавшую пальцы картофелину и ни о чем не думал. Или ему казалось, что не думал. В душе-то все время что-то шевелилось.

А когда стемнело и погас костер, небо обметало такой звездной пылью, какую Сергей не видел, пожалуй, с детства. Млечный Путь был густ и висел косо, не так, как в средней полосе. Казалось, поднимись на скалу на мыске, протяни руку – и коснешься этой серебряной пыли, и окажется она на ощупь холодноватой, как лед.

Сергей лежал, задремывал, и ему вдруг стало хорошо и покойно. И впереди еще целых две недели этого спокойствия. А мыслей бояться не надо. Наоборот, нужно думать и думать. И что-нибудь придумается. Обязательно придумается. Иначе быть не может...

КАКОЙ ХОРОШИЙ ДЕНЬ!

Воскресенье – хороший день. Вставать спозаранку не надо, завтракать наспех и на работу бежать не надо, делай что хочешь. Столько всего можно сделать, на что в рабочие дни времени не хватает.

В то воскресенье я встал часов в девять. Да и дольше бы в постели провалялся, если бы соседский пацан «Битлов» не завел на своей шарманке. «Йес тудэ-э-эй...» Растудэй его с его «Битлами»!

Ну ладно, на завтрак маманя яичницу сделала с колбасой и кофе с цикорием. И где она этот кофе достает? А хорошо с утречка кофейком побаловаться! Юрка Столяров, правда, смеется – какой, мол, это кофе. Ну правильно, у него папаша в главке работает, у них кофе из зерен – и запах другой, и вкус. Мы с Колёсиком у него однажды даже виски настоящее попробовали. Бутылка у его папани в серванте стояла початая, вот Юрец нам по пол рюмашечки и налил. Ну не водка, конечно! А все ж-таки кофе с цикорием лучше, чем грузинский чай.

Потом я к Колёсику пошел. Тот уже возле сарая покрывку от ЗИЛа, наполовину вкопанную в песок, молотом обрабатывал. Босиком и в одних техасах, вспотел уже весь. Где-то он прочитал, что и Брюс

Ли, и Мухаммед Али так резкость удара нарабатывали. Вот и молотит покрывку каждую свободную минуту. Может, и правда помогает – удар у Колёсика – дай бог каждому! А мне больше плавать нравится – и мышцы укрепляет, и они не дубеют при этом, не закрепощаются, эластичными остаются.

Колёсик надел футболку и сказал, что сегодня нужно сходить за реку. Тамошние оборзели совсем, нашего парня избили. За то, что ходит на их территорию. А как ему не ходить, если там его ПТУ? В общем, нужно разобраться.

У моста нас уже ждали Гена, Папуля и Юрец. Ну и Саня – парень, которому навалили.

Говорит: никого не трогал, ничего не говорил, шел себе в профуру. Налетели, окружили и наклали. Человек семь. Главный, как всегда, Красавчик.

Красавчик этот мне особенно не нравится. Приятель его старшего брата – боксер-перворазрядник. Вот он и кичится. Сам-то дерется так себе, можно сказать, никак, но связываться с ним не любят. Знают, что этот знакомый его брата скоро КМС получит.

Но у нас тоже кое-кто за спиной есть. Витя-боец. Он уже КМС и тот перворазрядник на нас из-за Вити не полезет. Скажет Красавчику: сами разбирайтесь. Такой политес.

Я так думаю, если бы Красавчик знал, что Саня из наших, не стал бы на него тянуть. Потому, что заречные, если кого и побаиваются, так это наших. Как-то на танцах Красавчик полез было на Колёсика, но тот ему свет быстро выключил. А брат, зная про Витю-бойца, вместо того, чтоб заступиться, еще и отвесил ему: лезешь, так дерись, да и вообще, знай на кого лапку задираешь.

Саня что-то в последний момент заочковал, говорит Колёсику: не маловато нас? Но Колёсик даже и не ответил. Просто говорит: пошли. За мостом мы собрались, так внутренне поджались. Не шутка, эти заречные совести не знают. Могут и ножичком.

Они, как всегда, на стадионе болтались. На трибунах. Увидели среди нас Саню и все поняли. Двое-трое даже сразу слиняли так незаметненько. Но Красавчик – он наглый, улыбается: о, какие люди в Голливуде, какими судьбами?

Папуля прямо с ходу вlepил ему в челюсть, он тоже этого Красавчика терпеть ненавидит. Красавчик, правда, готов был, и удар вскользь пришелся. Ну и тут началось махалово. Даже Саня разошелся, хотя, по правде сказать, трусоват он. Но за компанию все смелые.

Я с Борьком схватился, с дружкой Красавчика. И сделал глупость: вместо того чтобы кулаками работать, сцепился с ним бороться. А он меня головой как боднет в лицо! Я такой подлости не ожидал, а лобешник у него крепкий, ну я и поплыл. Хорошо не свалился. Отпустил его, вспомнив, как Витя-боец учил, и стал кулаками по печени бить.

Тут и он остановился, видно удалось пробить печень-то. Ну и пока мы с ним так стояли, в себя приходили, все кончилось. И Красавчик, и другие побежали, а Колёсик подскочил к нам и двинул Борька боковым, так что тот сразу рухнул. Хотелось мне очень пнуть его пару раз, но сдержался, мы лежачих не пинаем. А Красавчик вот сдерживаться не сал бы, это точно.

В общем, отметилили мы заречных и усталые, но довольные пошли в «Снежинку». Саня говорит: угощаю. У Сани, как и у Юрца, всегда деньги есть – у него родители богатые, мать экономист в управлении, а отец начальник цеха. Он и Саню после ПТУ к себе забрал, и заставил в вечерний техникум поступить. В «Снежинке» мы встретили Веру. Колёсик аж зарделся весь, когда ее увидел. Ну, посидели, поели мороженое, поболтали. Я, как всегда, шоколадное с грушевым сиропом взял. Саня Вере про заречных рассказал, и так все вывернул, поросенок, что будто бы только благодаря его стойкости мы и отметилили заречных. Но никто не обиделся, посмеялись вместе с Верой и договорились, что после обеда вместе купаться пойдём.

За обедом маманя опять завела волынку, что, мол, в техникум поступать надо, вон Саня... Ну, понятно... Я ей не сказал еще, что предложили мне идти проводником спецвагонов. Зарплата там в три раза больше, чем в моем цеху, нафиг мне техникум. Только вот командировки месяца по два-три. Даже не знаю: с одной стороны деньги, а с другой – от ребят оторвешься, тренировки придется пропускать. Да и скучно две недели в дороге, там в основном дядьки пожилые – лет по сорок. О чем с ними?

На пляж я пришел, когда все наши уже были там и играли в карты. Вера в карты не играла, и Колёсик тоже не стал, да и я карты не уважаю. Я бы лучше поваялся с книжкой, да неудобно как-то. Не принято. Колёсик принес гитару и пел для Веры. Песен он знает – до черта. И Высоцкого, и эмигрантов, и старые наши дворовые. Эмигрантов Вера, правда, не любит, мата там много, и Колёсик при ней их не поет. Так, в основном веселые или жизненные, там «Друзья, купите папиросы», «У ней следы проказы на руках» или «Там, где речка, в речке козий брод, глотает воду по утрам колхозный скот...» – в общем, разное.

Она Колёсику как-то сказала: ты бы выучил Визбора или Окуджаву. Ну он послушал однажды Батонов, и сказал, что это не то. Хотя Батоны хорошо на гитаре играют, лучше Колёсика, честно надо сказать, но песни... Нет, кое-что мне даже понравилось, но большей частью уж очень занудно, не то, что Высоцкий. Батоны, они вообще странные. Не пьют совсем, не курят. Но и спортом не занимаются. Хотя и не трусы вовсе. И подраться могут. Смешно смотреть, когда они встают спиной к спине, похожие, как два батона, и отмахиваются хоть от целой толпы. Даже тем, кто нападает, смешно становится – и уже не до драки.

После реки мы с отцом разбирали погреб. Хорошо, когда есть около дома сарайка с погребом. Вон Папуле приходится на автобусе в гараж за картошкой ездить. А тут вышел из квартиры – и вот, пожалуйста, хоть велосипед поставить, хоть картошку, капусту, соленья всякие хранить.

Вечером, как всегда, пошли на танцы. Опять эта дурочка из ДК пела под Пугачёву. Неужто самой не ясно, что не тянет. Позорится только.

Увидели в толпе Красавчика с его шоблой. Я подумал, опять придется схлестнуться. Но нет, мы на одной стороне танцплощадки топтались, они на другой. Среди танцев подошел ко мне Борёк, я напрягся – он подлый, чего хочешь, может. Но он мирно так поздоровался и говорит: здорово ты мне по ливеру настучал, умеешь. Я из вежливости ответил: да и ты мне по калгану зазвездил не слабо. Но тут он увидел, что Красавчик смотрит на нас неодобрительно, кивнул и отошел. Я оборачиваюсь, а ко мне уж Колёсик с Папулей пробираются сквозь толпу: ну, чего? Я им говорю: ничего, все нормально.

Колёсик спрашивает: Веру не видел? Нет, не видел. А сам подумал: пойдет тебе Вера на танцплощадку. Жалко его, ясно ведь, не его она поля ягодка. И как она вообще в нашу компанию затесалась? Кажется, все-таки не из-за Колёсика. Хотя улыбается ему, песни слушает и вообще... Институт окончит и уедет, конечно...

Потом, когда мы уже сидели в беседке у реки, Вера вдруг пришла. Тут наши материться стали пореже и как-то поделикатнее, что ли. А Вера даже выпила вермута прямо из горла, чем нас всех удивила. И сразу ближе как-то стала. Ну, в каком смысле ближе. По-настоящему-то не ближе, конечно, но все же...

Тут я зачем-то ляпнул, что мать пристаёт с техникумом, а есть возможность в депо перейти на хорошую зарплату. Все начали спорить. А Вера говорит, деньги не главное, с образованием будут и деньги. Тут все еще сильнее заспорили, прямо гвалт поднялся.

Я вышел из беседки, посмотрел на небо, а там звезд – пропасть! Слышу, Вера за спиной говорит: Млечный Путь сегодня – загляденье. Тут и Колёсик вышел. Ребята в беседке как с цепи сорвались, спорят, кричат, а Вера нам с Колёсиком созвездия показывает: это Кассиопея, это Андромеда, левее Большой Медведицы – Гончие Псы, а там вон, на западе, белая яркая – Венера. Уже совсем низко, скоро зайдет... А самая яркая звезда в нашем полушарии во-о-он та, ниже Гончих Псов – Арктур, смотрите, как мерцает...

Действительно красиво. А я кроме Большой Медведицы да Полярной звезды ничего и не помню, хотя в школе в шестом классе в кружок астрономии ходил.

Потом Колёсик пошел провожать Веру домой, и, уходя, она сказала мне: поступи в техникум, обязательно поступи.

Дома все уже спали, я напился из-под крана холодной воды, потихоньку разделся и лег. В окно тыкалась сирень, сквозь листья были видны звезды, но не так много потому, что на углу горел фонарь.

Какой хороший день получился, думал я, пытаюсь разглядеть сквозь сирень Арктур. Все-таки воскресенье – это здорово. И уже засыпая, подумал: правда, что ли, в техникум податься?

ИВА

Поезд давно никуда не двигался. Он годами стоял на ржавых рельсах, которые прямой линией пересекали Пластилиновую Долину. Пластилиновой Долиной в районе Ханкалы называли за глинистую тяжелую почву, после каждого дождя превращавшуюся в вязкое липкое месиво. А когда стояла сухая жара, над Долиной стояли клубы мелкой пыли. В плацкартных вагонах поезда устроили импровизированную гостиницу для журналистов. Утром по одному и группами они разъезжались по чеченским городкам и воинским частям, а к вечеру возвращались в свои вагоны на ночлег.

Едва солнце уходило за неровную цепь дальних холмов, по вагонам проходил комендант и проверял, плотно ли занавешены окна со стороны степи. Оттуда по ночам постреливали. В некоторых стеклах ветер насвистывал в аккуратные дырки пулевых отверстий и колыхал байковые одеяла, выполнявшие роль светомаскировки.

– За насыпь не ходите, – с неустанностью попугая то и дело повторял комендант, – там мины. Позавчера там коза подорвалась...

Каждый вечер в купе, где мы бытовали вдвоем с норвежским телевизионщиком Муртоном, приходила молоденькая чешская журналистка Ива и затевала разговор на политические темы. А главной темой для нее была «Пражская весна».

– Русские – плёхо, – убеждала нас Ива. – Русским Европа никогда не простит подавления Праги, никогда! Русские и Чечню подавляют! Федералы – плёхо! Чечня борется за свободу, а русский солдат их погнетает!

– Угнетает, – флегматично поправлял ее Муртон.

Иногда к нам присоединялся пожилой полковник из военной многотиражки и военный обозреватель из еврейской иерусалимской газеты.

– Ну и как вы тут с чеченцами? – спрашивал еврей полковника.

– Да вот уж лет триста воюем, а вы как там со своими террористами?

– А мы пока лет пятьдесят...

– Вы не должны сочувствовать русским, – обижалась на еврея Ива.

– Вы должны быть за свободу Чечни! Федералы плёхо себя ведут! Пригнетают чеченцев, убивают мирных жители!

– А чеченцы федералов шашлыком кормят? – подавал иногда голос и я. – Знаешь, сколько русских людей гниет сейчас в чеченских зинданах?

– Нисколько! – вскидывалась Ива. – Это пропаганда «Московского комсомольца», русские газеты врут! Пропаганда!

– Не наигралась еще, – ворчал потихоньку норвежец, – делит еще мир на хороших и плохих. Ничего, с возрастом это проходит...

– Не проходит! – упрямылась Ива. – Россия дикая страна, всем плёхо делает. И украинских патриотов Россия пригнетает!

– Угнетает... Я, кстати, не так давно работал на Западной Украине, – оживился норвежец, – послушал я речи местных националистов, послушал и сразу стал русский шовинист.

Мы пили коньяк, закусывали тушенкой и говорили, говорили, говорили свои «политические разговоры». Иногда в ночи раздавался взрыв или выстрел, или длинная очередь. Мы на секунду смолкали, прислушиваясь, и снова выпивали, закусывали и разговаривали...

Незадолго до отъезда Иву взяли на «зачистку». Это, конечно, было против правил. Даже хуже, риск был слишком велик, но полковник отчего-то решил рискнуть. «Зачищали» аул по наводке «федерального чеченца». Предполагалось освободить трех-четырёх рабов. В ауле в пятьдесят дворов из каменных сараев и земляных ям – зинданов – вызволили двадцать пять отощавших, завшивленных, заросших щетиной пленных. И старых, украденных еще до начала войны, и молодых, взятых в плен солдатиков. Среди освобожденных оказалось и три женщины. Битые, регулярно насилованные, в обносках они затравленно жались к военным до тех пор, пока их не привезли в Ханкалу. Всю дорогу они плакали и рассказывали, рассказывали о том, что с ними произошло, как их обманом вывезли в Чечню, как продавали и перепродавали...

В тот вечер Ива к нам не пришла. Она лежала на второй полке своего купе и тихо плакала.

– Не надо ее трогать, – останавливал норвежец сердобольных коллег, – пусть поплачет, это полезно, у ней сердце открылось...

Александр ОРЛОВ

ЛЮБИМАЯ

Просто ты умела ждать...
Константин Симонов

Мы присели, обнявшись, на лавке.
Я так много сказать не успел...
Три минуты у нас до отправки,
Я вернусь, не попав под прицел.

Ты волненье скрываешь умело,
Будешь ждать, как умеешь лишь ты.
Это главное женское дело,
В нем секрет неземной простоты.

Ты опустишь задумчиво веки,
И кружочек пришлешь мне «ВК».
Мое сердце от нежной опеки
На мгновенье заколет слегка.

Александр Владимирович Орлов родился в 1975 г. Поэт, прозаик, историк.

Публиковался в широком круге российских изданий: «Берега», «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учеба», «Москва», «Наш современник», «Нижний Новгород», «Подъём», «Север», «Сибирь», «Сибирские огни» и др.

Стихи переведены на болгарский, испанский, итальянский, сербский, якутский языки.

Лауреат всероссийских премий: имени А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), Н. С. Лескова (2019), Д. Н. Мамина-Сибиряка (2020), Международной литературной премии «Югра» (2019), обладатель «Золотого витязя» Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2019).

Живет в Москве.

Эту подборку стихотворений Александр Владимирович написал во время волонтерских поездок в зону СВО.

В час печали молитвой одерни,
Дай поверить, что мне повезет.
Нам сыграет судьба на валторне,
Подарю тебе весь небосвод.

Когда ночью, приехав с Донбасса,
Напишу, что я дома, живой...
Твоего ожидаю приказа,
Словно спутник, плененный звездой...

ГУМКОНВОЙ

*Его Высокопреподобию
иеромонаху Августину (Пирогову)*

По дороге ни к чему горячка,
Едем из Москвы на передок.
Дома ждет любимая соплячка,
Две недели не смертельный срок.

Гумконвой: дороги и обстрелы,
Краток сон, неприхотлив ночлег.
Трое нас, мы веселы и зрелы,
Впереди на фронт автозабег.

Радость встреч и братские объятия –
Будет все, когда приедем в полк.
Только смерть здесь смотрит на распятье,
Словно одинокий старый волк.

Умный зверь, чья перебита стая,
Хочет отомстить, ведь он вожак;
Рыщет волк от ада и до рая,
И не изловить его никак.

Хищник снова вышел на охоту,
В этот раз, я думаю, что зря.
Мы сегодня покидаем роту –
Васнецовских три богатыря.

Протоиерею Евгению Rogozинскому

Много раз в эти темные степи
Я смотрел, не считая минут.
Размышлял о Борисе и Глебе,
О врагах, что внимательно ждут,
О любимых с надеждой и верой,
Что сюда проводили солдат,
О земле этой пепельно-серой,
И об ангелах, что сторожат
Наши души. Хотя не скрываю,
Видел сам, и, бывало, не раз,
Грязных демонов черную стаю,
Что неслась и дышала на нас.
Дикий крик и горящие пасти
Не забуду, хоть хочется мне,
Не уснуть в батальонной санчасти,
А воскреснуть в луганском огне.

КРАСНО-БЕЛЫЙ

Ты будешь спать, а я уеду,
Не расцелованный никем...
Я привезу стране победу,
С тобой останусь насовсем.
Ну а пока ты спи, родная,
В дороге дальней я с тобой,
И в нашей схватке затяжной,
Твой сон с оружием охраняя,
Я снова в роте штурмовой.
Наступит ночь, и мы на дело
Пойдем, как было, и не раз,
Мне близость смерти надоела,
В неравный бой вступил спецназ.
Я буду жить, ты будь покойна,
Но если вдруг случится так,
Что ты не встретишь больше воина...
Люби Россию и... «Спартак»!
И знай, что я навеки рядом,
И с первым солнечным лучом
Стою у дома с автоматом.
Меня здесь помнят пацаном.

Пробьется луч из темноты,
Заполнит солнце неба щели.
Мы в эту зиму уцелели
И, словно тощие кроты,
Потянемся на звон капели.

Вокруг – движенье новых рас,
И время строит казематы,
И смерти крепкие обхваты
Знакомы нам не в первый раз –
Нас поджидает час расплаты.

Но, силы обретая в храме,
В объятьях многоликих свеч,
Мир предстает – широкоплеч!
И слышно, как над всеми нами
Царит Желающий сберечь.

* * *

Разговориться, замолчать, потом,
Не позабыв причины разговора,
В любимом одиночестве земном
Ждать во дворе паденья метеора.

И если в атмосфере в этот миг
Не прогорят летящие осколки,
Уйти домой и, отыскав на полке
Любимую из сотни разных книг,

Остаться с ней одной наедине.
И жизни, разделенные на главы,
Покажутся подобьем переправы,
И мирный вечер приведут к войне.

И смертное дыханье превратив
Вначале в слово, а потом и в строки,
Несмело принимать судьбы намеки
И к вечной жизни обрести мотив.

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА

ПУСТЬ ВРЕМЯ КРУТИТ КОЛЕСО, ЛОМАЯ СТЕНЫ И ГРАНИЦЫ

ВЕСНОЙ

Что-то случилось странное этой весной,
что-то то такое новое произошло со мной.
Я среди кислых мин и чужих параной,
тала стройней и выше, внутренне стала иной.
Я огибаю крыши, вижу людей свысока,
вижу, как Бог колышет небо на сильных руках.
Я поднялась и вижу: кончилась вдруг зима,
нег превратился в жижу, а жижа в март.
Хоть на дворе и солнце, все же не месяц май,
но время сворачивать шубу, из шкафа скелет вынимать.
Запах весны гуляет по улицам и домам,
а у детей и кошек весенняя кутерьма.
Вслед проходящим мимо воздушный дарю поцелуй.
К солнечным витаминам тянет – к его теплу.

Анфиса Сергеевна Третьякова родилась 1988 г. в Симферополе. Окончила КФУ им. В. И. Вернадского, факультет филологии и журналистики.

Член Международного Союза писателей и мастеров искусств.

Член Союза журналистов Крыма. Внештатный корреспондент газеты «МК в Крыму».

Участник литературно-бардовской мастерской «Таласса» (Симферополь) и поэтического клуба «Эвтерпа» (Евпатория). Филолог, учитель. Финалист литературной премии «Слово».

Публиковалась в «Литературной газете», в журналах «Москва», «Невский альманах», «Российский колокол», «Александръ», «Перископ» и др.

Каждой травинке нужен для жизни солнечный свет,
хоть птицам, пьющим из лужи, до этого дела нет.
Каждому телу душно. Душу свою излить
всем нам кому-то нужно. И чтобы цветы росли.

РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...
Фёдор Тютчев*

Крепка моей страны броня,
И в русский дух хочу я верить...
Страна, где каждую зимой
Леса забелены порошей...
За то, что Крым пришел домой,
Спасибо Родине хорошей!
Ее богатствам нет числа!
Своей любовью непорочной
Березой белой проросла
В моей душе Россия прочно.
Когда закончится война,
Когда грехи замолит каждый,
Страна воспрянет ото сна,
Простив врагов своих однажды.
Пусть время крутит колесо,
Ломая стены и границы,
Пшеницы каждый колосок
Всегда на свет стремится.
Черемух белых рукава,
Простор небес безбрежно-синих
Заставят блудных тосковать
По матушке-России.
И в темную глухую ночь
Мне виден свет от звезд Кремля,
Ведь я твоя родная дочь,
Российская земля!

КРЫМСКАЯ ВЕСНА

Мне снились когда-то тревожные сны:
Майдан, предвещающий горе войны,
Погибших от пуль, чувство общей вины...
И тот президент, что сбежал из страны.

Я видела боль и смятение людей,
Что не находили покоя нигде,
От множества мыслей, прогнозов, идей,
Забыться стремящихся в тяжком труде.

Я помню февраль: как я гордо несу
Родной триколор, с ним – российскую суть,
Как лью в предвкушении чуда слезу
И с чувством кричу: «Сердцем, Крым, голосуй!»

Сегодня я вижу прекрасные сны:
Нарядность садов от цветков бузины,
Всеобщее счастье от Крымской весны
И чувство, что мы наконец спасены!

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

У каждого свои грехи.
Вот я в шаббат пишу стихи.
Стихи не о Прекрасной Даме –
О бедном нашем Мандельштаме.

Какие песни волны пели
Ему с Мариной в Коктебеле?
Как пес, влюбленный Мандельштам
Бродил за музой по пятам.

Но быстро выбрался из плена
Ребяческих стихов Верлена.
За Осипа спасибо прежде
Хочу сказать его Надежде.

Когда под киевским каштаном
Стихи слагались Мандельштамом,
Мог думать он, что будет в страхе
Сжигать любимый амфибрахий?

Что солнцем мертвых Старый Крым
Подсветит правила игры
И ужасом сведет с ума
Его Бутырская тюрьма?

Мне хочется дойти до сути,
Какой поэт отведал жути,
Когда безвестно и жестоко
Растерзан был Владивостоком.
Став мастером в «тяжелом весе»,
Пал жертвой сталинских репрессий...
Но жизнь все ставит по местам:
На первом месте – Мандельштам!

МАМИНО ФОТО

Я увидела мамино школьное фото,
Где до боли похожа она на кого-то,
И в причёске направо уложена челка,
Как носила когда-то другая девчонка...

Мы по многим вопросам расходимся с мамой,
Хоть она человек мой родной самый-самый.
Ежедневно встречаясь на кухне за чаем,
Мы все чаще друг друга в себе замечаем...

Детство, юность и молодость. Зрелось и старость.
Но есть фото, где мама девчонкой осталась.
Это значит, что мама моя ученицей
Непременно однажды во сне мне приснится!

ПАРАД ТЮЛЬПАНОВ

Отложив на потом все планы,
Я поеду смотреть тюльпаны
В ботанический дивный сад.
Бахрома лепестков и рюши,
Вкусно пахнувшие к тому же –
Вот селекции чудеса,
Что срослись в Золотую рыбку,
Провоцируя глаз улыбку,
Красотою сводя с ума!
Поднимают цветы бокалы,
Чтобы солнышко их ласкало,
Разливая свой аромат.
Тут влюбленных в природу много!
Все хотят созерцать и потрогать

Красоту неземных цветов.
Над оливковой рощей парка,
В лабиринте тюльпанов ярком,
Каждый встретить любовь готов.
Открывается вид на море...
Здесь знакомятся люди, спорят
О понравившихся сортах.
Половинку найдя вторую,
На прощанье цветы воруют,
С поцелуями на устах.
Даже если мне будет не с кем
Насладиться деньком апрельским,
Все ж цветенья пришла пора:
В ботанический сад Никитский,
Где по тропкам гуляют киски,
Я поеду смотреть парад.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ

Не ждал ареста и расстрела,
А пил французское бордо.
От травмы детской застарелой
Он в лес бежал из городов.
Поэт, стрелой летевший к славе,
Что с мокрой тяжестью ресниц
Стихами прутья клетки плавил,
Жар-птицей был среди прочих птиц.
Он был поэтом Петрограда,
Где женщин брал, как города.
Горенко взял осадой, правда,
Но и она сказала «да».
Был первым избран после Блока.
Он был серебряной стрелой.
Цвета меняя, женский локон
Нес Гумилёв на аналой.
Читал стихи соленым брызгам
И севастопольским волнам.
Для жизни собственной он с риском
Открыл Аддис-Абебу нам.

Поэт в цилиндре и во фраке,
Горевший так в последний год!
Души своей пылавшей факел
Пронес сквозь годы непогод.

Ждал утром Гумилёв Аврору.
Старо предание, старо...
На смену белому террору
Кровавее пришел террор.

Где узники тюремных камер
Стонали глухо по ночам,
А стены, став черновиками,
Несли посланья палачам.

Стихи про Болдинскую осень
И неприятие войны
В его последней папиресе
Остались все заключены.

В расстрельный август акмеизма
Вошел апрельский херувим...
Никто виновным не был признан
В невинно пролитой крови.

Сергей ФИЛАТОВ

НЕДОРО́ЖДЕННАЯ ВЕСНА

Рассказ

Ирка покурить вышла на крылечко. Устала. За матерью лежачей ухаживает уже который день без выходных. А куда деваться: мать не встает, даже приподняться, не то, чтоб присесть, на кровати, не в силах.

Не предполагала Ирка, что это так сложно и мучительно будет. Мать в одночасье стала такой капризной и непослушной, хуже ребенка. Недаром говорят: что старый, что малый...

– Мам, надо бы таблетку выпить. – спрашивает ее Ирка.

– За-а-а-чем? Даешь и даешь мне эти свои таблетки... Ба-а-альшие такие...

– Мам, да не мои они. Даю, какие доктор тебе прописал... Ну надо, чтобы выздороветь, да на ноги подняться...

– И поесть надо? – интересуется мать.

– И поесть, – соглашается дочь. – Огурчик будешь?

– Буду...

Немного пошамкав, мать фыркает:

Сергей Викторович Филатов родился в 1961 г. в Омске. Окончил Алтайский политехнический институт (1985), учился в Литературном институте им. А. М. Горького.

Стихи и проза публиковались в краевой, российской и зарубежной периодике, в коллективных сборниках, в различных антологиях. Автор семи поэтических книг и двух книг прозы.

Лауреат ряда краевых литературных премий (в т. ч. им. Леонида Мерзликينا), премии журнала «Огни Кузбасса» («Публицистика», 2011), премии им. А. А. Дунина-Гаркавича. Участник IX Всесоюзного совещания молодых литераторов (1989).

Член СП России, членкор Петровской академии наук и искусств. В различные годы редактировал альманахи «Бийск», «Музейный вестник», «Чуйский тракт», «Бийский вестник». входит в общественный редакционный совет журнала писателей России «Огни Кузбасса».

Живет в Бийске.

- Фу-у, не хочу...
- А котлетку?.
- Буду... Не хочу...
- А что будешь?
- Не знаю. Придумай сама!

Вот и задумалась Ирка, вон нынче уж и март на дворе, солнце яркое, с крыш вроде капает, но все равно откуда-то от земли сильно холодком потягивает. Точно и не весна вовсе, слишком уж неприветливая она, зябкая до мурашек в спине.

Еще тут собаки соседские выть взялись, чисто волки. Из ограды напротив. Их там целая стая, штук пять, не меньше. Вроде хаски. Сосед их разводит. Важный такой стал: «Я, – говорит, – заводчик!» Ирка, этого «заводчика», когда он еще в коротких штанишках по переулку с мелюзгой бегал, помнит. Она-то к тому времени постарше была, тогда уже и с парнями дружила. А теперь вон, на тебе, заводчик! Заберутся его хаски всей стаей на поленницу, что там, внутри ограды у забора сложена. На забор лапами встанут, морды вверх тянут, чуть-чуть набок наклоняя, словно шея у них болит. И ну давай завывать хором, истошно на всю округу.

Точно к покойнику воют. Слов нет, красивые хаски эти, но воют жутко, дрожь берет. Ирка даже и не знает: а лаять-то вообще они умеют, как другие нормальные собаки? Ни разу не слышала. «Надо бы у «заводчика» спросить как-то», – между делом подумала.

Собаки воют, холодком подтягивает, еще и весна эта какая-то недоробжденная, будь она неладна!

Пока курила, дверь за спиной неожиданно скрипнула. И приоткрылась. Ненамного, совсем на чуть-чуть. Сантиметров на тридцать, не боле. Однако Ирка вздрогнула, впрочем, скорее от неожиданности, чем от страха.

Дверь приоткрылась... И снова захлопнулась. Что это было?. Кто?.

...Странности эти у матери начались после того, как коронавирусом переболела. Памяти у нее совсем не стало, одно и то же, бывало, по десять раз переспросит, но сколько ни объясняй – все равно тут же все позабудет.

- А день-то какой у нас сегодня?
- Суббота.
- А время-то сколько?
- Да двенадцать уж.
- Двенадцать, надо же... Полдень.
- Полдень, полдень... – соглашается Ирка.
- Да-а! А день-то какой?
- Суббота, мама, суббота...

– А-а... Суббо-ота... – повторит и молчит подолгу отстраненно, точно о чем задумалась.

От этого ее такого молчания как-то неуютно на душе у Ирки, зябко, что на дворе. Оно всегда так бывает, когда говоришь с человеком и не знаешь, слышит он тебя, понимает ли, что у него на уме? Иногда Ирке от таких мыслей самой хотелось начать подвывать соседским хаски. Но она внутренне уговаривает себя, успокаивает: «Злись не злись, – думала, – реви не реви, ничего не поделаешь. Возраст... Болезнь... Деменция, будь она неладна!»

Про деменцию – это ей доктор рассказал. Таблетки вот выписал, которые она матери каждый день давать пытается. Сказал: «Может, и помогут. Но хуже точно не будет». Куда уж хуже! Иногда получается у Ирки матери таблетки скормить, иногда не очень, только забывчивость ее с каждым днем лишь прогрессирует.

«Не дай Бог, до таких лет, – думает Ирка, глядя на мать. – Не дай Бог!»

Не так давно сон ей приснился, Ирке. Сидят на веранде мать, бабушка и дед – родители материны. Так-то их давно уж нет – ни бабушки, ни деда, а вот, на тебе, приснились.

– Чего это вы на веранде-то сидите, чего в дом не идете? – спросила их Ирка.

– Сидим вот, – отвечают, – сторожим.

– Чего здесь-то сторожить, в доме поди теплее.

А бабушка Настя повернулась к ней и как будто только заметила внучку, руками на нее замахала, что курица крыльями:

– Чего сюда пришла! Иди-иди отседова скорее!

Так это у ней получилось, будто и не прогнать вовсе Ирку хотела, а уберечь, что ли, от чего-то.

Сон более чем странный, только после этого буквально дня через два у матери инфаркт случился, увезли ее в больницу на скорой.

Три недели она там отлежала, сначала в реанимации, потом в интенсивной терапии, потом уж в общую палату перевели.

Пока в больнице лежала, все Ирку выспрашивала:

– А я чего здесь делаю-то?

– Так болеешь ты, мам.

– Правда? Чем?

– Инфаркт у тебя был, тебя сюда на скорой привезли, – терпеливо объясняла Ирка.

– Надо же, привезли... – словно удивлялась мать. – А живу-то я где?

– Так в доме, мама, в доме.

– В доме?

– Ну да, в бабушкином.

- А что, его не снесли еще?
- С чего ты взяла-то это? Никто ничего сносить не собирается.
- Так слышала я, наверное, где-то... Кто-то говорил мне, наверное...
- Не знаю, где ты чего услышала, никто там ничего сносить не собираются!
- Не собираются? Ну и хорошо... А дом-то он – бабушкин?
- Бабушка умерла давно, сейчас ты там живешь.
- А-а... А муж-то у бабушки был?
- Мам, ну как не было, конечно, был, отец твой – дед Фёдор. Не помнишь, что ли? Только, он еще раньше бабушки умер...
- Раньше умер? Надо же... – и немного помолчав, продолжала: – А у меня, что, тоже муж был?
- Конечно, был. Иначе откуда бы мы с Ванькой взяли-то? – обьясняла Ирка.
- Ну да, ну да... Вы с Ванькой...

И деда, и бабушку своих Ирка хорошо помнила.

Деда Фёдора Ивановича – постоянно сидящим в инвалидном кресле, а бабушку, вечно суетящуюся по дому, – возле печки или в огороде над грядками... Иногда бабушка выкатывала деда на крылечко – «чтобы воздухом подышал, не все же в комнате закипеть», сама садилась рядом, усаживала внука и неторопливо, как сказку, рассказывала Ирке истории про ихнюю с дедом жизнь.

В Великую Отечественную дед Фёдор танкистом был, командиром «тридцать четверки». Когда танк подбили, он, рискуя жизнью, вытащил и раненого механика-водителя, и заряжающего своего, которого сильно контузило, а вот сам не уберёгся. Не успел отбежать подальше от пылающей машины – рванул боекомплект. Деду тогда-то позвоночник осколком и повредило. Подобрали их всех, весь экипаж, санитары сначала с поля боя вытащили, потом в госпиталь отправили. Парней-то из экипажа на ноги поставили, они даже потом снова в строй вернулись. Механик, так тот до самого Берлина дошел, а заряжающий погиб где-то при освобождении Праги.

А вот Фёдору Ивановичу не повезло, так спину ему в госпитале тогда и не «отремонтировали». С тех пор он в этой коляске и обосновался.

Шутил иногда: «Ну вот, поменял шило на мыло: раньше-то на гусеничном танке ползал, теперь вон на двухколесном драндулете гоняю! – и добавлял: – А Настёна у меня теперь заместо водителя».

Дом этот, где они с бабой Настей жили, деду Фёдору как участнику войны выделили, хоть и небольшой, но участок есть пара соток. Бабушка постоянно по весне его вскапывала, да огород садила: лук, огурцы, помидоры высаживала, редиску, викторию...

Ирка у них с дедом обычно все лето гостила. То ягодой на грядках кормится, то на переулке с малышкой – все лужи перемерила, на велике – сначала трехколесном, а постарше и на двухколесный пересела – с пацанами гоняла. Все ей здесь знакомо, каждая горка, каждая кочка, все здесь родное.

И чего это ее бабушка прогонять-то взялась? Опять тот сон вспомнила...

Когда с братом Иваном мать из больницы забирали, Ирка к врачу было пошла, чтобы узнать о состоянии матери, да как дальше ее лечить теперь. У матери глаза испугано округлились, того и гляди из орбит повылезут, в Ирку руками вцепилась, трясется и заблажила-запричитала:

– Ты куда? Куда?!

– Да сейчас, мам. К врачу схожу, узнаю, что и как...

– Нет, нет! Забирайте... Забирайте меня скорей отсюда!

– Мама, мне хотя бы выписку твою забрать...

– Забирай-те! Заби-рай-те!

Ирка кивнула брату:

– Вы спускайтесь пока. Я догоню.

Уже в машине мать немного успокоилась.

– Мы куда сейчас поедем? – спросила.

– Домой.

– А где я живу?

– Так там же где и раньше: в доме своем.

– А его не снесли еще?

– Мам, ты че как маленькая, чего напридумала себе, кто его снесет? – успокоил ее Иван.

– Дак слышала я...

– От кого? Где? Во сне?

– Не знаю... Слышала...

– Успокойся, на месте твой дом стоит, никто его не трогал. И кот там тебя ждет.

– Кот?

– Ну да, Кузька твой.

– Ку-у-узька, – протянула удовлетворенно, точно вспомнила что-то, глаза прояснились, но тут же испугано спохватилась: – Он же поди голодный...

– Конне-е-ечно, мы его две недели голодом специально морили, – Но, увидев в глазах матери искренний испуг, поспешил ее успокоить. – Не волнуйся, уплетает твой Кузя за обе щеки, жрет все подряд! Ждет не дождется, сейчас вот встретит тебя.

– Так мы домой?

– Домой.

После возвращения из больницы мать лежала на кровати, совсем не вставала. Такое впечатление у Ирки было, будто что-то перещелкнуло у нее в голове.

– Мам, ты хоть приподнимайся, присядь на кровать. Надо двигаться, – упрашивала ее дочь как маленькую.

– Не хочу. Голова кружится...

При этом, правда, постоянно вертелась, жаловалась, что все ей мешает, то кофта не та, то одеяло тяжелое, то убери, то укрой... Постоянно приходилось поправлять у нее постельное белье, подушки. А она все жаловалась и жаловалась на слабость, на головокружение. От еды чаще отказывалась, а если и удавалось скормить ей несколько ложек куриного бульона или каши, выплевывала, недовольно говорила Ирке:

– Тф-у-у, чего ты мне даешь-то? Гадость какая-то!

Часто просила пить, а поскольку держать кружку в руке сил у нее не было, поили ее Ирка и Иван с ложечки, по глотку вливая воду в рот.

– Мам, ну ты хоть поешь чего-нибудь, – вздыхала дочь.

– Не хочу.

– Надо!

– Не хочу ничего.

– Ты что так вот и собираешься лежать? Чтобы встать на ноги, надо же кушать. Так у тебя и пролежни скоро пойдут.

– Не хочу.

Ирине пришлось взять на работе несколько недель без содержания, потом еще. Благо начальство пока входит в ее положение и идет навстречу.

Еще до больницы мать неоднократно спрашивала Ирину:

– А пенсия у меня какая?

– Тысяч сорок, – отвечала дочь.

– А я думала тридцать...

– Так прибавляют, мама. Ты про пенсию лучше у Ваньки узнай, он на твою карточку деньги в банкомате получает.

– На карточку? А-а-а... Хорошо, удобно.

До какого-то времени мать сама ходила в отделение Сбербанка, получала пенсию там. Но в последнее время частенько случалась, снимет, куда-нибудь засунет деньги и забудет. Потом плачет, жалуется дочери:

– Не помню, то ли снимала я пенсию, то ли нет... Может, сама куда засунула, а может и в банке обманули...

Раза три после того, как деньги «терялись» в очередной раз, они с братом перерывали в доме все шкафы. В итоге, как правило, материна записка где-нибудь да находилась. Единственное, что затрудняло поиски, пенсию в сбербанке ей обычно выдавали крупными купюрами, а

мать, не понятно из каких соображений, клала их в самые разные места: вложит в какую-нибудь тряпочку или полотенце, на первый взгляд сроду не подумаешь, что там несколько бумажек пятитысячных лежит.

В последний раз уж Ванька сам с ней в банк поехал. Кассирша ему подсказала:

– Вы бы маме карточку пластиковую оформили да через банкомат получали. А то она получит деньги, забудет, на следующий день опять к нам приходит.

На том они и порешили: оформили пластиковую карточку. Иван получал ее пенсию, оплачивал за нее всю коммуналку, продукты покупал, привозил, а остаток – еще и свои с Иркиными – выдавал ей частями каждую неделю, чтобы крупные суммы разом не «терялись».

Вроде бы все решилось, но иногда все же мать порывалась сходить в банк получить пенсию. Ирине приходилось в очередной раз терпеливо объяснять ей:

– Мам, Ванька пенсию получит. Коммуналку оплатит, продукты привезет, тебе на карманные расходы выдаст, на неделю...

– Правда? Получит... Хорошо... Удобно... А ты ведь тоже на пенсии? – спрашивала Ирку.

– Ну да, на пенсии. Но пока работаю.

– Че ж работаешь-то, если на пенсии?

– На мою пенсию, мам, не проживешь...

– А сколько у тебя пенсия?

– Двенадцать.

– Мало...

– Мало. Если бы не работала, пятнадцать бы со всеми прибавками получала...

– Так чего ж работаешь?

– А жить-то как на пятнадцать?

– Да-а-а, жить...

– А на работе-то тебе сколько платят?

– Да столько же, сколько у тебя пенсия... Выучилась вот на инженера.

– А-а-а... – отвечала мать и, помолчав, заходила на второй круг: – Поди хватит уж работать-то...

Разговоры эти Ирку поначалу сильно бесили, и она старалась избегать их, либо переключала внимание матери на другую тему. Потом уже нашла более спокойный хитрый выход из этой ситуации – делала вид, что ей что-то очень нужно: позвонить, погладить белье, снять пенку с кипящего бульона.

– Потом, мам, потом, – срочно обрывала она разговор.

После больницы мать про пенсию как-то перестала спрашивать. А вот Ирка часто задумывалась, если матери лучше не станет, если не поднимется сейчас, что ей, Ирке, тогда делать? Одну ее не оставишь, факт. На работе вроде пока терпят – дают без содержания, но ведь бесконечно же тоже все это не будет продолжаться. Ей как быть? Оформить пенсию и жить на эти пятнадцать, сегодня? Грустно как-то, да и не реально.

Попробовать сиделку найти? Пыталась по телефону. Там называли такие цены, что придется отдавать практически всю свою инженерскую зарплату. Конечно же, что-то надо решать. Только вот что?

Весь день Ирина проводила с матерью в ее доме, а вечером после работы приезжал Иван и сменял сестру.

– Ну вот, – усмехалась Ирина, – пост сдал, пост принял. Будем с тобой, Ванька, осваивать новую профессию сиделок. Точнее, я сиделки, а ты – сидельца.

– Не шути, – хмурился брат. – Какой-токой сиделец, ни разу не собираюсь. Скорее – медбрат!

– Ну-ну, я-то думала ты просто брат, а ты еще и мед... или мёд? Теперь если что, так и буду тебя навеличивать.

Шутки-шутками, но уход за больной матерью требовал от них значительных затрат нервной энергии, тем более что вела мать себя все чаще крайне неадекватно. Временами по-прежнему что-то бормотала про дом, который хотят снести, то ни с того ни с сего спрашивала у дочери:

– А у нас кто умер?

– Да многие уже умерли, мам, – начинала перечислять Ирка. – Бабушка с дедушкой – это твои мама с папой, мой папа, муж вот мой.

Ирка невольно вспоминала мужа Игоря. Вредный стаж отработал на оборонке, на пенсию вышел. Два года не прожил... Вот она, «вредность»!

– А у меня сколько детей-то?

– Так, двое, мам: я да Иван.

– Двое... – повторяла за ней мать, словно пыталась запомнить.

– Двое, двое.

– А у тебя?

– Один. И то не здесь, в другом городе нынче живет.

– В другом городе?

– Не помнишь, что ли, Антона? Институт он окончил в Барнауле, и там после окончания остался работать на заводе.

– На заводе? Не помню...

Ирке приходилось делать над собой очередное огромное усилие, чтобы объяснять матери одно и тоже по нескольку раз. Впрочем, мать

все сказанное тут же успешно забывала и снова начинала расспрашивать дочь, точно по какому-то замкнутому кругу ходила:

– А кто у нас умер-то?

Странное дело, Ирка заметила: все, что сейчас вокруг происходит, мать будто не запоминает совсем. Как говорится, в одно ухо влетело, во второе вылетело. Зато все, что давно было, вспоминала она до мельчайших подробностей.

– А деда Фёдора помнишь? – ни с того ни с сего вдруг спрашивала она Ирку.

– Чего ж не помнить, конечно, помню, – кивала дочь.

– А ложечка у него была такая серебряная, маленькая? С листиками... Матери он еще с войны ее привозил, из Германии...

– Была где-то. Тебе-то зачем?

Честно говоря, Ирка смутно помнила эту ложку, про которую говорила мать: да, с войны, да, вроде серебряная, маленькая вроде, изящная, а вот форму, какие завитки на ней были – убей теперь не вспомнит.

– Тебе ложку чайную, что ли, надо? Давай дам какую-нибудь.

– Да нет, не нужно мне какую-нибудь, ту бы... Просто отца вспомнить...

– Где ж найдешь-то ее теперь, серебряную, – Ирка развела руками и невольно попутно обратила внимание на беспорядок в доме.

Мать последнее время перед больницей дом сильно запустила, не убиралась вовсе, да и то сказать, тяжело ей было.

«Прибраться бы, – подумала Ирка. – Завтра займусь, если Ванька пораньше с работы подъедет».

– Да, теперь уж и не найдешь... – вздохнула мать, помолчав спросила: – А что, война-то идет нынче?

С чего вдруг? То ли телевизора насмотрелась? Ирке трудно было сориентироваться сразу. Но немного сообразив, ответила, как смогла:

– Не война – СВО.

– СВО... Как это?

– Ну... специальная военная операция.

– Специальная? Так воюют же?

– Воюют.

– Значит война. А кто с кем?

– Наши... – Ирка хотела сказать «с украинцами», но задумалась и сказала совсем другое: – с фашистами.

– Надо же, с фашистами... – мать замолчала, видимо, пытаюсь что-то осмыслить из сказанного дочерью. – Опять с фашистами. Чего людям мирно не живется?

– Не живется. – Согласилась Ирка.

– Че им надо?

– Не знаю.

– Так поди и Ваню нашего забрать на войну могут?

– Не волнуйся, никто твоего Ваню на шестом десятке никуда не заберет!

Действительно, Ирка вспомнила, что брату скоро пятьдесят пять стукнет.

– Ну да, ну да... – закивала мать. – А ему-то сколько уж стукнуло?

– Так пятьдесят пять скоро.

– Надо же... Уже пятьдесят пять...

У Ирки никак не укладывалось в голове, что мать не помнит ничего о них – своих детях.

«Не дай Бог, дожить... – опять подумала она. – Лучше уж уйти, как бабушка Настя».

Вспомнила, как в детстве однажды ее разбудил испуганный брат – ей двенадцать тогда было, Ваньке пять: «Ирка, вставай! Вставай! – тормошил ее Ванька. – Там бабушка на веранде у стенки села зачем-то и сидит!»

Видимо, баба Настя на веранду пошла, наверное, плохо ей стало, она присела и упокоилась с миром.

Ирка точно помнит, до этого она никогда не слышала от бабушки ни одной жалобы на здоровье. Казалось ей тогда, что бабушка вечна. Ведь и войну она пережила, и за дедом-инвалидом сколько лет ходила, и по дому, и на огороде – везде все сама успевала.

Глядя на материны мучения, Ирка еще раз подумала: «Нет, не дай-то Бог... За что ей?»

Сегодня мать вела себя как-то особенно странно. Сначала ни с того, ни с сего разоткровенничалась с ней, скорее всего, не понимая, что доставляет дочери боль:

– Я ж не тебя, мальчика хотела, а вона ты уродилась. Это все он, отец, девчонку хотел. Ну на хрена? А мне-то сына нужно было...

– Как Ванька? – «На автомате» переспросила Ирка.

– Как Ванька, – согласилась мать. – Иван, он у нас молодец.

– А я, стало быть, дура?

– Дура с дыркой... – опять согласилась мать.

– Ну-ну...

С братом у Ирки были вполне нормальные отношения. Ну да, в детстве ссорились, а сейчас все «тип-топ», как молодежь говорит. Поэтому она никогда не понимала, почему мать брата любит больше, чем ее? Вот и ответ пришел...

Даже сейчас Ванька был любимым сыном, а она и теперь – нелюбимая дочь, хотя и старается, ухаживает за матерью...

Почему так?

Брат действительно был у матери любимчиком, и особенно в дет-

стве нередко пользовался этим: то игрушку купи, то мороженое хоч-чу... А Ирка была любимчиком отца. Правда, отец умер рано – рак горла. Вот и осталась Ирка без отцовской защиты. С другой стороны, курил отец много – вот и рак... А Ирку любил, ее и первую за руль посадил – не Ивана. Батя шофером был, а для него за руль – святое! Да и то сказать, Ваньке тогда еще года три было, куда ему за руль-то?

И из отцовского ружья Ирка первой стрелять научилась – не то, что малой! – года на два пораньше брата.

Несмотря ни на что, брата она любила, хоть и ревновала к матери. Но куда денешься, отец-то умер...

Вот и сейчас мать спрашивает уже в сотый раз, будто издевается:

– Доченька, а ты чего хромаешь-то?

– Упала я, мама, – в сотый раз объясняет Ирка, – ногу подвернула. Скользко сейчас.

– А-а-а... Ну да, ну да, скользко, – соглашалась мать. – Ты бы мне попить водички дала.

– Сейчас дам, мам.

– А вот еще бы огурчика мне свеженького...

– Нет, мам, здесь у нас огурчиков. Сейчас Ваньке позвоню, с работы поедет пусть в магазине зайдет купит...

– Ва-а-ане... – разочаровано протянула мать. – А так хо-о-очется... Огу-у-урчика.

– Мам, ну где я сейчас тебе возьму огурчика, мне же от тебя никак не отойти...

– Никак, – соглашалась мать.

Немного полежав молча, будто обиделась, как всегда, на Ирку. Чего обижаться, ее действительно ни на секунду не оставишь.

Потом спросила дочь:

– А ты чего хромаешь-то?

– М-м-ма-ма! – Ирка чувствовала, что еще немного и она сорвется.

– Ма-ма, ма-ма, ма-ма... – вдруг отрешенно залепетала мать.

– Что, что? – Ирка даже не поняла, то ли мать к ней обращается, то ли еще к кому, в комнате никого больше не было.

Почему она мамой ее, дочь, называет? Глянула на мать и испугалась: у той глаза закатились вверх, словно из орбит повылазили, безумные какие-то, страшные.

«Неужели все?» – подумала. Потрогала мать за голову:

– Мама! Мама!

– А! Что? – Та словно очнулась от этого ее прикосновения. – Попить! Воды!

Ирка поднесла кружку к губам, споила матери несколько глотков. Постепенно у той лицо приобрело более-менее нормальный вид, в глазах появились признаки сознания.

А Ирка явственно почувствовала, что ее все сильнее подтряхивает изнутри, она готова была разреветься от пережитого за эти несколько мгновений.

Как ни в чем не бывало мать легла и вроде бы даже спокойно по-детски задремала.

«Лучше выйти на веранду перекурить», – подумала Ирка.

С крыши капало, капли сползали по большой мартовской сосульке, свисающей с карниза, однако сама сосулька от этого нисколько не таяла и не становилась меньше.

«Ничего, скоро начнется, – попыталась убедить себя Ирка. – Пойдет, потечет, растает...»

Она увидела соседа Генку. Того самого, которого про себя окрестила «заводчиком». Он подошел, поздоровался. Ирка вспомнила, что хотела спросить:

– Ген, чего они так воют-то у тебя? Волки твои?

– Хаски, – ответил Геннадий спокойно.

– Ну хаски – и хаски, гавкали бы, как все!

– Не могут. Не умеют.

– Вот я и говорю: волки!

– Нет. Собаки. Северная порода. Там, на Севере – холодно. Лаять нельзя, простудятся. Потому-то и воют. При вое меньше усилий тратится, и пасть не пропускает в организм студёные потоки воздуха.

– Ну, блин, как профессор излагаешь. Одно слово – заводчик!

– А то! Бизнес у меня такой.

– Бизнес? И что, доходный?

– Знаешь сколько сейчас породистая хаски с документами стоит?

– И знать не хочу.

Генка помолчал, впрочем, не обиделся. Спросил вежливо:

– Мама-то как?

– Лежит. Не встает.

– Понятно. А ей бы вставать сейчас ой как нужно, как-то убедить надо... У меня вот один друг...

– Ладно, Ген, пойду я, – Ирка затушила сигарету, открыла дверь.

– Передай маме – пусть выздоравливает.

– Спасибо. Скажу.

Вернувшись в дом, Ирка зачем-то рассказала матери о случившемся на крыльчке: про Генку и про то, как дверь открылась, как закрылась. Мать беззвучно пошамкала ртом, будто паузу какую выдерживала, потом произнесла вразяжку, но четко:

– Наверное, смерть ушла.

Ирка от неожиданности как-то очень быстро машинально согласилась с матерью:

– Наверное...

– Телек включи, – попросила мать.

Так же на автомате Ирка включила телевизор. Взглянула на мать, та достаточно уверенно сидела на кровати, впервые за столько-то дней.

По телевизору начиналась какая-то глупая новостная передача. Говорили о том, что в Японии старые люди часто специально совершают какие-либо незначительные проступки, чтобы попасть в тюрьму. При этом мотивации пожилых японцев звучали так: «А кому мы здесь нужны? Детям? В тюрьме, хоть кормят по расписанию. И памперсы каждый день меняют».

«Всякую дрянь показывают, и без того хреново, нет чтоб позитив какой-нибудь! – Ирка еще раз глянула на мать. – Ну вот, – подумала. – Вроде сидит уже более-менее бодро. Сама. Может и встанет скоро...»

Однако здесь же следом мелькнула нехорошая мысль: «А что, если нет?» Ирка испугано отмахнулась от нее, как от навязчивой мухи и поскорее поспешила похоронить где-нибудь поглубже в самых дальних подвалах памяти...

Яков ШАФРАН

ПОДВИЖНЫЙ В НЕПОДВИЖНОМ

Рассказ

Возле хорошего всегда вертится плохое.
Сергей Жемайтис. «Легенда дельфинов о людях»

Лето в средней полосе России уже давно не было похоже само на себя – то палила все и вся неистовая африканская жара, то лили беспрерывные нудные осенние дожди. Мудрая природа терпеливо сносила это, словно ожидая, что же будет дальше.

Студент третьего года основного обучения в бакалавриате духовной семинарии Иван Наумов приехал на летние каникулы к своим близким родственникам в село Заберёзье N-ской области. Он шел по неширокой тропинке от шоссе вдоль бывшего колхозного поля, ныне заросшего буйным разнотравьем да низкорослым кустарником, раскрыв над головой зонтик и ловко обходя большие лужи.

Вдали виднелся старый, заброшенный храм. «Еще не реставрировали... А ведь собирались», – задумался Иван, глядя на безкупольное строение с серыми обветшалыми стенами.

За мыслями он не заметил, как подошел к знакомому дому. Отец семейства, его родной по матери дядя, был на работе, а тетя и двоюродные брат с сестренкой встретили племянника радушно – давно не

Яков Наумович Шафран — автор десяти книг прозы и поэзии. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова, «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат литературной премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного, лауреат «Российского писателя» (2023). Награжден Почетной грамотой министерства культуры Тульской области (2025) и многими медалями, дипломами, благодарностями и грамотами. Ответственный редактор-секретарь (зам. главного редактора) литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», редактор по литературе сообщества «Творчество в Туле». Член Союза писателей России, Академии российской литературы. Член Тульского областного общества «Знание».

Живет в Туле.

виделись. Он знал, что они являлись одними из инициаторов реставрации церкви и открытия прихода, и потому, после всех приветствий и обычных в таком случае вопросов поинтересовался ходом богоугодных дел.

– Ох, Ваня, как тебе сказать? Ничего не выходит. Священник соседнего села, где действующий храм, против, так как считает, что наши сельчане не будут к нему ходить. Что делать? Может, посоветуешь?

– А администрация района?

– Обращались... Но они не стали этим вопросом заниматься. Наверное, не хотят проблем с церковью. А если обратиться в епархию?

– Вначале следует к благочинному по району. Начните с него, ибо епархия отошлет все равно вниз по инстанции.

– Да он и отговорил! Зачем ему лишние хлопоты?

– А другие священники?

– Пробовали поговорить с настоятелем храма из поодаль расположенного села – то же самое. Уж очень малонаселенные деревни ныне...

«Что же это? – задумался Иван. – Чем больше приходов, тем лучше для распространения веры. А тут... деньги на первом месте. И не у одного священнослужителя...»

***

Стало быть, оно так, раз оно не этак.
Борис Васильев. «Не стреляйте белых лебедей»

Каникулы в ежедневных трудах на приусадебном участке и в походах по грибы и ягоды пролетели быстро. Однако упорные мысли о недействующей церкви не покидали семинариста, и по возвращении в город он тут же обратился с подробным рассказом к духовнику, сразу высказав ему свое решительное осуждение священников в данном деле о восстановлении храма, обвинив их в прямом своекорыстии.

Отец Димитрий внимательно выслушал Ивана.

– Сын мой, это важный разговор, но не должно торопиться, – промолвил он и предложил пройти в алтарь семинарской церкви. – Думаю, нам необходимо вместе помолиться, полагаясь на благость Божию, на беспредельную Его милость к нам.

В церкви в тот час было безлюдно. Из алтаря внимательно и всыскиюще глядел лик Христа. К Нему и устремили свои взоры и молитвы оба стоящих на коленях человека.

Они молились по определенному канону. А отец Димитрий, кроме того, искал нужные ответы на свои, приходящие на ум мысли и вопросы, связанные с беседой, и варианты шагов, долженствующих последовать при том или ином повороте предстоящего разговора.

После чего они вернулись в кабинет духовника для продолжения

беседы.

– Сын мой, я не буду поучать тебя, – сказал Димитрий, удобно усаживаясь на мягком диване. Иван сел на стул напротив него.

– Слушаю, отец, – покорно проговорил семинарист.

– Но то, что ты разрешаешь себе произносить в своих пламенных речах – я не хочу сказать по молодости, а, скорее, из-за повышенной эмоциональности, – прискорбно. Ты вполне умный, положительный парень. И я не намерен скрывать: церковь заинтересована, чтобы такие люди были в ее рядах. Ложные убеждения твои, излишняя самоуверенность и где-то, пожалуй, радикализм больше юношеского характера. А ты – будущий священник и обязан повзреть. Поэтому у тебя сейчас единственный добровольный выбор: или окончательное и недвусмысленное отречение от ошибочных взглядов и безропотное служение в истинной вере, или, если продолжишь упрямо стоять на них, немедленное изгнание из церкви и предание анафеме, другого варианта нет, все иное невозможно.

– Я понял, отец. Но как быть с храмом?

– Опомнись, сын мой! – насмешливо вскрикнул Димитрий. – Опять ты за свое! Не суйся в сие дело, без тебя разберутся. Ты должен учиться и стать служителем.

– Простите меня, отец, но зачем Богу столь несовершенные священники, одновременно делающие и добро, и зло, живущие в пороке, в нарушении заповедей Любви?

Димитрий слушал, не перебивая, однако склонив голову, брови его сошлись на переносице в грозную складку. А Иван продолжал:

– Почему в наших церквях одни старушки? Я читаю в соцсетях, что из Церкви все больше и больше уходит молодых и активных людей, разочаровавшихся в современном ее состоянии, в ее авторитарной атмосфере, бюрократизме, которая из души и дома молитвы превращается в хозяйственную корпорацию, равнодушную к положению с верой у прихожан.

Димитрий хотел что-то сказать, но Иван вдруг добавил:

– А что вы скажете, отец, о таком явлении. Девушку-подростка шантажом заставил сожительствовать с собой помощник священника, а она затем перешла в руки прелюбодея – настоятеля храма!

– Ну вот, с три короба наговорил! – воскликнул духовник.

В это время зазвонил колокол ближней церкви. И Ивану захотелось с его звуками улететь в высокую беспредельность, где нет никакого негатива... Но через несколько мгновений он был возвращен в повседневную реальность отцом Димитрием.

– Ох, молодой человек, – сурово и холодно промолвил тот, проигнорировав последнее сказанное Иваном. – С подобными мыслями, а тем более со словами, не сносить тебе головы ни в епархии, ни в приходе, куда распределяют, ни в миру, если исторгнут из Церкви. И твоё

неблагоразумие непременно вызовет отрицательные последствия, ты ответишь за него и еще не раз вернешься в памяти к этой беседе.

– Я правильно услышал, отец Димитрий, что мне, семинаристу следует только учиться?

– Да, верно! Смири неумную гордыню и учись, сын мой!

***

*Плохо, когда нет дороги,
но еще хуже, когда тысяча тропинок,
и все они ведут неизвестно куда.*

Дмитрий Биленкин.
«Исключение из правил»

Оставшись наедине, Иван отдернул штору и открыл окно своей комнаты. Лучи солнца проникли в нее и нежно осветили все. А вовне раскинулся дышащий невозмутимым спокойствием и приятной свежестью ухоженный парк. И даже гул автомобилей и шум кипящей городской жизни за его оградой не могли нарушить безмятежную идиллию данного места уединения и отдыха.

Глядя в окно, Иван погрузился в размышления. Поначалу у него было настойчивое желание уйти из семинарии. Однако сейчас, после нынешнего разговора с духовником, он знал, что это явилось бы равнозначным отлучению от церкви. Как сие потом отразится на нем? Да и кроме того, ведь поступая учиться, он хотел стать доверенным пастырем для многих душ, скитающихся в жизни без духовного компаса. И теперь, уйдя с такого пути, он уподобится нерадивому пастуху, бросившему порученное ему стадо на произвол судьбы.

А с другой стороны, служить под руководством священников, подобных противящимся восстановлению храма из своих корыстных соображений, или затем, став самостоятельным иереем, вступить с таковыми в непримиримую борьбу и вызвать на себя огонь вышестоящего начальства, сколь он это отныне понял, связанного материальной заинтересованностью с нижестоящими иереями, – такая перспектива не нравилась ему.

Что делать, как быть? После долгих колебаний, Иван решает не предпринимать пока резких шагов, решает произвести внутреннюю чистку, ограничить общение и, держа язык за зубами, продолжить учебу, но сверх официальных предметов независимо, глубоко и осмысленно познавать Библию. И начал он с Ветхого Завета.

Нет истины, где нет любви.

А. С. Пушкин

В семинарии Ветхий Завет изучается в качестве фундамента для осознания Нового Завета и всего богословия. Студенты осваивают помимо собственно содержания книг еще и историческую, культурную и религиозную обстановку того времени, в которой они были созданы. К тому же он дается к освоению неотъемлемой частью единого Божественного Откровения.

И вот что обнаружил Иван при подробном прочтении Священного Писания.

В Ветхом Завете Бог предстает ревнивым, завидующим, мстительным и жестоким. Это видно, например, из приказа Моисею отомстить мадианитянам, чьи женщины увлекли израильтян и обманом вынудили тех служить идолам. Причем, так отомстить, чтобы «не оставлять в живых ни одной души» (Втор 20:16–18).

Кроме того, некоторые почитаемые герои, которых Библия представляет как образцы для следования им в жизни, ведут себя не подобно людям Божьим, а, напротив, аморально. Вот Лот спит с кровными дочерьми, Авраам лжет, Давид, борясь за власть, поступает бессердечно и беспощадно.

Читал Иван, и перед ним вставали страшные картины: «Господь поразил всех первенцев», или дал распоряжение убить всех детей мужского пола и всех женщин, познавших мужа (Исх. 12: 29, Числ. 31: 17–18). Или что повелел Моисей сделать с пленными мадианитянами, дабы ублажить Бога (Втор. 13: 12–16). Таким образом, верша волю своего божества, израильтяне творят неприкрытый геноцид на оккупированных ими землях по отношению к их народам. Сугубо свиреп был последователь Моисея Иисус Навин. На кровавой резне в захваченном им Иерихоне он не останавливается и в полную силу свирепствует, не прекращая завоевывать города и уничтожать их жителей, словно ошалев от лютой бойни и мучений людей. Не меньшей лютой отличались и деяния, совершаемые с ведома и под руководством прославляемого толкователями Ветхого Завета «легендарного героя, талантливейшего полководца, мудрого государственного деятеля, философа и поэта» царя Давида.

Однако заметил Иван, что Ветхий Завет говорит и о милосердии, любви, заботе и прощении, проявляемых Богом. Он, оказывается, не только карает. Но все это касается особо своего народа, несмотря на все его грехи, который определялся тем демиургом как сверхобщность относительно к другим. Когда он явился Моисею, то сразу заявил о себе не в качестве общечеловеческого Бога, а как о божестве исключительно евреев.

Иные народы касательно к «избранному» значились словно ничто, (3 Ездры, 6:56–57, 2 Ездры 8:81–82).

«...И ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобой не будут господствовать» (Второзаконие 15:6).

Как можно трактовать подобного Бога? Единственно, словами Христа: «Ваш отец – диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоанн 8:44).

И задумался семинарист: чем объяснить такую иступленную ярость и все эти чудовищные массовые зверства? Мог ли Отец Небесный Иисуса Христа, который учил: «Я и Отец – одно», известный как безусловная Любовь и Милосердие, приказывать этакое? Может ли христианский Бог Любви вообще соотноситься с такого рода божеством Ветхого Завета? Или управленцем был иной бог?

Понял Иван, что ветхозаветный демиург и Бог Христа совершенно различные, взаимоисключающие боги, полнейшие антагонистические сущности.

И он категорически отвергает Ветхий Завет – завет анти-Бога.

***

Честность есть валюта нравственности.
А. и Б. Стругацкие. «Поиск предназначения,
или Двадцать седьмая теорема этики»

Незаметно в учебных занятиях прошел первый семестр следующего курса и наступил второй. В городе вовсю бушевала дружная весна – под лучами всемогущего солнца текли обильные ручьи, скукоживались рыхлые сугробы, и частая капель истачивала еще совсем недавно, казалось бы, нерушимые сосульки, тут и там свисавшие с крыш и карнизов балконов. Кругом и во всем ощущалось мощное обновление. Того же требовала и душа и по отношению к себе, и по отношению ко всему бытию.

Иван очень любил это время года, возможно, потому, что был рожден весной или в силу своего темперамента. Он зачастую в свободные от учебы часы бродил по улицам и выпитывал бодрящий позднемартовский воздух.

Так совпало, что к сему времени, поняв ранее о существовании двух начал в Библии, двух богов, он через соцсети в Интернете ознакомился с современным состоянием Церкви и ее служителей, благодаря откровениям самих священников, конечно, скрываемых под никами, и прихожан, и сторонних наблюдателей. Изучая эти вопросы, Иван осознал, что, как и в Писании есть Ветхий и Новый Заветы, есть

христианство и Учение Христа, иными словами, те же два бога... Иисус учил людей жить по совести, по законам Добра и Любви. «Вы боги!» – говорил Он. А что происходит повсеместно на деле?

Иван пишет в «Вестник семинарии» большую статью о насущной необходимости скорейшего возврата к Учению Господа. Естественно, она опубликована не была. Его вызвали к семинарскому начальству. Состоялась беседа, аналогичная произошедшей ранее с духовником, только уже на коллективном уровне в присутствии ректора – архиепископа. Ивану дали для чистой проформы перечислить причины, указанные в статье. Затем сурово отчитали. Иван в полной растерянности слушал, ведь у него была благая цель – помочь Церкви очиститься и подняться на более высокую ступень подлинной духовности. Он попытался о том сказать. Тогда ему прямо заявили, что если он продолжит стоять на своем, то его исключат из семинарии с отлучением от Церкви... Чем ему это грозит, он уж знал из предыдущего разговора с отцом Димитрием, который также участвовал в заседании и угрюмо смотрел на него.

К тому времени подоспело окончание учебы. Иван вновь задумался о будущем. Но много думать не приходилось, он хорошо помнил слова духовника, что будет с ним после оставления пути священничества. И он решает не выступать больше против, а исполняя в непосредственном общении с верующими все, что положено, изучать затронутые им проблемы дальше. Решает, памятуя о словах Оскара Уайльда: «Будь собой, все остальные роли уже заняты», служить истине и людям, не покидая труда священника, решает, выбирая срединный путь, не слепо верить и слепо исполнять, а оставаясь в Церкви, будучи убежденным в конечной победе Добра, собственными силами противостоять Злу и стараться своей жизнью, своим поведением и общением с людьми всячески передавать это им. И одновременно, не переставая, работать над собой, ибо труднее всего быть человеком день за днем, таким образом претворяя принцип: «Моя церковь – я сам».

***

*Нет предела для измышлений ума,
лишенного Бога.*

Но тут, по обычаю, встал вопрос о женитьбе. Становиться целибатом – есть такое состояние в православном священстве, когда не хотят вступать в брак, однако монахом стать сил недостаточно – он не мог, так как для этого необходимо достичь тридцатилетнего возраста. Поэтому другого варианта для него не оставалось – только жениться.

Иван, будучи натурой рассудительной, прежде чем совершить ответственно важный и необратимый шаг, – священникам ведь позво-

ляется единожды! – задумал, насколько допускали его возможности, исследовать данный предмет. И приступил он к нему в социальных сетях, ибо иного пути раздобыть нужные сведения у него не имелось: близких приятелей среди батюшек не было, начинать же доверительные разговоры по сей теме с семинарскими преподавателями бессмысленно, тем более после всего с ним произошедшего.

Самое сильное впечатление произвели на Ивана две истории из жизни служителей Церкви.

Один из них, скрывавшийся, естественно, под ником, начал с того, что сравнил своих собратьев с саперами-минерами. Но с той разницей, что если последние промахнутся, то тут же подрываются, а священник страдает всю остальную жизнь, так как сближается с избранной женщиной только по вступлении в брак, и жена для него навсегда становится единственной. Ведь даже если она умрет, он не имеет права на второй брак. И далее блогер стал писать про противоположный пол – этих, мол, Евиных отродий – одно плохое... И в заключение приводит пример. От молодого, буквально недавно распределенного в приход, священника, сбежала обожаемая им матушка. Так все ладно у них было: и до свадьбы, и после. И вот ушла она, причем к соседу в том же селе, а над ним насмеялась. Иногда она возвращалась жить обратно, но снова уходила. Распустившаяся женщина, пьянствуя, день за днем опускалась ниже и ниже, и в итоге совсем оставила его. При случайной встрече с батюшкой кричала на всю округу, что он ненормальный мужик. А он всегда мечтал о семье с детьми. В конце концов от всего этого он возненавидел всех женских особ и продолжал жить один, самостоятельно ведя домашнее хозяйство.

Вторая история была несколько иной. Познакомили будущего священника с его возможной избранницей. Она оказалась невысокого роста, стройной и тихой, и, самое главное, с полной одинаковостью в убеждениях. И он решил, что такая порядочная станет вести себя с ним скромно и мирно. Поженились они. Он получил свой сельский приход. И тут начала супруга ему противоречить: все ей не нравится, все не по душе, что ни говорит он, что ни делает. Он с ней по-всякому толковал и возмущался, но ей и горя мало: гнет личное, и точка. Так они и стали жить и поживать. Вместо того чтобы отдыхать в теплом лоне семьи да сил набираться, превратилась его семейная жизнь в сущий ад.

Не выдержал однажды батюшка, поехал в область, к владыке, пожаловался ему. Тот позвал на совместную молитву, а по окончании ее улыбнулся и молвил:

– Поезжай домой к матушке и крепись, терпеливо выноси все, крепись и держись – сие есть твой пожизненный крест.

***

Делай, как душа велит: душа меру знает.
Борис Васильев. «Не стреляйте белых лебедей»

Вот какие поучительные истории прочитал Иван. Что делать? Где семинаристу завести знакомство с будущей матушкой? Он стал молиться и приглядываться к девушкам в семинарском храме, в женском отделении церковных работников и к молодым послушницам в соседней церкви. Среди дочерей священников он искать не мог, памятуя о своем реноме, так как все местные служители между собой знакомы, и одиозная для них личность им известна...

Решающий выбор его пал на одну скромную девушку, постоянно приходившую на службы в расположенную рядом с семинарией церковь. Однажды, после одной из них, они познакомились, разговорились и договорились встретиться. И пока рассматривался вопрос о распределении, они стали видеться, гуляли в парке и много-много беседовали. Оказалось, что Ирина в прошлом году окончила пединститут и работала учителем русского языка и литературы в одной из школ города.

Целью бесед с его стороны было выяснить не столько прямое совпадение взглядов, хотя и это являлось важным, сколько психологическую совместимость и действительный уровень ее ума и интеллекта. Что касается убеждений, то он понимал всю нереальность аналогичных у девушки. Поэтому, делая некоторые далекие намеки, он не углублялся в конкретику. Главное, что для него требовалось – сочетаемость характеров и разум ее.

По прошествии месяца почти ежедневного общения он пришел к выводу, что она подходит ему для роли умной и верной жены и матушки. И он сделал ей предложение. Она согласилась.

Распределили его, как проявившего своемыслие, в приход малолюдной и небогатой местности. В такие, а не в более обеспеченные промышленные города, отправляют «в ссылку на поправку» и назидание «непутевых» служителей.

Иван приехал на указанное ему место в самый разгар лета. Выйдя из попутки, он увидел холм в цветущих травах, за которым в ложбинке в окружении деревьев и кустарников, находился небольшой домик. Возле виднелся пруд с пологими, в мелкой траве, берегами. На дальнем плане на плоском возвышении стоял храм с белыми куполами. За ним располагалось село. Вокруг царило невозмутимое спокойствие и тихое блаженство. И Иван, буквально вдыхая эту атмосферу и ощущая в себе прилив давно не посещавшей его радости, быстрым шагом, с чемоданом в руке, направился к церкви, в которой и потекла его служба сельского священника...

От кривой палки прямой тени не бывает.
Исай Калашникова. «Жестокий век»

Отец Иоанн не был безответственным, недобросовестно относящимся к своим обязанностям человеком. К тому же он, энергичный человек, успевал и храмовые службы вести, как должно и когда следует, требы справлять положенным образом, проводить занятия в воскресной школе и даже читать. Отец настоятель, которого, конечно, проинформировали о свободомыслии подчиненного, был им доволен.

В первые дни его служения нагрузки хватало, и времени не оставалось ни для «свободомыслия», ни для рассуждений вообще. Но сразу же во вверенных ему людях он отчетливо заметил полную убежденность, что кто-то преднамеренно желает всего нехорошего им. При этом этот «кто-то» был вовсе не дьявол из Писания либо просто черт, а вполне конкретный человек, находящийся рядом, в пределах от соседа или товарища по работе до тещи или свекрови.

Однажды, случилось, взяв все нужное для отправления треб, пошел он «чистить». У пожилых супругов то одно не получается, то другое, любое дело не спорится, мол, врозь идет. Причину же, как водится, на стороне принято искать. Разложил он перед иконой обычные «святости», на дворе разжег кадило и начал творить соответствующий молебен. Хозяева с тонкими свечками подле стояли. Помолвился и об освящении домашнего стада, после чего окропил святой водой «братьев меньших».

Когда все было исполнено, он, зная, в чем истинный корень их душевных переживаний, поговорил с мужем и женой о необходимости поддерживать физическое здоровье – правильно питаться согласно возрасту, чередовать насыщенный труд с активным отдыхом и, главное, соблюдать внутреннее равновесие и спокойствие, несмотря ни на какие внешние происшествия.

Таких треб имелось множество. Он покорно выполнял их, однако неустанно подыскивал подходящие аргументы и слова для людей, дабы объяснить им, что «враг» не вовне, а в них, в их личном образе мыслей, в их личных чувствах и отношениях, в их поведении.

А люди, в принципе, были неплохие. Вот и недавно он, опечаленный из рук вон некачественной работой нанятых шабашников, которые вместо необходимости профессионально и в срок построить боковой придел храма сделали кое-как, к тому же затянув время, и которых настоятель прогнал, задумавшись, сидел поздно вечером на лавочке у дома. Квартиру они с матушкой нашли рядом с церковью. И вдруг услышал громкие стуки. Оказалось, что сельская молодежь по окончании уборочной пришла достроить.

– Нас, батюшка, старики попросили по вечерам поработать, а мы

не успеваем, дотемна в поле. Потому мы договорились ночью закончить. А в бане уж утром отмоемся...

***

*И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался...*

А. С. Пушкин. «Монах»

Однажды в соцсетях – Интернет в селе с грехом пополам, но все же, благодаря близости к городу, существовал – он наткнулся на следующий пост. «И зачем в наше время давно истасканная религия, – писал блогер, – которую наука уверенно и категорически устранила с магистрального движения прогресса и культуры? Современнику вполне хватит знания о наличии сих мертвых учений как исторической данности...» Однако до чего мы докатились, подумалось ему, не внешне, а внутренне злорадно высмеяв и отринув гуманную и сострадательную идею? У нас есть нечто взамен?

Он знал, что ранее была идеология, учившая общественной, а фактически христианской, морали и нравственности, деятельному добру и взаимопомощи, должному уважению друг к другу. Квинтэссенцией ее являлся моральный кодекс строителя коммунизма – практическое переложение на современный язык Евангелия, только без упоминания Бога. Но ныне и ее отвергли, и люди уже давненько молятся на деньги и прочие капиталистические ценности, особо не озабочиваясь нравственностью и моралью и более и более погружаясь в очевидное бессмыслие, которое могло бы быть невинным, если бы не грозило стать будущей трагической реальностью, подумал он.

***

Кто начал злом, тот и погрязнет в нем.

Уильям Шекспир. «Макбет»

Его размышления прервала женщина с баклажкой, на полтора литра, пришедшая за святой водой.

– Неужели всю использовали? Ведь недавно брала...

– На очистительное дело все ушло. На бесноватого деда-то моего. Сколько лет прожили вместе, а и не знала, не гадала, что он такой, – загадочно улыбнулась она. – Стала я по квартире кропить. И дай, думаю, окроплю и деда, он спал да похрапывал, как оно будет? Полила на него холодной с морозца крещенской водой. А он и руками замахал, и ругаться начал, и чем ни попадя кидаться начал – короче, беснование пошло! Стало быть, все полтора литра на него и пошли.

Разговор их слышала Ирина, матушка. И когда просительница с новой порцией святой воды удалилась, он спросил ее:

– Ну, что ты скажешь об этом?

– С одной стороны, детский сад, проказливость какая-то, а с другой, чистое невежество, – ответила Ирина.

– Да! А во всем виновата наша Церковь – нет просветительской работы среди населения...

Это событие вновь навело его на размышления. Почему здравомыслящие, достойные, хорошие люди должны зачастую переживать явную дискриминацию, притеснения и преследования, низкую клевету, мучения и несправедливые наказания? Почему люди противоположного значения как ни в чем не бывало, без стеснения живут, совершают различные преступления, любыми способами лезут вверх, обманывают и предают, всевозможно гадят и при том не получают никакой кары?

Семейная жизнь отца Иоанна складывалась, слава Богу, удачно. Ирина, хоть и жили они на квартире, замечательно справлялась с хозяйственными делами, а главное, умела создать теплую домашнюю атмосферу понимания и доброжелательства, чему он немало радовался и не уставал благодарить Господа, вспоминая читанное им в соцсетях. И поговорить ему было с кем на важные темы. Вот и сегодня, видя его задумчивое лицо, она спросила:

– Что тяготит тебя, Иван?

– Скажи, Ирина, как филолог, что нам сообщает русская литература о жизненных страданиях? – вместо ответа сказал он.

– О, это серьезный вопрос! Например, старец Зосима из «Братьев Карамазовых» Достоевского говорит: «Ищи счастье в горе!» А у какого-то писателя написано, что радость нужно искать в трудностях.

– Помню, помню... Но Толстой считал по-другому.

– Да, Толстой и Достоевский – два противоположных полюса духа в русской литературе, и вся она посреди этих полюсов.

– В чем разница между ними?

– Достоевский рассуждал, что зло внутри человека, а Бог – вовне. Толстой же, напротив, говорил, что зло существует вовне, а Бог – внутри человека.

– А ты сама как думаешь?

– На мой взгляд, истина, как всегда, находится в золотой середине. К примеру, идет ли плохое извне или изнутри, но оно становится негативной силой в окружении только тогда, когда утвердится в нем. Также и хорошее, которое может идти в человека как извне, так и изнутри, становится светочем после утверждения в душе.

– Да ты у меня философ, матушка, – пошутил Иоанн, однако заметив ее смущение, добавил: – Согласен с тобой! А жизнь – время, данное человеку для очищения души.

– Это и есть смысл той просветительской работы, то, о чем ты говорил!

– Аминь!

Отец Иоанн доволен состоявшейся беседой с женой. Духовное и вдумчивое сознание его не принимало никакого зла, жестокости и невежества, вызывавших в нем, понимающем свою заветную цель в действенной помощи людям и направлении их к Богу, душевную горечь и страдание.

Великая русская литература XIX века, в каковой не все было однозначно, тем не менее искала этические и морально-нравственные ответы на вопросы человеческой жизни, которые не могла дать застывшая в догматической ипостаси религия. И Иоанн понял, что она будет для него большим подспорьем в его деятельности. Потому он решил продолжить общение с Ириной на эти темы.

***

*Все, к чему ты стремишься, несовершенно,
но все же ты должен стремиться к нему.*

Гермес Трисмегист

В свободное от служб и треб время, вновь и вновь читая и перечитывая Евангелие, он вопрошал себя: что же в наибольшей степени опасное в труде священника? И уяснил, главное, не заразиться «поповской болезнью», что означает: всегда, когда в Писании сказано о фарисеях, относить данное явление к себе и только к себе. Все написанное, говорящееся и происходящее, пишется, говорится и происходит для совершенствования внимающего тому человека. Но, с другой стороны, и сам он может быть активным проводником истины. Ведь и Евангелия, и иконы, и великие книги и фильмы созданы людьми. И моральный кодекс строителя коммунизма также написал человек.

Кстати, о коммунизме, подумал он. Заместить его христианством, а КПСС Православной церковью и на сем успокоиться, мол, все переменится чудесным образом, было наивно.

В этом плане наивно и прямое понимание, и дословное исполнение слов: «Живите подобно птице небесной», ни о чем не заботясь и ничего не предпринимая для какого-либо изменения себя и окружающего. Да, есть пример святого, кто все раздавал, а Бог через людей снабжал подвижника всем необходимым. Но он духовного много делал им полезного. Вот Господь ему и давал, а ты что думаешь делать для людей? Сидеть и ждать, когда тебя свыше прокормят?

Он чувствовал: нельзя буквально понимать это и другое, сказанное в Евангелии. Во всем есть своя надлежащая мера и присутствует скрытый смысл. А именно: трудиться, не беспокоясь о конечном результате, либо не слишком беспокоясь о нем...

Или вот насчет недавно проведенного освящения помещения и хозяйства. Прежде чем чистить дома, нужно очищать заблудшие души несчастных обитателей их. Ведь станут чистыми стены и мебель, а собственные нечистоты в человеческих сердцах останутся. И через несколько дней необходимо будет снова освящать. В связи с этим вспомнились ему слова праведного старца: «А ты просто не греши». И чистить ничего не потребуется...

Как-то он разговорился на данную тему с Ириной. Она посетовала, что люди в их селе безмерно пьют, причем выпивают и женщины. От чего большинство серьезных неприятностей происходит, а уж о затемненном сознании и говорить не приходится...

– Да, отсюда и непонимание многого, в том числе и в отношении очищения от нечистой силы, – согласился Иоанн.

– В пьянстве они нашли себя, и тогда, следуя Толстому, писавшему: «Найди жизнь и найдешь Бога», они в своей антижизни нашли и своего анти-Бога.

– Получается, что да... Однако в этом случае, если идти от обратного, чтобы их судьба изменилась, они должны найти прежде Бога?

– Именно так думал и Достоевский! – воскликнула Ирина.

– Как же убедить их... – вздохнул муж.

– И о том спрашивает меня священник? – улыбнулась жена.

– Да, нужно трудиться, трудиться и трудиться. Но к любому подходить индивидуально.

***

*Самое большое счастье на земле –
это думать, что ты хоть что-нибудь
понял из окружающей тебя жизни.
Гайто Газданов. «Вечер у Клэр»*

В священнической деятельности Иоанна все это выходило как-то естественно. Будто бы и не старается говорить ничего необычного, а, напротив, просто и понятно, но вразумительно, вроде для данного человека и невозможно иначе поступить. И даже без каких-либо слов согревая порой озябшее сердце посланного ему собеседника, так как неподдельно любил его, временами видимого им впервые. Почему он подобным образом относился? Иоанн и сам не ведал. Бездумно любил, и все.

И в том он продолжал совершенствоваться изо дня в день, ибо по Христу: истинный смысл ежедневного существования каждого, а уж тем более священника – постоянные усилия души в работе над собой и развитие своего духа.

В результате начало служения побудило Иоанна, несмотря на все предыдущее, остаться пастырем, ведь лучше такой храм, чем ника-

кой. Но, исполняя требуемое, учить людей сути веры, то есть Учению Христа, которое ясно выражено в двух главных заповедях, а также в молитве «Отче наш» и в словах Иисуса «Вы боги».

Ему очень хотелось донести это до всех священников, до всей Церкви. Однако он понимал, что сему препятствует инертность устаревшего сознания и инертность церковных властей, неутолимая жажда материальных благ и, по его представлению, особый менталитет переродившихся советских и нынешних, произошедших из переродившихся советских людей.

***

*Лучше быть последним среди львов,
чем первым среди шакалов.
Древняя мудрость*

Уже прошло чуть больше года, как Иоанн получил место в приходе. А жизнь, так сказать, скучать не давала...

Однажды поздним безлунным летним вечером, в городе, где он был у благочинного, идя к остановке рейсового автобуса, дабы ехать домой, Иоанн увидел, что двое парней в темном углу хотели изнасиловать девчонку. Он не воин по натуре, но все же заступился. Именем Божиим потребовал освободить ее. Те стали смеяться, мол, иди батюшка, куда шел. Тем не менее он не отступал. Тогда один из насильников вытащил нож и попытался нанести удар ему. Вспомнив давние уроки самозащиты в школьной секции, он сделал быстрый шаг влево, в сторону от прямой атаки, одновременно правой рукой ударил по руке, обхватив предплечье, и резко завел ее за спину парня. Свободной рукой он сильно надавил на болевую точку у запястья, и из ослабленной хватки выхватил нож.

Второй парень, державший девушку, явно не ожидавший такой прыти от человека в рясе, ошалело смотрел на происходящее. А заметив нож у него, он выпустил свою жертву. Она, благодарно взглянув на батюшку, убежала. После чего он угрожающе шагнул к отцу Иоанну, но тот приставил лезвие к горлу насильника и приказал нападающему убираться, а не то... Он еще сильнее закрутил руку захваченного парня, который, застонав от боли, взмолился к напарнику, чтобы уходил. Когда Иоанн увидел, что тот удалился на значительное расстояние, ослабил хватку и, уверившись в спокойствии парня, отпустил его. Он ушел в том же направлении, куда скрылся приятель.

Доносить о случившемся Иоанн не стал.

Он испытывал приятное чувство за свой поступок, однако внутренне восхвалять себя считал неправильным, ибо иначе повести себя ему было невозможно. На ум ему пришли некоторые истории неблагоприятного поведения людей, облаченных в рясу, почерпнутые им из

соцсетей. Подумалось, что Богу, очевидно, не из кого выбирать. Это подобно домашней хозяйке, глядящей на подпорченные продукты и прикидывающей, как из них что-нибудь все же приготовить, или ремонтнику, у которого не хватило новых гвоздей, и он выправляет погнутые и пробует их в деле. И в сем тоже проявляется Его Любовь, из мешанских представлений для людей непостижимая и необъяснимая, ибо она жертвенная.

***

Истинно, истинно – через раны приходит Свет!
Ж. Сент-Илер. «Криптограммы Востока»

А весной произошла история, взволновавшая всю епархию.

Был самый конец апреля. Природа постепенно оживала. На деревьях набухли почки, на пригородном лугу, под теплыми лучами, начала зеленеть сочная трава. В близлежащем лесу появились нежные первоцветы, украшавшие оголенную землю прекрасным нарядом. Небо стало синее, а солнце – ярче. Приближалась Пасха...

И тут случилось драматическое событие, описанное в вестнике местной семинарии. Когда он попал в руки Иоанна, оно потрясло его. Пьяные отморозки на Пасху распяли старого священника, спешащего кратчайшей дорогой, через кладбище, после тщательного исполнения необходимой требы, к выносу святой плащаницы. Распяли его на большом деревянном кресте, привязав к нему ржавой проволокой. И, изощренно поиздевавшись, убили висящего, ножом в живот. Рассказали об этом в церкви дети, которые играя забежали на кладбище.

Настоятель со слезами на глазах глядел на отца Андрея, а ведь еще некоторое время назад неимоверно злился на него за то, что тот помчался на требу перед важным ритуалом пасхальной службы; и плакал о себе, вспоминая, как грубил пожилому священнику и вообще невежливо обращался с ним. Он встал на колени у креста и сокрушенно залился слезами. А потом распорядился о похоронах, причем о похоронах на Пасху, хотя делать это в великий праздник запрещено.

Храм был до отказа заполнен, но стояла абсолютная тишина. Горели лампы. Послышались двенадцать ударов колокола. Зазвучало: «Воскресение Твое, Христе Спасе...», в алтаре зажегся свет, запахнулась завеса, отец настоятель воспевал все громче и значительнее. Затем включилось полное освещение, отворились царские врата, священник вышел из алтаря, мощно провозглашая пасхальный мотив. Причт подняли красный бархатный гроб с телом отца Андрея и на вытянутых руках понесли к выходу. «Воскресение Твое Христе Спасе...» – раздавалось священное пение. Священнослужители, со свечой в одной руке, троекратно пронесли гроб вокруг церкви и установили его у алтарной стены на краю свежевырытой могилы. Отец настоятель вос-

кличал: «Христос воскрес!» и отвечал: «Воистину!» Потом он, не скрываясь, горестно заплакал. И немного успокоившись, тихо сказал: «Как это значимо, отец Андрей, на Пасху! Христос воскрес, батюшка, Христос воскрес!»

Иоанн отложил газету и глубоко задумался. Вот, казалось бы, простой священник, а, видимо, в нем был светоч такой мощной силы, не дававший покоя тьме, что она ополчилась против него и решила его погасить.

***

*Жить по-Божески –
это значит не причинять вреда себе,
окружающим тебя людям и Мирозданию.*
В. А. Ефимов. «Курс эпохи Водолея»

От размышлений отвлек громкий скрежет тормозов. У храма стояла, судя по всему, ехавшая до того на приличной скорости крутая машина. Из нее проворно выбрался коротко остриженный мужчина и, поставив перед вышедшим навстречу удивленным настоятелем большую сумку, сказал: «Принимай, батя, тебе они точно больше пригодятся для церкви! И молись за раба Божьего Сергея!» Приехавший не задержался более и поспешно уехал. Настоятель открыл сумку – она была полна пачками крупных денежных купюр.

Он, конечно, выразил свое отношение к этим деньгам, возможно, очень греховным. Но что с ними делать, выбросить на мусорную свалку или отдать чиновникам, тут же сворующим их? Нет, уж лучше пусть они пойдут на храм: и основательный ремонт нужен, и иконы купить, и облачения клиру обновить...

Иоанн промолчал, хотя понимал, пресловутый принцип «деньги не пахнут» в духовной сфере тем более неприменим. Он вспомнил, как после назначения проведаль товарища, получившего место в городском приходе. Настоятель его организовал занятия для наркоманов, находящихся в стадии ремиссии, патриотические занятия для трудных подростков, помощь СВО: сбор средств, вещей, книг и плетение сетей... Вспомнил и о рассказе сокурсника о попе из его соседнего прихода, обирателе, корыстолюбивом пьянице, своими прямыми домогательствами доведшем девушку, почти освободившуюся от наркотиков, до самоубийства...

«Да, – подумал он, – как говорится, не место красит... В наше время больше и больше набирает силу иной бог, опирающийся на универсально развратную квазирелигию, изначальная цель которой – вселить в людей ненасытную алчность, желание наживы и всех видов потребительство. Одним из ее девизов является «На свете все продается и все покупается». Но Господь спасет человечество! Потому необ-

ходимо уже сейчас мерить себя не своей, а Его мерой».

И Иоанн так же хочет спасать людей, страдать за них, несмотря на то, что нынешний мир чаще всего и в первую голову бьет тех, кто ракует за самые светлые взгляды, убеждения и инициативы.

Ему приснился тяжелый сон. Будто бы только он один остался на всей земле и будто он летал над ней и днем, и ночью, не видя ничего живого вокруг, – все было мертво, лежало в сплошных руинах и на всем – толстый слой пепла. Слышался то ли стон, то ли плач, то ли тихий звон колокола. А он летал и летал в отчаянии, встревоженный, обеспокоенный предчувствием полного всеобщего конца, и ужасная печаль мучила чуткую душу его...

«Страшный сон, – подумалось ему. – Дабы всего этого не произошло – единственное спасение исключительно с Богом, в слиянии с Ним. Видимо, промысел Всевышнего в том, чтобы в ответ на божественный призыв людей к деятельному добру и любви, они сами, основываясь на высшем разуме и свободе воли, стали жить в Господе, когда власть непреложной истины соединится с социальной справедливостью».

***

Имя без дела – пустой звук.

Расул Гамзатов. «Мой Дагестан»

Иоанн шел по сельской улице, а вокруг всюду цвели весенние деревья и кустарники, земля украсилась ярко зеленой травой, радостно пели свои майские песни птицы, жужжали трудолюбивые пчелы. Он уже подходил к церкви, и тут его остановила одна прихожанка.

– Вот скажите, батюшка, – спросила она после обычно принятого приветствия, – в заповеди сказано, что нужно возлюбить ближнего, как самого себя. Значит, надо, прежде, чем другого, себя любить?

– Жизнь любого человека не принадлежит полностью ему. Родители произвели его на свет, пеклись о нем, растили и учили всему хорошему. Учителя обучали грамоте, стоять «за други своя» и быть ответственным за все, творимое им. Книги, прочитанные им, также стали наставниками. Все, что в нас есть, кто-то обучил, потому жить только для себя неподобающе. Необходимо почитать родителей и учителей своих. Однако в душе каждого существует и сложное самим человеком, которое, бесспорно, единственное и неповторимое. За него он и будет отвечать на Небесном Суде перед самим собой.

Прихожанка была образованной девушкой и готовилась поступать в местный педагогический институт. Она спросила:

– Но как сделать это содержимое хорошим?

– Если вы вдумчиво и основательно вникните во все, то во всем благородном, честном и добром обязательно ощутите, узрите и рас-

слышите Христа. Поэтому все хорошее «свое» – от Него. И еще. Иисус проповедовал: «Не написано ли в законе вашем: “Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы; Но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей” (Пс. 81: 6–7)». Таким образом, души наши – боги, а невечны лишь тела. В данном смысле и нужно себя любить.

Через некоторое время настоятель пригласил его для беседы.

– Почему вы, батюшка, проповедуете неканонически?

– Да что ж я такого говорил?

– Отец Иоанн, когда вас назначили сюда, меня предупредили о вас, и я знаю все. Потому впредь придерживайтесь канона!

«Очередной щелчок по носу, – подумал он. – Я под полнейшим контролем. Бороться с мощной организацией? А если все же исподволь, чтобы не грешить из банальной трусости, отрекаясь от подлинной добродетельности и человеколюбия, а в силу личного чувства долга: намеками, пусть косвенно, но побуждать человека к духовному самосовершенствованию, к гражданской активности ради будущей социальной справедливости, ибо гражданское равнодушие и бездействие может привести исключительно к одному – к прямому правлению незаконных негодяев, способных создать разве что катастрофу и крах цивилизации». Для этого он решил: необходимо становиться подобным Христу и поступать в своих обстоятельствах так, как поступал бы Он, невзирая ни на какую-либо молву и клевету, невзирая ни на что, стремиться к действенному добру. Потому что только им и безграничной любовью можно возобладать над мирским злом и изжить его в людях, которые, злословя, искажая и уродуя сущую правду, а тем самым и себя, и все вокруг, приближают Конец Света.

***

Ад есть невежество.

Один из первых основоположников христианства

– Вот скажи, – глубоко задумавшись, однажды спросил отец Иоанн Ирину, – чего, на твой взгляд, не должно быть в нашей религии, в нашей церкви?

– О! Ты не мог бы спросить о чем-нибудь полегче?

– Ну все же, если, так сказать, как бы со стороны, непредвзято.

– Попробую. На что сразу внутренний голос реагирует.

– Да, очень хорошо. Слушаю тебя.

– Взглянуть хотя бы на практику самоуничтожения. Ведь если постоянно думать о себе плохо и видеть одни свои недостатки, то с точки зрения психологии будет все плачевно у человека.

– Понятно, ты же изучала сию науку в институте. А вот что ты скажешь о следующем: ранее церковь опиралась на приходских священников, на скромных пастырей, а ныне – на епархиальные управ-

ления, которые, по сути, бюрократические организации, для кого священники являются беззащитными наемными работниками, служащими не Церкви и Богу, а им?

– Я так понимаю, насколько знакома с Евангелиями, Христос не для того пришел, чтобы для Него трудились, но чтобы Самому потрудиться. Потому горе священникам, служащим самим себе! А из литературы я знаю: наиглавнейший противник человека всегда не снаружи, а в глубине, в его сердце, в его пристрастиях.

– Совершенно согласен! Поэтому-то сколько здравомыслящих, честных, отзывчивых и талантливых людей покинуло церковь или было изгнано из нее, а появились чистой воды карьеристы, озабоченные славой и деньгами...

– Если бы только это. Я вот недавно в какой-то соцсети, сейчас не вспомню названия, прочла историю одной молодой женщины, зачавшей вне брака и брошенной своим ухажером. Что делать? Пошла она со всем тем в церковь и поведала настоятелю. А тот начал ее на весь храм ругать, мол, она шлюха и ей в кругу верующих не место, и стал гнать ее вон. И больнее всего, писала женщина, сказанное: тебе прощения никогда не будет, что теперь ни делай. И она ушла тогда из Церкви на годы. Хорошо, что ей встретился позже другой священник на жизненном пути... Вот какие бывают батюшки!

– Да, к сожалению, – согласился отец Иоанн. – А помнишь, я говорил о тебе по очищению дома?

– Помню.

– Ну так послушай, из той же оперы. Важны ведь не внешние действия, а внутреннее состояние человека, не форма, а содержание. Рассказывал мне один семинарист, когда я еще учился, как в его приходе отец настоятель не допустил к причастию младенца, потому что он захлеб заплакал. А это, из устного предания, якобы очевидный симптом того, что в ребенке сидят бесы, о чем и объявил он матери, к тому же не постившейся должным образом три дня, да и поименовала дитя не по святым. Женщина, добравшаяся с ребенком по бездорожью, под дождем с мокрым снегом, за десять километров была обругана и доведена до слез. Что ты думаешь об этом?

– Что я могу думать, Иван? Все рассказанное тобой, конечно, ужасно.

***

*Вселенная отвечает не на то,
что ты говоришь – она отвечает на то,
кем ты являешься, когда внутри тебя тишина.*

Никола Тесла

Священнику, как и каждому человеку, положен ежегодный отпуск, заявление на который подписывает митрополит. Безусловно,

даже вне исполнения служебных обязанностей ему необходимо выполнять требуемое согласно своему сану: молиться, принимать исповеди, поститься и так далее. Ко всему этому отец Иоанн приготовился, и вот они с матушкой Ириной отправились отдохнуть в Анапу.

Погода там держалась жаркая. Городские виды привлекали должное внимание наших отдыхающих, но им не терпелось поскорее окунуться в долгожданное море. Ирина впервые оказалась на юге и, увидев завораживающую картину беспредельной синей глади, сливающейся с голубым небом, неописуемо восторгалась морским пейзажем. Она стояла, не в силах оторваться от этой красоты, переливающейся под яркими лучами солнца во всем спектре от лазурного до изумрудного цвета. Небольшие волны спокойно и ритмично омывали прибрежную гальку и уносили с собой намытые ранее мелкие ракушки и водоросли.

Поначалу Иоанна с женой невозможно было вытащить из воды, настолько та теплая, ласковая и животворящая!

Загорая на пляже, они познакомились с бывшим церковным старостой одного из столичных храмов, добровольно ушедшим с той приходской должности. Они с Павлом Петровичем, старшим научным сотрудником института языкознания РАН, часто беседовали у моря или на пешеходных прогулках по окрестностям.

– Почему же вы ушли из старост? – спросил отец Иоанн.

– В Святом Евангелии Христос четко дал определение, как узнают христиан: «по любви между собою». И ежели у попа нет любви – зачем к нему идти? Чему он научит? Вот и я, разочаровавшись в своем настоятеле, покинул его.

– Но вы же не из Церкви ушли вообще?

– Нет, конечно. Я посещаю храм, однако иной.

– Священник обязан так себя держать, – продолжал Павел Петрович, – чтобы прихожане видели, что он от Христа. Тогда они, глядя на него, будут отдавать ему и другим получаемое ими – чуткость, сострадание, доброжелательность, внимание и, самое важное, Любовь!

Священник же зачастую уступает искушению общаться с людьми как начальник. Он поставлен, чтобы учить народ, и имеет определенную власть разрешать и связывать, так сказать. Частенько с возрастом он впадает в иллюзию, что непогрешим. Подобный батюшка не терпит противоречий и осуждений себя.

– Я понимаю вас, – ответил Иоанн. – Да, как говорится, чему не научила жизнь – не научишь...*

– И еще, когда новички приходят в церковь, они встречают зачастую безучастие, а иногда и грубость с наплевательским отношением.

---

* Иоанн цитирует из романа Г. Я. Бакланова «Меньший среди братьев».

После этого такой человек едва ли пожелает посещать храм.

– Ну, не везде и не всегда, Павел Петрович. Хотя вы правы, сего явления вообще не должно быть.

– Да, отец Иоанн, только сие есть частное, а причины глубже. Ведь главным оружием Церкви испокон веку было доброделание. А ныне она погрязла в потребительстве, чуждом ей по духу, за которым видится катастрофа полного обезбоживания. И от этого не спасет повторение как заклинаний: «молись, постись и кайся», «смиряться», «все за твои грехи», «твой крест», «выше всего послушание» и так далее...

– Гм, – промолвил Иоанн. – В среде священников огромная разница в уровнях благосостояния, от очень состоятельных до очень бедных, что преобладают. И рядовому, к тому же многодетному, служителю могут оплачивать его труд, а могут и не оплачивать, могут перемещать с одного прихода в другой, увольнять по прихоти архиепископа, наказывать по анонимкам.

Многие священники, дабы не жить в диссонансе со своей совестью, просто-напросто гасят ее и подчиняются обстоятельствам, дескать, все по воле Божьей. Если с ними обсуждать эту тему, то в лучшем случае они промолчат, а в худшем – донесут на вас кому нужно...

Они еще долго беседовали, но говорил больше Павел, а отец Иоанн иногда кивал головой, теми едва заметными кивками, которые невозможно было понять – одобрительные ли они или лишь для вежливого поддержания разговора, мол, говорите-говорите, я слушаю. Наученный горьким опытом, он побаивался – не проверяют ли его. Где-то у Пушкина он читал, что «честный человек может быть обманут только один раз, другой раз обманут дурака». Потому оживлялся только при словах, не имеющих отношения к религии и Церкви. Однако внутренне он соглашался с поднимаемыми Павлом вопросами.

Павел Петрович вскоре отбыл домой, да и у нашего батюшки с матушкой отпуск закончился, и они начали собираться в поездку.

***

«Spiro speru»

(с лат. «пока живу, надеюсь»)

Оставаясь наедине, отец Иоанн стал задумываться, какой же должна быть современная религия.

В настоящее время весь мир, думал он, находится в условиях грозного духовного кризиса, который возник из-за невероятного безбожия, в том числе из-за моральной деградации и потери нравственности в рядах служителей Церкви. Поэтому речь идет не об отрицании религии или же храмов как таковых. Церковь и ее ритуалы еще необходимы, но еще необходимее просветленные клирики. Пусть

лучше будет какая есть религия и какой есть храм, чем вообще без них. Но нужно противиться явным и тайным порокам в духовной сфере, необходимо и внутреннее очищение, и всеми силами стремиться к качественному обновлению и в итоге к Обновленной Религии.

Иоанн с «молоком альма-матер», если так возможно выразиться, впитал, что религия есть связь с Высшим Миром. И если эта связь нарушена, то ничего хорошего не произойдет. Учение Христа – это учение, данное свыше, именно из того Высшего Мира, где пребывает Отец Небесный Иисуса. А христианин – тот, кто претворяет его в жизнь. И кем может стать человек, какого духовного уровня он способен достичь, Иисус показал всей своей жизнью. Потому религия должна призывать уподобляться истинному Христу, а не искаженному образу.

«Есть Дух милосердия, правды, свободы – это Дух Святой, Дух Христов. И есть дух ненависти, лжи, насилия – дух дьявола, – подумал он. – По таким признакам обязано разделяться все, это и есть настоящая граница Церкви Христовой, граница, проходящая как между людьми, так и внутри каждого человека».

Быть христианином, продолжал размышлять Иоанн, означает, наряду с непосредственной верой в Господа, следовать Его Учению Общего Блага, жить и действовать в соответствии с ним, ибо отвергающий его отвергает и Самого Учителя.

Служители религии не должны распинать Христа своей ненавистью, обманом, фальсификацией, глупым самовосхвалением и презрением ко всему, что за пределами сегодняшнего разумения, не должны осуждать за человеческие недостатки и слабости, не замечая их в себе, клеймя не признающих конфессиональных запретов и ошибочного понимания Учения. По такой религии Христос в сердце всякого человека, стремящегося к дружелюбию и доброму созиданию. И Слово Его положено звучать везде и несмотря ни на что, звучать против духовной и национальной нетерпимости, невежественности и безнравственности. По такой религии Христос находится там, где проявляется человечность, где вершатся принципы сострадания, гуманизма, правды, духовной, социальной и интеллектуальной свободы, добротворчества. Исповедующий такую религию видит в глазах другого человека не «сучок», а Божественную искру. При этом он, подобно Христу, не безропотный непротивленец злу, а обличающий любое зло, лицемерие и нежелание делать добро.

Не показная набожность нужна, но деятельное божественное начало.

И чтобы Обновленная Религия, несущая людям высокую духовность, не превращалась, вместо служения Общему Благу, как-то происходило неоднократно в прошлом, в свою противоположность, в организацию себеугодия и себеслужения «труженников культа», при-

творщиков и лицемеров, прикрывающих собственные нечистые дела воскурениями, земными поклонами и целованием креста, необходима постоянная связь с Учителем, находящимся в Высшем Мире через особых людей – пророков. И данный институт действующих пророков в Обновленной Религии должен быть не только узаконен, но и быть действенным, то есть наделенным правами.

Обновленная Церковь придет в полном сиянии Иисуса. Грядущий Вселенский Христианский Собор досконально просмотрит в этом свете все постановления старых Соборов. Обновленная Религия вберет в себя настоящее Учение Христа, сочинения первых, ближайших ко времени Иисуса христианских философов и Отцов Церкви. Тогда она станет живой религией, а не в мертвой букве. «Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе: Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (от Иоанна, гл. 4, ст. 21–24).

Человек, по Обновленной Религии, станет понимать, что он серьезнейшим образом отвечает за каждую свою мысль, каждое слово, каждый поступок. Ему предстоит думать о целях личного существования, осознавать происходящее с ним, знать, к чему нужно стремиться. Ведь жизнь человеческая не предназначена для вечных наслаждений, однако и не является суровым наказанием. Это труд, труд прежде всего над собой, труд, который мы можем совершить только на земле. Потому сущностью обновленной Церкви будет воспевание жизни, а не омертвление, не превращение в поросшую тиной запруду догматики и поклонения смерти, дабы не стать похожими на мощи и прекратить жить, а напротив, полнокровно жить, подобно текущей реке, в динамичном творчестве, но духовно и нравственно, что и означает находиться в Святом Духе.

Люди, исповедующие Обновленную Религию, перестанут быть терпеливыми и покорными рабами, а станут радостно принимать жизнь со всеми ее возможностями. «Се, творю все новое...» (Откр. 21:5). Они будут постигать высшие истины, сердца их будут возрастать в божественной любви и нравственной чистоте.

И народ, вместо позолоченной фальсификации и иных прельщений, запросит настоящего Света Христова, ибо не должен человек жить без неуклонного личностного развития и хлеба надсущного, Божьего. Сказано, «всякий грех и всякая хула простятся человеку, но хула на Духа Святого не простится». А Дух Святой это и есть Вселенский Разум, творческая мысль, главный рычаг и движитель всего бытия. Поэтому религия не имеет права быть мертвой и давить живые светлые побег.

Священнослужители такой Религии не станут избегать общения с миром, а напротив, действительно будут в нем и, более того, впереди не-

го, зарождая и возжигая новые очаги духовного просвещения.

И отец Иоанн решил, что нужно своими мыслями и поступками претворять это в жизнь, нужно, не руша устои, работать в людской среде и ждать заветного часа и проявления Высшей Воли. Ибо помнил: «Долготерпеливый лучше храброго и владеющий собою лучше завоевателя города».*

---

* Библия, Книга притчей Соломоновых, глава 16, стих 32.

Ольга ХАПИЛОВА

ХОДИЛ НА ЗЕМЛЕ ЧЕЛОВЕК

***

Всему свое время: на долгую зиму роптали,
А небо меж тем, как и прежде, светло и высоко;
И слышится запах нагретых на солнце проталин,
Чуть-чуть сладковатый, чуть-чуть муравьиного сока.
Не кажутся больше угрюмыми дебри глухие,
Куда забредешь ненароком в минуты смятений;
Немного еще – и, раздвинув былинки сухие,
Появятся петли зеленые новых растений;
Земля загудит, первозданному вторя напеву,
И все устремится навстречу благому светилу –
Ладонь прижимаю к огромному, теплomu чреву –
Попробуй, сдержи этот рост, эту жизнь, эту силу!
И вот уж шмелями звенят пожелтевшие ивы,
Но рядом с тобой, не упомнишь, в которое время,
С такою любовью иные засеяны нивы,
Что крестиком сверху помечено каждое семя.
Я в слух превращаюсь, я каждому шороху внемлю:
Исчезли давно за горой отголоски мирские –
Но как ни уложены бережно в добрую землю,
А все не проклюнутся тихие зерна людские.

Ольга Сергеевна Хапилова родилась 14 июля 1981 г. в пгт Темиртау Таштангольского района Кемеровской области. Окончила Новокузнецкое медицинское училище. Фельдшер-лаборант участковой больницы.

Публиковалась в журналах: «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово); «Образ», «Кольчугинская осень» (Ленинск-Кузнецкий); «Русское эхо» (Самара); «Камчатка» (Петропавловск-Камчатский); «Дон» (Ростов-на-Дону); «Сибирь» (Иркутск); «Подъем» (Воронеж); «Дальний Восток» (Хабаровск); «Сибирский Парнас» (Новосибирск); «Парус» (Москва).

Автор трех книг стихов. Член Союза писателей России с 2018 г.
Живет и работает в пгт Темиртау.

ВИШНИ

Предоставил октябрь денек лишний –
Это надо же так, без дождя утро!
Я сажаю на заднем дворе вишни –
В сорок лет начинается жизнь будто.

Надо мной, завывая, гудит ветер,
Слабый кустик дрожит в наготе Ноя;
И никто не ответит на всем свете,
Отчего так тревожно в груди ноет?

Средь житейских невзгод и земных тягот
Ты тянись, принимайся, росток малый –
Я хочу, чтоб однажды твоих ягод
Непременно набрали отец с мамой,

Чтобы жить им на этой земле долго
Даровал милосердно Господь Вышний.
В сорок лет начинается жизнь только –
Я сажаю на заднем дворе вишни.

***

Ты знаешь, конечно, о том, что смертельно уставший
И жутко больной никогда не становится в позу.
Однажды, наверно, я стану мудрее и старше –
Наш спор безрассудный закончится в Божию пользу.

Не тем мы страдаем по жизни, не тем себя лечим.
В душе обнаженной расплачется Божья сиротка,
И с радостной болью признаю, что крыть уже нечем,
И руки по швам опущу утомленно и кротко.

Великое чудо – еще улыбаются с неба,
В которое, верю, смотрела всегда без лукавства.
И хлопья пушистые белого-белого снега
Падут на лицо мое самым желанным лекарством.

ХРАМ ПОКРОВА НА НЕРЛИ

Ходил на земле человек, стремился, к трудам навикал –
Ты видишь и дерзкий размах, и значимость этих трудов –
Но многим ль из них суждено остаться стоять на века,
Как храм Покрова на Нерли над прахом былых городов?

Сверни с проторенной тропы, пройдишь по колючей стерне
Меж трав в перламутре росы, меж гулких высотных столбов,
Присядь, прислонившись спиной, к обветренной белой стене,
Укройся за краткий оскал могучих владимирских львов.

Услышь с необъятных небес звенящую чудо-псалтырь,
Когда запоздалой весной поляны затопит река.
И сонным видением вмиг исчезнут село, монастырь,
И даже вот эти кресты, и даже вот эта строка.

Растают мгновенья и дни, сотрутся обрывки имен,
Однажды и наша с тобой душа отлетит от земли.
Скажи, что виднеется там за кромкой пространств и времен? –
Лишь храм Покрова на Нерли, лишь храм Покрова на Нерли.

***

У доброй погоды не надо выпрашивать милость –
Весеннее солнце согрело всех щедро и просто:
Неделей одною взошло, расцвело, распустилось,
И сердце влечет в неурочное время к погосту.

Родные своих у калиток приветствуют стоя,
Пришедших сюда и развеявших вечную дрему.
И больно, и сладко дышать тополиным настоем
И смахивать с щек и одежды грустинки черемух.

И кажется мне, что в начале, за далью иною,
Когда выводил Бог на свет нас с отцовскою лаской,
Земля так и пахла кладбищенской буйной весной
И самую малость подсохшей эмалевой краской.

Зачем и какие приносим сюда ожидания –
Все те же кресты, обращенные строго к востоку –
Как будто бы здесь замыкается круг мироздания,
Как будто отсюда воистину ближе к истоку?

* * *

Пятном в снегу у стылой речки Чёрной
Лежит моя унылая шинель –
С тоской в груди, с тревогой безотчётной
Я вызываю друга на дуэль.
Увы, зевак отнюдь не огорошим:
Уже давно мирская круговерть
В лицо дышала чем-то нехорошим,
Похожим на нечаянную смерть.
Настало время действовать курьеру –
В морозном небе сгинула заря.
И пробил час, шаг делаю к барьеру,
Но выпускаю в воздух свой заряд,
Пусть этот жест наивен и юродив:
Никто не в силах разрешить наш спор,
Рука его в пяти шагах напротив
Имеет право выстрелить в упор.

***

Неправда, что павшим достаточно памяти близких –
Доехать, дойти и коснуться рукою оградки!
В часы пред рассветом покрыты росой обелиски –
Солдатские судьбы страны в алфавитном порядке.

Где мокла пехота и двигалась техника юзом,
Теперь, погляди, забаяюканы страшной годиной,
Спят тихо герои всех малых местечек Союза,
Прижавшись друг к другу, как братья в утробе единой.

Ты станешь бояться, что все перепишут иуды
И как-то иначе об этом расскажется в школах,
Но тысячи тысяч бойцов погребенных повсюду!
Но дед мой, погибший в бою за деревню Вашково!

А дома все так же, лишь черный платок наготове,
И век до могилы здесь мнится особенно длинным.
Еще не однажды Сибирь обернется по-вдовьи
На сдавленный клич новгородских полей журавлиных.

***

Соберутся иерей с причтом,
Кто-то станет голосить громко.
Обо мне пойдет молва-притча,
Мол, убита наповал громом.
Мол, как треснет пополам туча,
Да как рыком закладет уши!
По всему видать – грехов куча!
А мне басни недосуг слушать.
Кто судил меня судом Линча –
Тот и дома у меня не был.
Я на пряничном коне нынче
Уезжаю прямиком в небо.
Пусть дорожка пролегла криво,
Но теперь я в стременах крепко.
Земляником отдает грива
И иным еще слегка терпким.
Нет коню тому цены-платы,
И ступает он, живой, строгий:
Что ни шаг, то серебро-злато,
И не вязнут в облаках ноги.
А под нами – желтизна, донник,
Ясно светятся поля рожью.
Поспешай, скачи, скачи, коник –
Колесницу догоняй Божью!

***

Такая тишь и благодать окрест!
И всюду жизнь, как спелая малина...
Когда-нибудь мне все же надоест
Приписывать ее своим молитвам.
Я отойду, укроюсь в сень берез –
И дождь прошел, и зорька не погасла,
И так же слышен дальний рокот гроз,
И день рисует солнечное масло.
Умылась светом первая пчела,
И радуга такая, что пред нею
Стою, молчу, но странные дела –
Творит молитву сердце все сильнее.

***

Октябрь, и лес, как будто, поредел;
Но сердце радо тихому раздолью.
О Боже, если есть скорбям предел
И точно плачешь Ты над нашей болью.

Здесь, на планете, проклятой навек,
Оставленный на горестные муки,
Приходит ли, уходит человек,
А принимают нас земные руки.

Настанет час, померкнет слава дня,
Вздохнет природа в траурном убранстве,
Позволь тому, что будет от меня,
Не затеряться сумрачном пространстве!

Пусть где-то там в сиянии луны
Протянут руки бережно, радушно
И, развернув тугие пелены,
Прижмут к груди мою живую душу!

Олег ИГНАТЬЕВ

И МИР, ОСТАВАЯСЬ ОГРОМНЫМ, ВМЕЩАЕТСЯ В СЕРДЦЕ МОЕМ

***

Безвременник, душица, чистотел,
Подсолнухи, сморенные жарою,
Вы помните меня? Я тот пострел,
Кто мысленно водил вас к водопою.

Дождя просил, как бабушка моя,
Когда, тяжелый зной перемогая,
Ручей мелел и трескалась земля,
От соли побелевшая, сухая.

Вы помните? Я счастлив это знать,
Плясавший в детстве под июльским ливнем.
Какая это все же благодать –
Быть радостным, восторженным, наивным!

И, несмотря на то, что день за днем
Проходят, ощущать себя при этом
Стрижом над плесом, резвым стригунком,
Воздушным змеем, уносимым ветром.

Олег Геннадьевич Игнатъев родился 17 августа 1949 г. на Южном Сахалине. Детство и отрочество прошли в Игарке, на Енисее. Окончил Ставропольский медицинский институт и Высшие литературные курсы (1989–1991, Семинар Ю. Кузнецова).

Автор шестнадцати книг поэзии и прозы.

Печатался во многих центральных и региональных изданиях.

Лауреат ряда литературных премий.

Член СП СССР и России.

Живет в Москве.

И пусть мои сосчитаны деньки,
Пусть на меня порой собаки лают,
В душе моей не вянут васильки,
Цикады и сверчки не умолкают.

***

Под горку, знакомою тропкой,
Веду к водопою коня,
И конь мой идет неторопко,
Подлаживаясь под меня.

Над нами ни птицы, ни дрона,
Исполнен тепла окоем,
И мир, оставаясь огромным,
Вмещается в сердце моем.

***

Своей мечтательностью обольщен
И ею же обманутый в два счета
Октябрь грустит, как сельский почтальон,
Оставшийся внезапно без работы.

Как будто так случилось на земле,
Что некому сидеть в тени акаций
И письма сочинять, да и в селе
Нет никого, чтоб писем дожидаться.

***

Когда на иву сядет цапля
И августовского дождя
Непредсказуемая капля
Сорвется, гром опередя,
Опять подумаю о власти
Неведомого надо мной,
Когда не делится на части
Отрезок лета временной.
И вечное, не помня смерти,
Поманит, страху вопреки,
Идти по зыби, как по тверди,
С другого берега реки.

***

По реке, от волн горбатой,
Ветер ходит колесом,
С ветлами запанибрата
И прибрежным камышом.

А за ним, без понуканий,
Грузит гром на тарантас
Все, что ливень прикарманил,
Побывав в гостях у нас.

Он в своей разбойной славе
Наперед уверен в том,
Что народом трудно править,
Легче править грабежом.

Вороватый, руки-крюки,
Он захапал свет земли
И попер к речной излуке,
Чтоб и следа не нашли.

Дескать, сами виноваты,
Если дали с трезвых глаз
Взять – и золото заката
Погрузить на тарантас.

***

Когда зимой смотрю на речку,
Припоминаю край земли,
Курка ружейную насечку
И холод северной зари.

Туман, сползающий в распадок,
Лыжню, ведущую в тайгу,
И даже белых куропаток,
Неразличимых на снегу.

***

Разломить ли на две половины
Эту жизнь, единую во всем?
В чем-то мы, конечно же, повинны
И безвинны тоже кое в чем.

Синева и голуби над крышей,
Первый гром и пение ветров,
Сердцу и душе даются свыше,
Как попутных дней молитвослов.

Не с того ли в свете мироздания
У черемух окрыленный вид?
Для меня полярное сиянье
Даже в их цветении сквозит.

Кто не знает этого, пусть знает,
И услышит, как Благою весть,
Что повинна красота земная
В том, что у нее поэты есть.

Что один из тысячи мальчишек,
Может, нынче, выйдя из ворот,
Ощутит нежданных чувств излишек
И глаголы жизни изречет.

***

Примяла осень квелую траву,
Кусты, как битых уток, общипала,
И, притенив дневную синеву,
Вздыхнула обреченно и устало.

Собрала тучи, словно гурт овец,
И, проходя небесным крутосклоном,
Взяла себе на память бубенец
С его печальным журавлиным звоном.

Андрей ТОМИЛОВ

ПИЛИГРИМЫ

Рассказ

*Мы гости здесь,
Мы странники планет.*

Зимовье, еще новое, светящееся на солнце ошкуренными еловыми бревнами, будто улыбающееся, радовало охотников, принимало их в свои объятия, обволакивало затхлостью застоявшегося за лето воздуха. Зимовье стояло на высоком берегу озера, горного озера. Место было действительно красивое, но чуть урёмистое, темноватое.

Когда два года назад завалилась старая зимовейка, строиться решили здесь, отступив от центральной тропы около километра. Еще тогда Серёга заартачился: «Темное место, будем как в болоте жить».

Но Витёк настоял на своем, убедил напарника, что при строительстве выпилят самые здоровые ели, и поляна осветлится. Так оно и вышло, впустили солнышко в глушь лесную, но пеньки, торчащие кругом, несколько удручали. Парни, хоть и не говорили на эту тему, но оба не любили поляну, что образовалась после стройки, а пеньки Витёк закидал еловыми ветками. Теперь эти кучи стали рыжими и даже красными.

Андрей Андреевич Томилов родился в октябре 1949 г. в Курганской области, Шумихинский р., с. Птичье. После окончания Иркутского сельскохозяйственного института получил специальность охотовед-биолог. Работал на юге Хабаровского края, в национальном удэгейском поселке Гвасюги. Там родилась повесть «Годы среди удэгейцев», рассказы «Летняя охота», «Река Чуи», «Граф», «На солонцы», некоторые другие.

В 1980 году вернулся в Иркутскую область, на Крайний Север, продолжил работу в охотничьем хозяйстве.

Именно на севере были написаны многие рассказы из тех, которые вошли в сборник «Охотничьи страсти»: «Охотоведы на Сахалине», «Северные истории», «Таймыр», «Турист» и другие. Все эти и многие другие рассказы вошли в семь сборников, изданных на собственные средства писателя.

Неоднократный участник областных, республиканских и международных литературных конкурсов, где занимал призовые места.

Однако в сторону озера пейзаж был прекрасный. Разбегались по сторонам молодые елки, смущенно прятали в высокой траве свои колени березки-подростки, а по самому берегу толпой куда-то торопились голенастые осины. Солнышко основную часть дня светило с этой стороны, наполняя зимовье радостными зайчиками, толпой врывающимся через широкое двойное стекло.

Старое зимовье стояло на тропе, место там более удобное, но жилье сгнило, и провалился потолок. А строить там же другое не из чего, кругом одни березы да осины. Все хвойные в свое время были использованы, да и за долгие годы на дрова повалено много доброго леса.

Новое зимовье радовало охотников, всегда манило к себе, согревало долгими зимними ночами.

Правда, была одна причина, по которой парни всегда огорчались, если вспоминали, а вспоминать уже две осени подряд приходилось почти каждодневно.

Дело в том, что, уже заканчивая строить зимовье, обнаружили они почти рядом добротную медвежью берлогу. Видно было, что зимовал здесь зверь не один год. Берлога располагалась под старой дуплистой елью с обломанной верхушкой. Сам вход маскировался в растопыренных корнях, от времени повылазивших из земли и узловато скрючившихся под низкими ветвями. И он не был уж слишком широким, зато сама берлога имела приличную площадь, как хорошая комната на две кровати.

Тот приступок, что был дальше от входа, занимал основную часть площади и застилался толстым слоем мха. Здесь, ближе, тоже было место для отдыха, но оно значительно уступало первому в размерах и застелено лишь жиденьким слоем созревшей травы.

Охотники пришли к выводу, что здесь зимовала мамка с пестуном. Так оно потом и оказалось. Когда осенью медведи пришли к своему месту, чтобы подготовиться к предстоящей зиме, обнаружили рядом красивое, но чужое зимовье.

С первого раза безобразничать они не стали. Возмущены, конечно, были, но оставалась надежда, что люди уберут все это еще до наступления холодов, и тогда все будет по-прежнему, все уладится.

Но людям было не до того, не собирались они куда-то переносить то, что настроили тут, не собирались и сами уходить. Они, как шальные, носились целыми днями за своими собаками по окрестным сопкам, а когда те начинали истерично лаять и орать на захваченную врасплох белку, люди впопыхах палили из ружей. Грохот ружейных выстрелов упруго перекатывался по сопкам, тревожил тамошних обитателей. По широкой спине мамки-медведицы пробежал холодок, и в горле невольно рождался легкий рокот.

Охотники видели следы медведицы и ее подростка медвежонка, да и собаки загривки топорщили, но особых каких-то мер не прини-

мали. Витёк, правда, распорядился:

Подвернется ловко – бей, у нее желчь должна быть здоровенная – старуха уже. Да и того прибрать надо, нечего слоняться по тайге без матери.

– Подвернется, – буркнул Серёга, – с нашими собаками самим бы не подвернуться. Поди, не простит, что жилуху у них разграбили.

– Мало ли места в тайге? Выкопают себе новую, у них время есть, не на работу, – лениво подытожил напарник.

Разговоры о медведях всплывали время от времени, но тема была неактуальна, ведь основное, за что терпели все лишения охотники, – это соболь, вот о нем и говорили.

Говорили в основном тягучими вечерами, сумерничая возле раскаленной, захлебывающейся своим пламенем печки. Витёк пускал густые клубы табачного дыма и рассказывал, где и сколько он насторожил капканчиков. Капканами занимался исключительно он. Серёга же, как более шустрый на ногу, промышлял с собаками.

В начале сезона, по первым снегам, собачья охота всегда была результативней. Витёк все капканы таскает на путики, приманкой вонючей весь пропитался, а результата не видать, мрачнеет. У Серёги зато рожа аж трескается от улыбки. Да и как сдержат радость, если каждый день по два, а то и по три соболя притаскивает – душа поет.

Но постепенно картина меняется. Снег со временем накапливается, собаки начинают бродить, а не бегать, потом и вовсе плавать. Соболек уже не так легко может поймать полевку, а значит, более охотно лезет за приманкой.

И вот уже Витёк, улыбаясь, возвращается под вечер в зимовье, деловито выкладывает добычу на нары. Серёга же, напротив, посмурнел, молча пихнул пару окровавленных белок между промороженными соболями и сел курить к печке. А от спины клубами пар поднимается, хоть выжимай рубаху, да и куртка-то насквозь.

В такие вечера почти не вспоминали медведей, а если и всплывал вдруг разговор, так лишь пара слов:

– Где-то наша старуха зимует? Опять весной притащится, порядки свои наводит. Надо было по осени выделить пару дней, походить по следам, может, и добыли бы.

– По осени каждый день дорог, на баловство времени не остается.

– Времени не остается, а что пакостить старуха стала с каждым годом все больше, это нормально? Вон новую канистру прокусила – керосин вылила, стекла побила.

– Керосин она не вылила, она его выпила. Они так от глистов лечатся.

– Я, что, керосин-то на своем горбу тащил, чтобы ее от глистов лечить? На следующую осень точно следить пойду, а может, за лето и собакой доброй разживемся.

Собакой доброй, чтоб медведя работала, Серёга за лето так и не разжился, своих-то едва уберег. Молодой кобелек, на которого хозяин возлагал большие надежды, вдруг зачумился, распустил слюни и соп-ли, жрать совсем отказался. Серёга его сам уколами пичкал, выхаживал, отдельный вольер для него соорудил. А тут и сучка чего-то захирела, зачахла. Все лето как тень была, думал, сдохнет, нет, выка-рабкалась. Но вот будут ли работать так же, как в прошлые годы – это вопрос. Молодой, кажется, после чумки слышать плохо стал.

Заехали на участок в этом году почти без приключений. Выпили, конечно, перед отплытием, как положено, отвальную. Тем более что мужики провожали, но все было прилично, все в норме.

По Киренге, как по маслу, катились. А что не катиться вниз-то, да и вода хорошая была, ни одного переката не заметили. На устье Ку-тимы надо было ночевать, нет, потащились до базы, это пара перека-тов. Вот тут и помучились малость.

Собак выкинули – по берегу причапают. Сами бродом, а лодка, один черт, к камням прилипает своим дюралевым брюхом – чуток перегрузили, или лишка выпили, или просто припозднились, темнеть стало, не видно струйку. Витёк запсиховал, задергался чего-то. Потом зацепился за камень и вытянулся во весь рост – вымок, как курица, в сапоги набрал.

Пришлось все-таки ночевать на берегу, только настроение было испорчено, да Витёк мокрый.

Ничего себе Витёк, ему уж полтинник летом брякнул, а он все Ви-тёк. Впрочем, он и не собирался взрослеть. Ему нравилось теперешнее состояние души и тела, нравилось жить именно такой жизнью, нрави-лась свобода, которую давала ему профессия.

Будучи штатным охотником, Витёк круглый год болтался по ле-сам, горам, рекам. Он получал от этого удовольствие, а тут еще и деньги платили то за пушнину, то за рыбу, то за травки лекарствен-ные, ягоды, грибы, орехи. Да о такой жизни только мечтать можно!

Правда, из-за этого же не получилось с семьей. Вернее сказать, семья-то получилась, даже дочурку родить смогли, а любилась как – до безумия, до изнеможения, до боли! Но вышла неприятность. Хоть и против воли, а приходилось разлучаться, и не на один день. А дело же молодое.

Он и сам понимал, что винить жену не имеет права, виноватил только себя, но простить, когда застал их с ветеринаром в душной, тесной летней ночи, – простить не смог.

С тех пор ни собак, ни какую-то другую скотинку Витёк не дер-жит – измены опасается. А дочка с женой живут у бабки, женщины старой, совсем развалившейся, но приветливой. При любой случай-ной встрече она обязательно скажет, притянув его к себе за рукав:

– Помру скоро, Витенька, пропадут девки-то, пропадут...

У него и самого душа прочь просилась, когда девок своих видел, – деревня же, поневоле столкнешься, но не пересиливал себя, не мог. А когда Вальша – любовь его первая и единственная, а теперь жена законная, в ногах валялась, умоляя хоть не ее, хоть дочь, дите невинное, простить, приглубить, – уходил в запой.

Еще тогда, в далекой, худощавой юности, Витёк, признаваясь в любви соседской девчонке-хохотушке, так и сказал: «Захворал я тобой, Вальша, крепко захворал, спасай».

С тех пор и болеет, не любит, а именно болеет. А как поженились, вообще тронулся, мороки случались с мужиком – бредил молодой женой. Да и какой молодой-то, уже шесть лет прожили, а он все в горячке, потом девчонка родилась, только потом успокаиваться начал, – рожу отъедать. До такой степени избился, до того она с него соки повытянула, что глядеть было страшно – кожа да кости.

С мужиками как-то под берег сели – накоротке выпить, он аж давится, торопится. Те его:

– Ты чего, Витёк, куда торопишься-то? Поговори хоть.

А он отвернулся, слезы в глазах блестят.

– Да что с тобой? Что случилось то, может, помочь?

Витёк пересилил себя, рожу в улыбке растянул:

– Чем же вы мне поможете, мужики, я просто по жене скучаю, с утра не видел.

Переглянулись кореша, кто-то у виска пальцем покрутил, кто-то просто головой покачал, матюгнулись:

– Пропал парень.

Зато сама Валентина расцвела – смотреть боязно: головку приподняла, плечики развернула, улыбка с припухлых губ не сходит, по деревне плывет важная, как сторублевка, и счастливая, будто стахановка. После родов чуть тронулась телом вширь – растопталась, но это лишь красило, придавало какую-то важную, обязательную бабью изюминку. Сочная была бабенка, словно береза по весне – чуть надломи, и брызнет.

Бабы подшучивали:

– Это что же ты, Валька, творишь со своим мужиком, совсем заездила, у него уж штаны-то только на ём и держатся. Не кормишь ты его совсем, что ли?

– Некогда нам на еду время тратить, мы разных там Джульетт не читали, мы свою любовь изобретаем, оттого и похудели чуток.

– Ну-ну, не перестарайся, а то потомхватишься, а он и засох, стручок-то.

– Не боитесь, бабоньки, на мой век хватит.

В те годы затащить Витька в тайгу или на речку было трудно – только по приказу. И уж если работа заканчивалась, то никто не мог

уговорить его подождать до утра, хоть ночь-полночь – домой, и никаких разговоров. Это и сгубило.

Первые петухи заголосили, когда он прибежал с пристани, запыхался, трясется весь. Будто год не виделись, а всего-то две недели рыбачили на озере.

Как увидел их, сам безголосым кочетом завыл, рот разевает, а воздух ухватить не может. Поплыла стена вместе с тем сараем проклятым, качнулись блеклые звездочки, и остановилось время, стыдливо одергивая подол.

Эх, время, времечко. Не поворишь тебя, не поправишь. Не проживешь этот отрезочек пути по-другому, а только так, как случилось, только так.

Долго потом Витёк в больнице койку продавливал, и в область отправляли, говорили, будто сердце надорвал. Может, и правда сердце больное было, а не любовь вовсе. Посудачили по этому поводу бабоньки возле магазина, всласть наговорились.

Время лечит, и мужик поправился, на работу вышел, жить, правда, стал один, совсем один.

По всем этим причинам Витёк домой никогда не торопился – не ждал его никто, сидел в своих тайгах до последнего срока. Выезжал всегда неохотно, с нервами.

Раненько утром махнули по полкружке водки, зажевали, чем пришлось, и за шесты. Собаки сунулись было к лодке, но сразу поняли, что там их не ждут, выбрались обратно на берег, высоко поднимая лапы, и шустро замелькали в береговых кустах, навстречу течению. Однако на каждой отмели они вновь заходили в воду и зорко всматривались в машущих шестами людей на середине реки.

Миновав базу, мужики завели мотор и малым ходом стали подрабатывать против упругих, пенистых струй. Река здесь подобралась, сдвинула берега поближе, тем самым образовав глубину на основном русле.

Серёга уверенно правил мотором, а Витёк, сидя на носу лодки, помогал правильно выбирать дорогу, указывая шестом, где глубже.

Не прошло и часа, как на правом берегу показалось зимовье. Причалили. Это было их зимовье, самое нижнее, или самое дальнее, если считать от центра участка. Выгрузили вещи, приготовленные именно сюда. Что-то занесли в дом, что-то сразу унесли подальше и спрятали – еще могут появиться чужие.

Хотели было сварить чайку, но передумали. Пока везет, ехать надо.

Оно и правда, добрались ловко, будто в руках у Витька не шест вовсе, а волшебная палочка. В прошлом году каждый перекаат штурмом брали. А к верхнему зимовью, что стоит на Гремячем, бичевой притащились только на четвертый день. Ни одного винта целого не осталось.

А тут даже не верится, и до Земского долетели быстро. Выгрузились прямо на тропу. Отсюда до озера четыре километра. Придется поработать неграми, пока все, что привезли на зиму, не переедет туда, к зимовью на озере.

Но это не сейчас, это потом, через пару дней. Сейчас еще один рывок – до Гремячего. Там у охотников верхнее зимовье, его тоже надо подготовить к сезону. Правда, теперь ехать совсем легко – груза осталось мало. Даже собак закинули, они еще не растоптались, умерились от первой пробежки.

Добравшись до конечного пункта своего путешествия, мужики расслабились. Там и заночевали.

Назавтра начиналась простая, будничная работа, никакой романтики, ничего интересного. До открытия охотничьего сезона еще неделя, и за это время надо зимовья подремонтировать, и дров приготовить, и лодку прибрать, чтобы она не погибла во время зимовки. Они ее всегда перегоняют в нижнее зимовье и там, вытащив на крутой берег, переворачивают на бревна. Мотор убирают под нары, в зимовье.

Весной, добравшись на попутной лодке до устья Кутимы, приходят сюда, спускают посудину на воду, ставят мотор и выезжают.

На озеро притащились, нагрузившись продуктами. Стояли теплые осенние деньки, и солнышко помогало увесистым рюкзакам выдавливать из «негров» невероятное количество пота.

– Хоть ложки полощи, – ворчал Серёга.

И правда, пот обильно заливал не только лицо, но и под коленками, кажется, хлюпало. Почувяв последнее тепло, к разгоряченной коже тучами липла мошкара.

Зимовье радостно улыбалось хозяевам, беззубо показывая осколки выбитого стекла. Дверь висела на одной петле.

– Вот тварина! Опять она за свое! Нет, с этим надо как-то завязывать.

Когда, скинув рюкзаки, заглянули внутрь, возмущению не было предела. Мало того, что все перевернуто вверх дном, так еще и печка помята, и трубы, до безобразия изогнутые валяются в углу.

– Вот. Ну, как ее еще назвать?!

– А ей на твои названия глубоко наплевать. Это мы на ее территории построились, значит, мы и виноваты. Получается, что или терпи, или убей. Других вариантов допускать нельзя.

Долго приводили все в порядок, переругиваясь между собой. Серёга сходил к берлоге и приволок оттуда охапку свежего мха:

– Она опять мох готовит. Уже третий год здесь не зимует, а все забыть не может, каждую осень подстилку собирает.

– Собакам сгодится.

* * *

Ночами подмораживало. Почти до самого обеда под сапогами крепко похрустывал ледок. Да и на озере к берегу прилипла, припаялась хрустальная лента, а камни, местами торчащие из воды, нацепили на себя ледяные шапочки.

Серёга добыл белку, собаки прижали ее рядом с тропой, шкурка была готова к зиме, полностью вылинявшая.

– Можно начинать, ты как думаешь?

Витёк перебирал капканы, укладывал их в рюкзак:

– А чего тут думать, работать надо. Я завтра в нижнее потащусь, оттуда начну капканы поднимать.

– Ну и лады, мы тогда пойдём на Гремячий, – погоняем там бельчонку, да снежок в тех сопках раньше падает, может, соболька задавим.

– Короче, я вниз на три дня, ты – вверх на три дня, потом здесь встречаемся. Если что-то не так, записка на столе.

* * *

Серёга был много моложе напарника, но годы совместной охоты сблизили их крепко, почти сроднили. Он, может быть, глядя на Витька, до сих пор не женился.

Начинал жить с одной селянкой, но она чем-то не угодила матери, и та растащила их, разодрала почти по живому. Серёга мать уважал и послушаться не решился, так и бодрствует пока один. Деревенские бабенки, особенно вдовы, головушку наклоняли при встрече с ним, улыбались смазливо, заманивающе, а девки молодые уже не глядели, считали мужиком, перестарком.

Сам же он, Серёга, после сезона или летом после рыбалки погусарит чуть-чуть и опять успокоится. Когда мать заводит разговор о женитьбе, он молча отмахивается или, ухмыляясь, протягивает:

– Прое-е-ехали.

Собак любит. Вернее сказать, любит собачью охоту. Здоровье позволяет, вот и носится за ними, выпучив глаза и вывалив язык на плечо. Другой раз и не заметит, как день кончится, притащится в зимовье ночью чуть живой, но счастливый – хоть лепешки на рожке пеки. Утром чуть свет, а то и вовсе потемну снова полетел, собаки, едва проснувшись, сзади плетутся.

Так и повелось у них: Витёк капканит, а этот с собаками, но все в один котел, как у людей.

Здесь, вокруг озера, снегу еще не было, да и Кутима еще не думает шуговать – затянулась теплая осень, а вершины сопки в предгорье уже побелели. Там всегда рано покрывает землю, потому и спешит туда охотник, легче там собакам следок найти. А потом, когда снег всю тайгу выбелит, можно будет и здесь, в пойме побегать за зверьком.

Попрощались мужики, разошлись в разные стороны.

Витёк, нагрузившись капканами и душной приманкой, пошагал в сторону нижнего зимовья. Поглядывал на попадающиеся рядом с тропой ловушки, отмечал про себя, где какой ремонт требуется, но пока не останавливался, спешил на дальний путик.

Серёга шустро вышагивал старой тропой, надеясь к полудню выскочить на Гремячий и, может быть, еще сегодня перехватить парной след. Собаки нюхали где-то стороной, за глазами, хотели показать хозяину, какие они старательные.

Однако и правда, вскоре залаяла сучонка, а потом присоединился и кобелек – работали по белке.

Охотник быстро нашел их, азартно задирающих морды на молодую, стройную сосенку, и с первого выстрела оправдался.

– Ну молодцы, ну хорошие, – гладил он собак, радостно прыгающих ему на грудь.

Через полчаса добыли еще одну белочку, а вскоре собаки коротке перехватили соболя. Загнать на дерево они его не смогли, может, он старый был, опытный, а может, собаки еще не разбегались, но получилось так, что соболь заскочил в шерлопник – нагромождение камней на склоне сопки. Они ожесточенно лаяли, кидались от одной щели между камнями к другой, пытались грызть камни, скребли их когтями, всем видом показывая, что зверек где-то здесь, рядом.

Серёга ворочал камни, грохотал, сталкивая их вниз, даже пару раз выстрелил в расщелины, в надежде, что соболь выскочит, потом развел костер и, размахивая курткой, загонял в камни дым, но зверек затаился крепко и признаков не подавал. Отозвав охрипших собак, охотник пытался караулить, спрятавшись за большим валуном, снова разводил костер – соболь не выходил.

Уже навалились сумерки, когда собаки, окончательно вымотавшись, свернулись клубками прямо на камнях и прикрыли глаза.

– Подъем! Сончас отменяется! Пошли домой.

Охотник быстро нашел тропу и пошагал в обратную сторону – вернуться в зимовье на озере было гораздо ближе, чем тащиться на Гремячий.

– Завтра все начнем сначала, со второй попытки.

Темнело, но зимовье выбеливалось своими боками в надвигающейся ночи, а от озера поднимался отсвет потухшей зари. Голые осины, столпившись на крутом берегу, прикрывались от охотника густым покрывалом сумрака.

Дверь в зимовье была распахнута, под порогом валялось разорванное одеяло. Собаки весело уплетали рассыпанные сухари, хрумкая на всю тайгу.

– Ну все! Ты меня достала! Еще и одеяло мое. Все, тебе конец!

Он бегал по темному зимовью и кричал, пинал какие-то вещи,

раскиданные по полу. Собаки, от греха подальше, ушли за зимовье и там притихли.

Засветились крупные, какие бывают только в горах, звезды.

* * *

Утром Серёга еще раз обследовал зимовье и прилегающую территорию – место разбоя медведицы с ее уже прилично подросшим сыночком.

На лабаз, где хранились продукты, медведи не забрались, но лестницу уронили. Изжевали несколько банок сгущенки, рассыпали небольшой мешок сухарей, укатали на берег флягу, в которой ребята хранили масло и другую мелочь, ну и в зимовье нашкодили, одеяло разорвали.

Серёга слазил на чердак, достал стальной трос, принесенный сюда еще три года назад, специально для того, чтобы поставить несколько петель на зверей. Но времени катастрофически не хватало, да и желания особого не было, и трос валялся без дела.

Охотник критически осмотрел подернувшийся легкой ржавчиной трос, погладил рукой и зачем-то посмотрел, прищурившись, на выплывшее из-за горы солнце.

Осмотревшись, он пошел в осинник, который рединой, как кисейной тюлью, задергивал озерную гладь.

В пяти шагах от тропы выделялась старая брюхатая осина. Она чуть наклонилась к тропе и как нельзя лучше подходила для установки петли. Парень потоптался вокруг дерева, задирая голову и смущая этим собак. Они тоже ходили по осиннику и задирали кверху морды, а кобелишка даже пару раз гавкнул, чтобы хоть чем-то угодить хозяину.

Но тот не обращал на них никакого внимания. Он сходил к зимовью и принес карабин, а также пилу и топор.

Срубив коряжину с развилкой вверху, Серёга приставил ее к облюбленной осине и с карабином в руках, забрался на верхотуру. Коекак удерживаясь, он снял предохранитель и, приставив оружие к стволу дерева, выстрелил. Карабин вырвался из руки и улетел в рыжую траву. Собаки дружно залаяли и стали прыгать на корягу, пытаясь заскочить к хозяину.

Пуля прошила дуплистую осину насквозь. Серёга распустил на всю длину трос и, завязав на одном конце узел, изготовил петлю. Второй конец троса просунул в дырку от пули.

Притащил от лабаза длинную лестницу, приставил ее к соседнему дереву, забрался туда с пилой и обезглавил дерево – спилил вершину. Собаки уже притихли, сели в стороне и молча наблюдали за проделками хозяина.

Убрав лестницу, тщательно примерившись, Серёга спилил оставшееся без вершины дерево с таким расчетом, что оно упало на рагу-

лину, подставленную к осине, с продернутым тросом.

Все получилось. Охотник снова забрался на корягу и привязал к бревну трос. С противоположной стороны он плотно забил приготовленный заранее колышек – насторожку. Теперь аккуратно убрал рогулину, и бревно повисло, туго натягивая трос.

Петлю Серёга разложил на земле на всю ширину, тщательно маскируя ее в пожухлой траве. В старый рваный мешок он положил несколько прокисших окуней, привезенных для приманки к капканам. Мешок крепкой веревкой привязал к насторожке. Все. Медведица подходит к ароматной приманке, встает на задние лапы и сдергивает мешок.

Повернувшись к лесу, Серёга кричит:

– Не волнуйся, дорогуша, я буду недалеко, долго мучаться не будешь!

Замаскировав все свежие спилы, трос, прибрав лишние ветки и щепу, охотник еще раз придирчиво все осмотрел и, довольный собой, удалился. Собаки, так и не дождавшись ничего интересного, потупившись, побрели за ним.

Остаток дня Серёга провалялся на нарах, крутил приемник, листал затасканные, залоснившиеся от времени журналы. Утром, чуть свет, подался на Гремячий. Перед самым отходом выдрал неровный лист из старой тетрадки и крупными, корявыми буквами написал записку, где рассказал про медведицу и про петлю.

* * *

Весь день медведица прислушивалась к шорохам тайги, к шелесту легких волн, которые уже не могли докатиться до берега и разбивались о ледяные кромки. Почти у самой головы неустанно прыгали и о чем-то озабоченно переговаривались желтогрудые синицы.

Она слышала, как рано утром человек и собаки ушли в сторону гор, но выйти из укрытия не решилась и не позволила непоседливому медвежонку. Весь день медвежонок перекачивался с бока на бок, и сердито ворчал, но послушаться мать не решился.

И вот теперь, когда уже стало ясно, что человек с собаками далеко – она слышала, как те лаяли в дальних сопках, медведица осторожно поднялась, сильно втянула носом воздух и, качнувшись всей тушей, побрела к зимовью. Медвежонок, озираясь по сторонам, потащился следом.

Выйдя на край пенькастой поляны, они снова остановились и стали вглядываться в зимовье, которое светилось свежестью своих стен на другой стороне, у кромки леса.

Все было тихо.

Медвежонок первым сделал несколько шагов, а потом и вовсе, припустил в припрыжку. Двинулась и медведица. Пока она, принохи-

ваясь, обходила вокруг домика, медвежонок отыскал на помойке пустую консервную банку и, зажав ее лапами, аккуратно вылизывал длинным розовым языком.

Низко опустив голову, читая вчерашние следы человека, медведица направилась к берегу, в осинник, посмотреть, что же там делал этот человек, чем он там занимался почти весь день.

Обнаружить мешок с вкусно пахнущей рыбой не составило труда. Она подошла ближе и стала внимательно разглядывать его.

Прибежал медвежонок и, привлеченный запахом, сразу подскочил к мешку, встал на дыбки, но дотянуться до приманки не мог. Он снова встал на четыре лапы и начал неуклюже прыгать, пытаясь ухватить приманку.

Медведица обнюхивала наклонившуюся осину, бревно, подвешенное на тросе, свежий спил, замаскированный пригоршней мха, трос, что спрятался в траве. Размахнувшись лапой, влепила затрепачину медвежонку, который, рывкнув, отлетел в сторону и притаился за валежиной.

Встав на задние лапы, уткнула влажный нос в дырку на мешке и медленно втянула в себя воздух. Снова опустила, отыскала взглядом медвежонка, прячущегося неподалеку, потопталась внутри петли и опять поднялась.

Засунув в дырку мешка когти обеих лап, она потянула в разные стороны. Мешок легко разорвался пополам, на траву упало несколько рыбешек. Медвежонок встал на ноги, но приблизиться к матери не решался. Она аппетитно хрумкнула одной рыбкой. Медвежонок в два прыжка оказался рядом и, ухватив окуня, резко отскочил в сторону.

Мамка съела еще одну рыбку, подлизала кроху, обнюхала пустой мешок и вышагнула из петли.

* * *

На дальнем путике работы оказалось немного, почти все ловушки были целы и надо было лишь насторожить каждую да подвесить приманку. А вот на обратном пути к озеру пришлось поработать. Видимо, здесь осадков выпадает больше, и каждая вторая ловушка была разрушена, раздавлена снегом.

Витёк, привычным движением, скидывал рюкзак, доставал оттуда топор, отточенный до звона, присматривал поблизости подходящую жердушку и в два взмаха валил ее на землю. Пристроив жердь под развесистым кедром, так, чтобы комель торчал высоко над землей, охотник укреплял там капкан и привязывал приманку – мелкую рыбешку, издающую омерзительный запах.

Однако этот запах почему-то нравится обитателям леса, особенно соболям. Соболек заскакивает на жердушку, пробирается по ней до капкана, перепрыгивает его и, достав приманку, начинает ее упле-

тать. При этом он забывает, что сзади стоит капкан, напряженно ожидающий оплошности зверька.

И тот действительно оступается – делает шаг назад. Капкан радостно хлопает дугами – он выполнил свою работу, зверек, испытывая страшную боль, прыгает, и повисает вниз головой. До земли не достать, а на жердушку уже не залезть.

Первые минуты соболю испытывает только боль. Изгибаясь всем телом, он пытается высвободиться, потом начинает грызть капкан, выламывая зубы. Проходит время, и боль от капкана утихает, исчезает совсем, болят только выкрошенные зубы. Накатывает усталость и безразличие. Маленькое тельце уже не чувствует себя, моча, произвольно выкатившись, желтой струйкой раздвигает густой черный мех, спускается к самой мордочке и, замедлившись, превращается в короткую, грязноватую ледышку.

Соболек больше не дергается, не извивается, не пытается освободиться – он уснул.

Многие охотники не признают капканов именно из-за того, что зверек мучается перед смертью. Наверное, правда, гуманнее добывать их кулёмками да плашками. Там сразу – хлоп! – и никаких мучений.

Но строительство кулёмок, плашек – это целая наука. Да и трудоемкий очень процесс. А капканчики кинул в рюкзак, и никаких забот.

Витёк должен был идти вокруг озера, поднимать тот путик, но провозился с ловушками и уже порядком устал, а здесь напрямую полчаса – и дома.

Серёга должен уже прийти – три дня прошло.

Отложив заозерный путик на завтра, торопко зашагал в сторону зимовья.

Озеро называлось Зыково. Кто такой этот Зыков, чем он прославился, что в его честь назвали такое красивое озеро, Витёк не знал. Да и навряд ли кто-то еще мог рассказать историю, связанную с давними временами, с охотником, который первым поселился на этом озере, еще задолго до тех времен, когда начали составлять карты. Поколения сменились, стерлась память.

Перепрыгнув через шумный угрюмый ручей, охотник остановился. Вода поблескивала где-то глубоко в камнях. Ручей не имел названия. Вот, круглый год бормочет, даже в самые лютые морозы не замолкает, а названия не имеет.

Ручей связывал озеро с рекой, тянулся, петляя распадком, обгородившись по берегам густым ельником.

Витёк еще постоял, послушал бормотание невидимых струй и двинулся дальше. Впереди уже начинался осинник, который лентой тянулся вдоль озера до самого зимовья.

Солнышко еще не спряталось за сопку, ярко высвечивало пятно зимовья. Собаки не выскочили навстречу, и Витёк понял, что он пришел первым. Справа колыхнулось полотнище и заставило вздрогнуть: «Что за флаг тут повесил?»

Он подошел ближе и понял, что это старый рваный мешок.

«Зачем он это сделал? Может, знак какой хотел подать?»

Машинально дернул мешок вниз. Началось движение, заставившее его поднять голову: по спине брюхатой осины все быстрее ползло, а потом уже падало бревно, вытягивая за собой гибкий трос. Из травы змеей выскочила петля и, крепко обхватив колени охотника, стремительно вздернула его.

От невыносимой боли перехватило дыхание, потом вырвался крик:

– А-а-а-а! Серёга-а-а!

Брякнув об оголившиеся камни, упало ружье. Витёк, судорожно изогнувшись, ухватился за трос, просунув пальцы внутрь петли. Попытался подтянуться, поймался за узел другой рукой, движения сковывал рюкзак, уздечкой тянувший вниз. Охотник снова выпустил петлю из рук и высвободился из лямок рюкзака, тот улетел вниз.

«Дурак, там же топор, Серёга-а-а!»

Снова поймал трос, и, сдирая с пальцев кожу, пытался растянуть петлю – все напрасно.

«Нужно немного отдохнуть, успокоиться».

Он распустился, заставил себя терпеть боль и, поворотив голову, стал смотреть на белеющее в вечернем ельнике зимовье. Ему еще не верилось, что он попал в такое дурацкое положение. Казалось, сейчас из-за угла выйдет напарник и со смехом подбежит к нему: «Ну, что попался?!»

Но никто не подходил. Разрывая глотку, Витёк снова и снова орал:

– Серёга-а-а! Серёга-а-а!

Тихие сумерки опускались на прибрежную тайгу. Озеро еще светилось, еще жило прошедшим днем, а в лесу уже властвовали мрачные тени, уже хозяйничала наступающая ночь.

Ноги, в коленях схваченные стальным тросом, затекли, занемели, и боль как будто стала утихать. Теперь больше чувствовались оголившиеся пальцы рук, обломанные ногти.

Весь живот осины был в крови, это Витёк пытался подтянуться по нему, забраться на спину этой осине, но ничего не вышло, только спустил последнюю шкуру на ладонях да пообломал все ногти.

Для облегчения он скинул с себя куртку, и без того весь взмок, то ли от напряжения, то ли от нервного потрясения, хоть выжимай, пот так и катился по лицу и затылку. Теперь же в накатившей вечерней прохладе он продрог, но куртку уже не достать, как не достать и топор, которым можно было обрубить трос.

Ноги больше не беспокоили охотника, он их не чувствовал, да и

ладони перестали болеть, было холодно, все тело тряслось, зубы стучали, из глаз самопроизвольно текли слезы и смачивали спутанные волосы.

Зимовье уже невозможно было разглядеть, просто чуть отливало светлое пятно. По небу наискось прокатилась звездочка и, не долетая до верхушек деревьев, погасла.

Дрожь прекратилась так же внезапно, как оборвался полет звезды, даже будто потеплело, волна теплого воздуха окатила Витька. Он понимал, что теплу взяться неоткуда, наверное, просто показалось, но по телу разлилась та благодать, которая настагает после первой, долгожданной рюмки водки. Стало легко...

Всякие дурацкие мысли полезли в голову: чего упрявился столько лет, давно уже надо было простить Валюху. Простить-то уж простил, да вот ей ничего об этом не сказал, да и себе тоже.

«Это что, помирать собрался?»

А что удивительного. Вот ночь, холодная, долгая ночь. Если провисеть всю ночь под животом этой старой осины, в одной рубаше, то утром найдут не очень молодой и не очень красивый окоченевший труп.

«Кто найдет? Если Серёги нет, то в лучшем случае он притащится завтра к вечеру».

Глаза постепенно очистились от пелены, и снова все окружающие предметы обрели четкие контуры. Деревья, камни, озеро, покрытое у берега льдом, в котором расплывчато отражались звезды.

А небо, какое оно черное и глубокое, никогда не видел такого неба. Там нет ни одного свободного места, куда бы можно было подцепить еще хоть одну звездочку, все занято. И ведь падают же они, а место не освобождается.

Звезды и правда падали, падали прямо в озеро, но всплесков не было, даже удивительно, а может, они падают чуть дальше, в тайгу...

Витёк уже не чувствовал своего тела, только плечи будто устали да руки. Пытался закрыть глаза и подремать, но они не закрывались. Дрема все-таки овладевала им, и он уносился далеко, далеко, в то счастливое время, когда мать боялась выпустить его ручонку, а он, заливаясь громким смехом, тянулся что есть сил к воде, к теплomu, мягкому песку. Перебирая босыми ногами, путался в том песке, падал, а мать подхватывала его, сама смеялась, и они бежали дальше, бежали.

Далеко в тайге с треском, с грохотом упало дерево. Вот, были бури, были ураганы, просто ветра дули – все выдержало, а тут тихо до звона, а оно возьми и сломайся – знать, время пришло, срок пришел. Каждому свой срок отмерян на этой земле.

Снова упала звезда, мелькнула и скрылась за верхушками деревьев, оборвалась чья-то жизнь. Он всегда считал, что упавшая звезда – это закончившаяся чья-то жизнь, но никогда не думал, что на

свою жизнь можно будет посмотреть вот так, со стороны, как на что-то завершенное.

Да и не собирался он вовсе умирать в такие годы. Уходя в тайгу, конечно же, понимал остроту момента, понимал, что может случиться какая-то неприятность даже с ним лично, можно покалечиться, можно нырнуть в речку и простудиться, мог даже допустить, что медведь покалечит, но чтобы умереть...

Когда-то давно в потрепанной книжице прочитал, как одного бунтаря по приговору вели на казнь. И он все размышлял о своей жизни, и не мог сосредоточиться, ему мешало чувство скорой казни. И вот тогда он подумал: если бы дали отсрочку от казни на пять минут.

«О! Целых пять минут! Как бы я прожил эти пять минут? Я бы твердо знал, что они у меня есть, что никто не вправе отнять их. Каждую минуту можно было бы разбить на отдельные отрезки времени, на целые отрезки, и жить в этот отрезок именно той жизнью, которая была положена на это время, думать в это время только о том, что намечалось. И так как все пять минут были бы распределены с толком, со строгостью учета, можно было бы прожить всю жизнь! И какой бы она была полной, объемной и долгой – целых пять минут!»

Начинал брезжить рассвет, когда в замутившемся сознании висящего вниз головой человека возникла жена. Она стояла на тропе, против светлеющего зимовья и пристально вглядывалась в лицо Витька, будто и улыбалась ему, но не ласково, даже с ехидцей, с тайной радостью.

Глаза, залитые кровью, почти вывалившиеся из орбит, не могли хорошенько разглядеть Вальшу, а попросить ее подойти ближе он тоже не мог: язык не слушался да и не помещался во рту.

Она еще постояла в напряжении, всматриваясь, потом вдруг опустилась на четвереньки и приблизилась, стала обнюхивать голову охотника.

В волосах спуталась, закудлатилась зажелтевшая льдышка. Медведица ухватила за эту льдышку зубами и выдернула вместе с волосами, перекатила ее на языке, похрумкала.

Витёк слышал, как трещали волосы, но боли не ощутил совершенно. Не хотелось думать, не хотелось ничего предпринимать, ничего не хотелось.

Торопился рассвет. Возникла синица и стала с любопытством прыгать по ближним веткам.

От того, что медведица прикоснулась к человеку лапой, он вдруг качнулся на длинном тросе, и она отпрянула, отскочила в сторону, вытянула губы трубочкой, издала негромкий рык. Но скоро поняла, что испугалась зря, снова приблизилась и уже смелее прихватила охотника обеими лапами, потянула к земле.

По спине осины кверху потащилось бревно. Медведица от-

влеклась на него, и человек, выскользнув из когтей, резко полетел вверх. Закачался из стороны в сторону, ударяясь о ствол дерева.

От всей этой возни Витёк пришел в себя и удивился тому, что он все еще здесь.

Медведица опять схватила остывающую, но еще теплую добычу, резко притиснула ее к земле и, грубо придавив лапами, победно посмотрела на бревно, торчащее высоко вверху.

Вылизывая длинным, теплым языком затылок охотника, медведица, наверное, размышляла, что делать дальше. Она чувствовала, как человек неумолимо движется вслед за приподнятыми ногами, и, если она его сейчас отпустит, он снова попытается улететь.

Человек же вдруг ощутил под своей щекой холодную сталь двустволки. Руки почти не слушались, на спине стоял огромный зверь, но появилось какое-то маленькое желание, нет, еще не желание жить, просто желание сопротивляться.

Витёк потихоньку просунул руку под себя и ухватился за ствол.

«Теперь только бы не выпустить».

На тропе неуверенно топтался медвежонок. Солнце, кажется, осветило верхушки деревьев, а может, это просто в глазах просветлело. Снова болело все тело, только ноги не болели, их, будто не было.

Удерживая рвущегося вверх человека, медведица распоролла на нем рубаху и, пробороздив когтями спину, пустила кровь. Принявшись ее вылизывать, не заметила, как и вторая рука крепко сжала ружье.

Грохнул выстрел.

Медведица, сбив с ног очумевшего медвежонка, вихрем влетела в молодой ельник и еще долго ухала в сопках, отгоняя собственный страх.

Бревно уже в который раз стремительно прокатилось по спине осыны и вздернуло измученное тело охотника.

Чуть успокоившись, Витёк приставил ствол ружья к тросу и снова выстрелил, тут же кулем свалился на утоптанную траву.

Отлежавшись, придя в себя, насколько это можно было, он кое-как растащил обрывок петли на распухших, бесчувственных ногах и пополз к зимовью.

Верхушки деревьев действительно осветились солнцем.

Галина КОЛЕСНИКОВА

МИНЬКИНА БЕССОННИЦА

Рассказ

I

Михаил проснулся среди ночи в слезах – горькие мальчишеские слезы текли по щекам. Надо же – восьмой десяток пошел, а навязчивый сон преследует до сих пор! И память упрямо возвращает в далекое детство. Судьбоносный случай произошел, когда ему было лет шесть или семь. В этот год он приехал на лето к старшей сестре, которая жила с семьей в Чимкенте. У нее уже дети были чуть поменьше Мишки.

Знойное южное лето кружило, одаривало фруктами и лакомствами, которых Минька (так звала его мамка) ни то что не пробовал, а видом не видывал, и то сказать – послевоенная безотцовщина... Сколько незаслуженных обид и тычков сносил он без слез! Завидовал жгучей, черной завистью своим сверстникам-пацанам, важно шествовавшим за руку с отцом в нагорную общественную баню!

Галина Дмитриевна Колесникова родилась 15 декабря 1951 г. в селе Мормышы Романовского района Алтайского края. Окончила Барнаульское культпросветучилище в 1986 г. Более 20 лет работала на заводе «Кристалл».

Публиковалась на страницах журналов «Алтай», «Наш современник», «Бийский вестник», «Волга – XXI век», «День и ночь» и др. Автор десяти поэтических книг.

Организатор и руководитель поэтического клуба «Литературное кафе».

Лауреат литературной премии редколлегии журнала «Алтай» и Алтайского книжного издательства (1992) за цикл стихов «Как это трудно – любить...», Международной литературной премии им. В. В. Бианки (2001) за книгу стихов «Неокольцованное слово», премии «Лучшая книга года» (2004) за книгу стихов «Ореховый спас» и премии «Золотая нива Алтая» за сборник стихов «Горький мед».

С 2004 по 2010 г. руководила Алтайской краевой писательской организацией. Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

А он ходил один! Один с тех пор, как мамка не стала брать его с собой в женское отделение бани. Помнится, идет он с веником под мышкой (сам с веник ростом!), вызывая сочувственные улыбки соседей и знакомых.

Не отец, а сам Минька мастерил себе самокаты – ходил в автомастерскую, и мужики, побрякивая в кулак, от избытка отцовских чувств, давали ему шариковые подшипники.

Минька был один мужик у матери, вечно занятой то на двух работах, то по хозяйству. Нет, отца у него забрала не война, но все-таки она проклятая – на фронте отец полюбил другую женщину и переехал к ней в Чимкент. Со временем туда уехала и старшая Минькина сестра Полина.

Две дочери родились в новой отцовой семье. Любимых дочек ласково гладил отец по головкам, приносил им со службы «гостинчик от зайчика», сажал к себе на колени. И никто не знал, не догадывался как ему, Миньке, хотелось повидаться с отцом! Прижаться к нему щупленьким тельцем, рассказать как плохо без папки, похвастаться детскими успехами – полочки красивые выпиливал и выжигал, картошку сам на керосинке жарил, когда мать не успевала приготовить еду впрок.

Мечтал, что похвалит его папка, поднимет, как пушинку и посадит на колени. Скажет: вот какой у меня мужик растет!

Ватага местных мальчишек, с которыми дружили Минькины племянники, с утра до ночи носились по пыльным чимкентским улочкам, пуская по арыкам кораблики, или сидели в тени виноградных лоз, вьющихся по шпалерам. Когда Полина брала брата с собой на базар, у Миньки разбегались глаза и спирало дух – горы арбузов и дынь, россыпи овощей и фруктов и нескончаемый гомон над невиданным изобилием.

Михаил перевернулся на другой бок, отгоняя детское виденье, хотя и знал, что это не спасет – воспоминания возвращали и возвращали его в то лето.

Как-то проговорился Минька, что ему хочется на отца хотя бы посмотреть, а ребята загомонили, мол, так в чем же дело? И потянули его за собой по незнакомому городу. Босые ноги утопали в пыли, голые пятки так и сверкали и вскоре они уже стояли возле глухого саманного забора, за которым жил его, Минькин, отец!

Перекрикивая друг друга, колотя деревянную калитку, кто кулаками, кто пятками, ребята приближали роковую минуту, когда запахнулась калитка, и на улицу почти выбежал он – отец!!!

«А ну кыш отсюда! – закричал мужчина и замахнулся на ребятню. Те – врассыпную и только Минька стоял, как вкопанный и не мигая, смотрел на отца. Вот сейчас, сейчас он узнает его и произнесет смущенно: «Сынок, как же ты вырос! Я и не узнал тебя!» Но отец так же

сердито прокричал: «А тебе что, особое приглашение нужно?!» И... шагнул, замахнувшись, к нему навстречу.

Нет, Минька не побежал! Какая-то неведомая тяжесть словно придавила его и медленно-медленно опустилась на грудь, где билось, словно бешенное, его, Минькино сердце.

Он ссутулился, втянул голову в плечи и поплелся прочь, едва передвигая ноги...

Большой боли ему испытать не довелось ни тогда, когда он уже подросток и защищался в мальчишеских разборках, ни когда в 14 лет пошел работать, чтобы мать не ишачила на двух работах. Михаил всю сознательную жизнь пытался понять и простить отца. И вроде понял, и вроде простил...

А вот поди ж ты, эту мальчишескую обиду выкорчевать из сердца не смог! Сам уже дважды отец и четырежды дед. А иногда настигнет его давний сон-виденье – распахнется калитка, и шагнет из-за нее большой и добрый мужчина (так и не ставший папкой, а оставшийся отцом), а перед ним маленький мальчик с широко распахнутыми, ждущими любви и признания глазами...

II

Михаилу не спалось... Ну с отцом как получилось, так получилось. Ему, ребенку, тяжело было прожить сиротское детство. А как же все невзгоды перенесла мама? Жаль, не удосужился спросить, как ей-то с отцом жилось, о чем мечталось?

Ах, мамка-мамка, Елизавета Григорьевна, что видела хорошего ты в своей жизни? Только чьи-то воспоминания, склеенные как документальная кинолента, помогают мне пройти по твоей судьбе.

В семье Григория Смердина росло-подрастало четыре девочки. Предпоследней была Лизонька. Маленькая рыже-каштановая бестия с живыми черными глазами, в которых, как в зеркале, отражались и обиды, и радость. Только слез ее никто не видел, словно и плакать она не умела, будто знала наперед, сколько слез предстоит ей пролить.

Детство промелькнуло словно июньская ночь. К шестнадцати годам Елизавета готова была вести самостоятельную жизнь. Сестры Смердины росточка были невеликого – примерно по полтора метра. Лиза, несмотря на рост, фигуристая, словно статуэтка, ладная, озорная, а на балалайке заиграет, запоет, глазом поведет – пропал парень! Вот и присмотрел ее молоденький милиционер Дмитрий Колесников – рослый, плечистый, с монголоидными глазами и скулами, да и он тоже накрепко запал ей в сердце.

Свадебку сыграли скромную, но достойную. И ушла Елизавета в чужой дом. Мужний дом хоть и скромнее отцовского, а все-таки свой. И зазвенел в нем, как колокольчик голос молодой хозяйки. Навела

Елизавета такой уют, такую чистоту! Так уж ей хотелось, чтобы Митя спешил домой, радовался уюту, вкусной пище! А как возьмет она в руки подругу девичества – балалайку, zalюбуется, загордится муж: ах, какая славная жена у меня! Вот так в любви и радости и появилась на свет доченька – Полинушка!

Сильно любила Елизавета мужа своего, и от жаркой любви пошли рождаться детушки. Крутиться приходилось молодой мамаше, но все успевала. В перерыве между родами работала то на одной, то на другой работе, поработает (не сидела, сложа руки – на предприятие выходила, работы всегда хватало) а там, год-другой, и новый жилец в дому.

Пятерых детей родила она отцу. За первой – Полюшкой, народился сыночек, Руфом назвали. А уж как глава семьи радовался – наследник, папина копия! Но в годовалом возрасте похоронили родители своего Руфика... На обоих смотреть было больно.

С его уходом началась в семье черная полоса. Дмитрий попивать стал, пропадать на работе, как он говорил. А Елизавета тем временем очередную дочку ему принесла. Но радость в доме не приживалась – пьянки, гулянки, измены, скандалы. Куда девались Лизонькин смех, легкость, игривость?..

Разве что на праздник брала она в руки балалайку, пристраивала ее поудобнее, и лился, поднимался под высокий потолок красивый и сильный голос. Оплакивал он несбывшиеся девичьи мечты да безвременно умершего сыночка.

И тоска в ее голосе, словно «на вырост» была: «Ты гори, гори, моя лучина, догорю с тобой и я...» – выводила сквозь слезы Елизавета. Будто знала-ведала балалайка, какая судьба ожидает ее хозяйку.

III

Проснулся Михаил в холодном поту, рука потянулась к сигарете – снилась война. Война, которая словно катком прошла по его семье. По судьбе матери.

Провожала Елизавета мужа, ни слезинки не уронила – закаменело сердце от горя – четверо ребятишек на руках: старшей четырнадцать, долгожданному Коленьке пять.

Только и оставалось что молиться: «Только бы живой вернулся, только бы живой!»

С рождением сына стала налаживаться семейная жизнь, смех и шутки прописались в дому. И балалайка зазвучала по-иному – веселей, радостней! Сливалась с голосом хозяйки. Дети росли смышленными, послушными. А вот работу нужно искать теперь поближе к дому. Да такую, чтобы можно было домой прибежать, самой перекусить,

детей проведать – все ли ладно дома-то? Устроилась уборщицей в нагорную больницу, в пяти минутах ходьбы.

Ой, как долго она тянулась, война проклятушая! Сколько слез было пролито, сколько похоронок, сколько нужды снесено! Ах, нужда-нужда...

Помнит Михаил рассказ старшей сестры, как ходили они, три девушки, в луга по весне, наберут дикого лука в лугах целый мешок, а мать и суп им заправит и для начинки в пироги приспособит.

Ох и мастерица была Елизавета, и тесто у нее как пух, и пайпаки (стеганые домашние сапожки) выкроет да сошьет – теплые, на загляденье. На зарплату уборщицы пятерым не прокормиться, да облигации в помощь стране получку, считай, ополовинивали.

Донором Елизавета стала, два ведра крови за четыре года сдала. А дни-то бегут, а ребятишки растут, девок одевать-обувать надо. Полина подросла, рукодельница – старые вещи перелицует, отпарит утюжком, перекроит и то себе, то сестренке обновку сошьет.

А беда пришла, откуда не ждали – захворал Коленька. Ни отвары, ни таблетки не помогают. Упросила Елизавета заведующего терапией сынишку в стационар на лечение положить. И ребенка подлечат, покормят, а то, что по карточкам получит, между девочками поделит.

Отвела его утром. Полы помыла и домой на часок. А через час пришла и нашла сыночка в ванной комнате... бездыханного – не поставили сестрички пробу на антибиотик, и не выдержало сердце у Коленьки.

Черная ходила от горя, корила себя, все слезы выплакала что с детства впрок берегла. А жить-то надо, на кого девчат оставить?

Когда же она закончится, эта погибель? Бьют наши, бьют супостата, уже и до Берлина рукой подать... Четыре года нужды да горя! И вот она – весна, и вот она – Победа!!!

Загудели радостно, запыхтели паровозы – везут домой победителей!

Настал день и на родной порог ступил Дмитрий.

Сильно изменила его война: неразговорчивым стал, замкнутым, словно гложет его что-то и не допытаться. Зато Елизавета похорошела, повеселела даже – еще одну жизнь под сердцем носит! Ждут прибавления, гадают, кто же это на белый свет просится.

По Коленьке, не сговариваясь, горевали молча и поврозь. И словно слышали их небеса – родила Елизавета еще одного сына! Бражка лилась рекой, вся родня за столы собралась. И войне конец, и в дому еще один мужик появился. Михаилом назвали.

Но недолгой радость была. Собрался Дмитрий в теплые края, вроде как к однополчанину. Полину с собой взял, мол, тепло там, фрукты-овощи опять же. Пусть самостоятельную жизнь начинает, невеста уже!

Проводила Елизавета мужа с дочкой, а сердце саднит, места себе не найдет, словно ждет худой вести. И дождалась – письмо от Дмитрия пришло. Прочитала – и земля под ногами разверзлась: «Прости, не могу больше врать, уехал я от тебя к другой, с которой четыре года под пулями-бомбежками выживал. Полинку пристроил пока к ее родственникам, на работу она устроилась. Пойми и прости!»

Думала, что не выживет, руки на себя наложить хотела, да дети, дети – как же они-то?

Дмитрий новую семью содержал-обеспечивал, дочка у него, оканчивается, в Чимкенте народилась – соперница с фронта вернулась на сносях.

Жизнь заставила искать прибавку к скудному жалованию: то одеяло на продажу сострочит, то калачей настряпает – продаст. Жить можно, хоть и тошно.

Себе не признавалась Лизавета, что любит она своего изменника и ничего с этим сделать не может. А как обидно, как обидно – детей рожала да холила, четыре года ждала – небо с овчинку казалось, все молилась да думала, как он там?! Господи, спаси и сохрани шептали и шептали губы. Сохранил, но не для нее... Тошно!

Ах, если бы знала она, что еще приготовила для нее судьба! Однажды в двери постучали. Зашли два милиционера – кто-то донес о ее нетрудовых доходах. Боком вышли калачи, ох, боком! Два года присудил ей гуманный суд.

Дочек забрала Полина, к тому времени замуж она вышла. А вот Мишеньку забрали в дом малютки.

Михаил вздрогнул и словно из воды вынырнул из воспоминаний. Зримо перед глазами пронеслась судьба матери. Свое «доммалютовское» житье-бытье помнить он, конечно, не мог – два с небольшим годочка ему было, когда Полина, оформив нужные документы, забрала его к себе. А у самой дочь подрастала на годик младше «дядьки».

После освобождения Елизавета тоже переехала в Чимкент. Настойчиво звал ее в письмах Дмитрий. Писал: жить без вас не могу, морок, а не жизнь без тебя. Он уже сторожем работал, уволился из милиции – здоровье в окопах оставил.

Вот месяц-другой живут – климат прекрасный, фрукты-овощи – ешь не хочу! И снова беда – не могу, говорит, не хочу вас видеть... и возвращается к разлучнице, которая рождает ему вторую дочь.

Собрала Елизавета Калерию и Миньку, Галочку у Полины оставила – и в Барнаул, в отцовский дом (свой-то с переездом продала, деньги разошлись). Выделили ей в родном доме комнатку на втором этаже (дом отец ставил в два этажа, на четыре семьи). Сердце злость и обида гложут. А кругом свои, сочувствующие – то один бражкой попотчует-посочувствует, то другой винцом угостит, вроде и забудется она и выплачет боль с пьяными слезами.

И опять работа, дом, дети... Уют навела, все сияет, а радости и покоя на душе нет.

Минька подрастает. На соседних мужиков не мигая смотрит... О чем думает, о ком? Полина пишет, Калерию к себе зовет, Галочку замуж выдала. Вроде человек хороший. Хоть и грек. А уедет Калерия, вдвоем с сынишкой останутся.

Но не все слезы еще Лиза выплакала – приходит весть: у Галочки беда. Едет она с дочкой малышкой к мамке, а куда же от горького горя и ехать? Как все было хорошо да ладно. Но пришла в дом беда страшная. Александр приехал на обед, покушал, сел за руль, дал задний ход и наехал на мальчика соседнего, который играл под задним колесом.

Немалый тюремный срок заработал. Вот и едут дочка с внучкой к Елизавете. Поплакали вместе, погоревали и решили – перебедем!

Михаил достал новую сигарету, размял ее машинально между пальцев, прикурил... Память снова унесла в прошлое, где жили они втроем с матерью и племяншкой (Галина второй раз замуж вышла, грек-то освобожден досрочно и уехал в свою Грецию).

Племянница красивой выросла, певуньей, в бабушку. Вот и думает Михаил, как же ей жилось не с матерью, а с бабушкой да молодым дядькой?! Тоже ведь без отца жила да и с матерью, а вроде и без нее (больно лютым был отчим, когда выпьет, а пил через день и каждый день). А девчонке хотелось любви и ласки родительской. Но развела судьба отца с матерью, вот и не война и не разлучница...

Михаил затушил сигарету. Да... Поди, угадай, кому и что по судьбе причитается. Он посмотрел повлажневшими глазами на портрет матери с любовью и нежностью и перевел взгляд на фотографию, где родители молодые и счастливые, смотрят, не мигая на своего седого сына. Мама и отец. Отец, который принес в свою семью столько горя, и которого Михаил всю сознательную жизнь пытается простить...

Татьяна МАРКИНОВА

НА КРАЮ СУДЬБЫ

Рассказ

Настасья сидела на завалинке, касаясь спиной толстых бревен старого родительского дома. Ее голые ступни ощущали мягкость зеленой травы и прохладу утренней росы. Было приятно и немного щекотно.

Она окинула взглядом знакомый двор. Справа и слева от небольшой клумбы, что кустилась у крылечка, тянулся покосившийся ветхий плетень, сквозь который в ограду заглядывали лопухи и полынь. На жердях висели побитые глиняные кринки и пара чудом уцелевших стеклянных банок. Внимание девушки привлек одинокий подсолнушек, что нависал над зарослями морковника и своим озорным видом оживлял простой деревенский пейзаж.

Белесый, едва заметный рассвет коснулся горизонта. С реки по-

---

Татьяна Николаевна Маркинова окончила Кемеровский государственный университет по специальности филолог, а также литературные курсы Челябинского государственного института культуры под руководством Н. А. Ягодинцевой.

Работала в сельской школе учителем русского языка и литературы, внештатным корреспондентом в газете «Сельские зори».

Руководитель молодежной литературной студии «Созвучие» (Белово).

Лауреат просветительской премии «Знание» (2021 г., Москва), Международной премии «Филантроп» (2020 г., Москва), Губернаторской премии «За любовь к жизни» (2013 г., Кемерово), финалист Международной литературной премии «В начале было слово» (2023 г., Вологда).

Автор книг: «Сказки для и про особенных детей», «Нужно верить», «Волшебный мир».

Публиковалась в журналах: «День и ночь» (Красноярск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Начало века» (Томск), «Сура» (Пенза), «Метаморфозы» (Гомель), «МОСТ» (Санкт-Петербург)

Член Союза писателей России.

Живет в г. Белово Кемеровской области.

веяло свежестью. Настасья зажмурила глаза. Вспомнился недавний сон. Девушка поежилась, пытаясь прогнать кошмар, который напугал ее и заставил проснуться. Сейчас ей совсем не хотелось думать о мрачном. Плохих дней в ее жизни и без того предостаточно. Она мечтала лишь раствориться в первых лучах восходящего солнца и наслаждаться звенящей утренней тишиной.

Вдруг девушка почувствовала, что по ее левой ноге кто-то ползет. «Кузнечик, наверное», – подумала она и улыбнулась. Шевелиться было лень, поэтому Настасья не стала сгонять букашку. Пусть ползет себе дальше. Главное сейчас – встретить рассвет. Давненько она не вставала так рано, давненько не сидела вот так в одиночестве, расслабившись и забыв о невзгодах.

Внезапная острая боль ниже колена, словно удар тока, напомнила о прошлом. Девушка тихонько охнула. Задумчиво поглядела вдаль, уже не замечая красоты бледно-розового горизонта. Перед ее глазами замелькали другие картинки. Те самые, что она все это время пыталась стереть из своей памяти, чтобы наконец отпустить прошлое и снова и снова не переживать чувства, от которых внутри холодело по сей день.

...Зимнее морозное утро тысяча девятьсот девяносто первого года началось как обычно. Настасья и другие ребята, толкаясь, залезли в автобус и поехали в ближайшую школу в соседнее село. В их родной деревне школы не было.

Прибыв на место, девочка узнала, что расписание почему-то изменили – добавили к основным шести урокам еще четыре занятия по труду. Настасья удивилась. Она уже училась в девятом классе и никогда до этого по десять уроков им не ставили. Девочка забеспокоилась: как она и ее одноклассники будут добираться до дома? Ведь школьный автобус ходит по нужному маршруту только раз в день, забирая всех ребят после шестого урока.

«Если написали, значит, завуч решила вопрос с транспортом», – мысленно успокаивала себя Настасья.

Занятия прошли как обычно. Сидя на последнем уроке и прислушиваясь к урчащему от голода животу, старшеклассница поглядывала в большое окно. На улице начинало смеркаться.

Прозвенел звонок, ребята оделись и высыпали на улицу. Школьного автобуса на стоянке не оказалось. Гурьбой, а их было семь человек, они дошли до сельского магазина, надеясь, что уж оттуда их непременно заберут. Ведь и раньше бывало, что автобус не мог взобраться по обледенелой скользкой дороге до школы, которая стояла на пригорке, поэтому водитель ждал их именно здесь.

Время шло. Стемнело. В окнах деревенских домов зажегся свет. Ребята топтались на холоде возле магазина, который уже давно закрылся, то и дело посматривая на дорогу и ожидая автобус.

– Эх, сейчас бы погреться! Жаль, местные в гости не приглашают, а ведь видят, что мы тут околеваем, – стуча зубами, проговорил Сашка.

– Холодрыга знатная. Точно ниже двадцатки. – Маринка прислонилась к беленой стене магазина, пытаясь укрыться от пронизывающего ветра.

– Окочуримся здесь, а учителям и директору школы до нас и дела нет. Сидят сейчас по своим углам, уплетают горяченькие пельмешки и смотрят телевизор, – хмурилась Тамарка, злобно поглядывая на двухэтажный деревянный дом директора, который возвышался в конце улицы.

– Не приедет за нами автобус. Водила, поди, опять напился. Пойдемте домой пешком, – махнул рукой Витька и, не дожидаясь ответа остальных, зашагал по дороге в сторону родной деревни.

Настасья вздрогнула. Бывало, они и раньше пешком добирались до дома, но то было летом и днем, а тут зима, мороз и непроглядная тьма. Однако оставаться у магазина в чужом селе, среди незнакомых людей, не замечающих озябших детей, было тоже нельзя. Поэтому она, как и другие ребята, заторопилась следом за резво шагающим по белоснежной дороге Витькой.

Идти в теплых пальто, меховых шапках и кургузых валенках, с набитыми книгами портфелями, которые оттягивали руки, было очень тяжело. Однако, поругивая водителя школьного автобуса, ребята довольно быстро продвигались вперед. Во время ходьбы они даже немного согрелись и оживились.

Пройдя два с половиной километра, школьники наткнулись на железную дорогу, которая пролежала ниже автомобильной трассы. Чтобы срезать путь, мальчишки по мягким сугробам скатились вниз, девочки – следом. Наблюдая, как взмываются в воздух белые мухи, ребята немного повеселели.

Перебежав запорошенные снегом рельсы, начали карабкаться на противоположный косогор. Это оказалось намного сложнее, чем они думали. Снега было так много, что школьники снова и снова скатывались к железной дороге. Впрочем, мальчишкам было куда легче. Девчонкам, а точнее пухленькой Маринке Зудневой, подъем давался особенно тяжело.

Витька, видя, что одноклассница не может влезть на холм самостоятельно, свистнул Сашке. Тот мигом подскочил. Подпирая Маринку сзади, словно паровоз, парни помогли ей подняться наверх. Девочка жутко смущалась, но отказываться от помощи, строя из себя недотрогу, было не время.

Преодолев крутой подъем, ребята двинулись дальше. Скоро им на пути попался совхозный гараж. Не раздумывая, школьники ринулись внутрь – замерзли до одури. В гараже никого не было, кроме сторожа. Из машин на приколе стояла только одна грузовуха. На такой до деревни не доедешь.

Сторож, увидев школьников, удивился. Напоил их горячим чаем. Позвонил родителям Женьки Петровой – у них одних в деревне был установлен стационарный телефон. Женька тем временем, швыряя носом, сидела у гаражной печки и с любопытством разглядывала мохнатую рыжую дворнягу и ее щенят, что ютились здесь же, в уголке.

Минут через сорок приехали родители Петровой.

– Женька, Маринка и Настя – в машину. Забрать можем только троих, больше в машину не влезет, – скомандовал отец девочки. Настасья только сейчас вспомнила о родителях, которые, наверное, места себе не находили. Кто-то из мальчишек толкнул ее в бок, дескать, чего сидишь, иди.

Девчата забрались на заднее сиденье старенького «Москвича». Тронулись. В машине было так же холодно, как и на улице. Однако на душе Настасьи потеплело. Совсем скоро она будет дома.

Проехав километра четыре, отец Женьки повернулся к детям и весело сказал:

– Настя, твои родители просили завезти тебя домой первой.

– Спасибо, – проговорила девочка.

Машина резко затормозила. Дядя Петя снова оглянулся.

– Это какая Настя? Ситникова, что ли? Нам нужно было забрать Левину.

– Что ж теперь? Отвезем девчат домой, а после вернемся за остальными, – сказала мать Женьки, которая сидела рядом с водителем.

– А ну цыц! – прикрикнул на нее дядя Петя и снова зыркнул на Настасью. – Выходи.

Девочку будто кипятком обдало. Куда она пойдет? Сугробы вдоль дороги высотой в два метра. Дальше лес, а за ним поле.

– Мне страшно. Там темно и холодно, – вжалась Настасья в спинку сиденья.

– Выходи, я сказал! – рывкнул дядя Петя. – До деревни маленько осталось. Дойдешь, не развалишься.

Настасья глянула на подруг. Те сидели молча и глазами-блюдцами смотрели на разъяренного дядю Петю.

С угасающей каждую секунду надеждой она кинула взор на женщину, которая, таясь опустив глаза, казалось, пустила слезу. Как будто спиной почувствовав взгляд перепуганной девочки, вновь, пусть и робко, но попыталась успокоить мужа. Тот же, брызгая слюной, крикнул еще громче:

– Если что-то не нравится, можешь выходить вместе с ней.

Мать Женьки поежилась и виновато уставилась на свои колени. Покидать автомобиль ей не хотелось.

Делать нечего. Нервно сглатывая застрявший в горле ком, девочка вылезла из машины. «Москвич» же, фыркнув, развернулся и поехал назад к гаражу.

Брошенная на трассе, Настасья огляделась. Было так темно, что деревья, которые росли вдоль дороги, представлялись цельным черным полотном. Тишина пугала и настораживала. Девочка сжала в руках портфель. Осторожно ступая по пустынной дороге, пошла в сторону деревни. Ей казалось, что громкий скрип снега под ногами может привлечь диких зверей. Поэтому Настасья время от времени останавливалась, настороженно прислушиваясь. И хотя раньше о нападении хищников в этих местах не писали, она все равно боялась встречи с ними до чертиков.

Сердце Настасьи стучало так, будто готовилось выпрыгнуть из груди. Тело гудело не то от усталости, накопившейся за вечер, не то от тревоги и напряжения. В ушах и голове шумело.

«Если бы я знала, что со мной такое случится, не осталась бы на труды», – думала девочка, сжимая и разжимая в рукавицах озябшие пальцы. Варешки хоть и были связаны из овечьей шерсти, на таком лютом морозе тепло совсем не сохраняли. Впрочем, мерзли у нее не только руки, но и ноги, которые она уже переставала чувствовать.

Вздрагивая от каждого звука – надломившейся от снега ветки или посвистывания ветра, Настасья, хоть и медленно, но шла дальше. Ветер усиливался. До деревни оставалось еще примерно километра три. Она надеялась увидеть свет фар машины дяди Пети. Наверняка он, заметив одинокую фигурку на пустынной ночной дороге, сжалится и все же доведет ее до дома.

Оглянувшись уже, кажется, в сотый раз, девочка оцепенела: из темноты на нее смотрели два горящих огнем глаза. Настасья попыталась разглядеть зверя, который следил за ней, но, прищурившись до слез, никого не увидела. «Померещилось», – подумала она и, дрожа всем телом, еще быстрее зашагала к деревне.

Неожиданно тишину нарушил тягучий волчий вой. Волосы на голове Настасьи зашевелились. На лбу, несмотря на мороз, выступила испарина, в горле пересохло.

Вой тем временем становился громче. Хищник или хищники приближались. Видимо, учуяли человека.

«Господи, помоги!» – зашептала девочка потрескавшимися от холода губами. Бросила портфель и свернула с дороги. Побежала к деревьям, надеясь взобраться на одно из них. Только их ветви росли так высоко от земли, что она не могла до них достать.

Девочка заметалась по предлеску. Вдруг вспомнила, что слышала о том, как в какой-то далекой деревне мужик спасся от волков, закопавшись в снег. Настасья лихорадочно взялась раскидывать сугробы, пытаясь зарыться поглубже.

«Откуда здесь волки? Помирать неохота. Неужели все-таки смерть?» – крутились в голове хаотичные мысли. Она вспомнила про мать и отца, которые ждут ее дома. Сердце сжалось от нахлынувшей любви к родителям.

Приближающийся глухой и редкий лай привел ее в оцепенение. У нее перехватило дыхание.

Зарывшись в сугроб, она принялась молиться: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Вдруг Настасья услышала громкий хлопок. Угрожающее хриплое рычание, которое еще пару минут назад раздавалось все отчетливее, в одночасье стихло. Даже ветер, гуляя меж мрачных осин и пугая ее своим гулом, перестал бесноваться. Среди этой наступившей тишины послышался рев машины. «Это дядя Петя проскочил», – догадалась Настасья.

Осознание того, что люди, которых она знала всю жизнь, оказались такими бездушными и черствыми, придавило ее к земле похлеще многотонного гранита.

Через некоторое время девочка выбралась из сугроба. Было тихо и по-прежнему темно. Луна и звезды спрятались за черными тучами. Начиная сыпать частый мелкий снег. Настасья поспешила к трассе. Вдруг какая попутка появится.

Но стоило только выйти на дорогу, как ее вновь нагнал пронзительный вой, от которого душа ушла в пятки. Настасья не выдержала и побежала. Дышать было тяжело, в горле першило, ресницы слипались от слез. Девочка бежала из последних сил. Ей очень хотелось жить.

Вдруг она поскользнулась и растянулась на снегу. Попыталась встать, но не получилось. Ноги совсем не слушались. Настасья задрожала, когда из ночной мглы сначала показались блестящие глаза хищников, а затем и они сами. Волков было несколько, пять или шесть.

Хищники окружили девочку. Скаля зубы, они злобно поглядывали на свою добычу и жадно слглатывали слюну. Один из них приблизился к Настасье вплотную. Она ссутулилась, вжала голову в плечи. Ожидая нападения, беззвучно заплакала, боясь заглянуть смерти в глаза.

Волк дышал совсем рядом. В горле его что-то неприятно хлюпало. Настасья закрыла лицо руками. Еще секунда, две – и волки разорвут ее на части. «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое...», – снова полупшепотом начала молиться Настасья. Повторяя заветные слова постепенно усиливающимся голосом, осторожно вытянула из-под расстегнутого воротника пальто мамин серебряный крестик, что висел на шее на крепкой суровой нитке, поднесла его к губам. После наконец осмелилась посмотреть на волка. Встретилась с ним взглядом. Хищник глядел на нее как-то странно. Не было в его глазах ни злости, ни свирепости. Он громко сглотнул. Повернулся к стае. Ощерил зубы. И побежал в сторону леса. Стая последовала за ним.

Настасья, не веря своему счастью, едва дыша смотрела вслед исчезающим в темноте хищникам.

Спустя полчаса, показавшиеся Настасье вечностью, на дороге появились запряженные лошадьми сани. В них сидели отец и дед Спиридон.

Отец бережно поднял с обледеневшей земли полусонную дочь. Положил в сани. Всю дорогу до дома спрашивал, как она себя чувствует. Только та молчала. Язык не ворочался, да и голоса совсем не было.

В ту же ночь на совхозном уазике девочку повезли в районную больницу. Мать Настасьи не отходила от дочери, плакала, держала ее за руку. Девочка тоже хотела бы облегчить душу и поплакать, но слез у нее не было. И после того злополучного случая она больше никогда не проронила ни слезинки.

В больнице девочка пролежала очень долго. Боли Настасья натерпелась столько, что почти к ней привыкла. Во сне часто видела глаза волка. Вздрагивала. Просыпалась. Часто ей снился и дядя Петя, который скрежетал зубами от злости и выгонял ее зимней ночью на безлюдную дорогу.

Девочка чувствовала, что у нее внутри что-то надорвалось: то ли сердце, то ли вера в людей. Она стала чахнуть от какой-то неизвестной врачам болезни, которые лишь беспомощно разводили руками.

– Настасья, ты, поди, замерзла тут, – выглянул из сеней отец. – Пойдем-ка домой. Сухари в молоко помакаем.

Он подошел к дочери. Та, отогнав горькие воспоминания, улыбнулась. Заерзала на завалинке. Хотела бы пойти следом за отцом, да после той жуткой ночи лишилась ног. Отморозила.

Отец привычно взял дочь на руки. Занес в дом. Мать суетилась возле плиты, стараясь не греметь посудой и боясь вспугнуть солнечные лучи, которые робко заглядывали в их тихий, полный скорби дом.

Удобно устроившись за столом, девушка посмотрела в окно. Заметив среди редких облаков парящую птицу, снова задумалась. Прислушиваясь к своим мыслям, поняла, что готова, наконец-то готова простить тех, кто когда-то заставил бросить ей вызов самой судьбе.

БЛИНЫ

Рассказ

На улице стоял погожий зимний день. Я старалась не отставать от ребят, которые, как только выбежали на школьный двор, взялись кидаться снежками. Поглядывая на чирикающих воробьев, а временами на свои фиолетовые с вышивкой валенки, я думала о том, что мне очень повезло с новой школой и одноклассниками.

– Потихе вы! – вдруг остановился Саша. После он подошел ко мне поближе и, указав рукой в сторону низенькой избенки, что пряталась под высоким тополем возле деревенского магазина, сказал: – Вон там живет старуха, которая крадет детей, а потом их ест или в погребе держит.

– Она на Бабу Ягу похожа, – продолжила Вера, смахивая с ресниц неожиданно посыпавший с неба мелкий колючий снег. – Я всего один раз ее видела. Летом. Мы с сестрой тогда за ягодой пошли. Идем, а бабка в своем палисаднике копается. Если бы вы только видели, как она на нас зыркнула! Мы с сестрой от страха аж забыли, куда и зачем шли.

Солнце тем временем скрылось за серыми тучами. Раскачивая макушки деревьев, подул резкий холодный ветер.

– Все зовут ее Спиридонихой, – полушепотом сообщила Света, кутаясь в шарф. По ее перепуганному виду было件нятно, что она, как и другие ребята, тоже эту бабку боится до чертиков.

Прислушиваясь к словам одноклассников, я почувствовала, как внутри меня что-то екнуло. Это, наверное, сердце брякнулось в пятки. Мне совсем не хотелось оказаться в лапах злобной старухи.

– Представьте только: ходит Спиридониха зимой и летом в больших калошах, грязном платке и дырявой фуфайке. Ни детей, ни внуков у нее нет, – заговорила Марина, которая была самой старшей в нашем классе. – Живет одна.

Слова всегда серьезной Марины сделали свое дело. Я испугалась не на шутку. Вот уже несколько дней я хожу этой дорогой в школу. Ни разу мне еще не доводилось ни встречаться с той, о ком сейчас говорили, ни слышать о ней.

«Пусть и дальше Спиридониха мне не попадается...» – не успела я додумать мысль, как заметила старуху, которая в этот самый миг вышла на середину дороги.

Из-за высоких сугробов обогнуть ее было невозможно. Ребята, размахивая портфелями и пугая бабку своим визгом, проскочили мимо. Я же, оцепенев от ужаса, не могла сдвинуться с места.

Старушенция, напомнившая мне в этот момент черную хищную птицу, тоже замерла на белоснежной дороге. В скрюченных руках она

держала небольшую тарелочку, на которой горкой лежали блины.

– Возьмите, дети, по блинку. Помяните моего старика, – вдруг тихим скорбным голосом заговорила Спиридониха, обращаясь к моим одноклассникам, которые стояли чуть поодаль и испуганно наблюдали за происходящим.

Мне было страшно и гадко находиться рядом с неприятной старухой. Захотелось крикнуть ей что-нибудь обидное, чтобы она ушла с дороги, а лучше совсем исчезла. Пока я подыскивала ругательство, кто-то выкрикнул из толпы:

– Бабка-жабка!

Старуха вздрогнула и зябко повела плечами. Я вздрогнула вместе с ней, заметив ее растерянность и даже робость. Только что мне хотелось вот так же обозвать ее, а сейчас наоборот, мне отчего-то стало неловко за себя и одноклассников.

Отвернувшись от ребят, которые продолжали над ней насмехаться, Спиридониха посмотрела на меня и предложила взять угощение.

«Подманивает, – громко сглотнув слюну, подумала я. – Блины, небось, у нее отравленные».

Та же продолжала топтаться на месте, протягивая мне тарелку. Стараясь унять дрожь в коленках, я шагнула ей навстречу. Бабка на пару секунд будто застыла.

Я взяла блинок в руки. Поднесла ко рту. Блин был еще теплым, от него ароматно пахло топленным маслом. Откусила кусочек. Блин оказался чуть сладковатым. «Таких румяных и вкусных блинов никогда в жизни не пробовала. Объедение», – снова подумала я и принялась лакомиться мягким, с хрустящими краешками блином. Пока жевала, рассматривала старуху, которая стояла совсем рядом.

Несколько минут назад, когда я впервые увидела бабку на дороге, мне показалась, что она высокая и крепкая. Сейчас же я разглядела в ней ссутулившуюся, чуть горбатую старушонку с усталым морщинистым лицом.

Чуть осмелев, я заглянула в глаза Спиридонихи. Встретилась с ней взглядом и удивилась, заметив в серо-голубых глазах глубокую печаль и доброту.

В тот же миг дрожь в коленках утихла. Сердце мое защемило от нахлынувшей жалости.

Другие ребята, увидев, что со мной ничего ужасного не произошло, тоже подошли и взяли по блину. Бабка приветливо заулыбалась.

Опустошив тарелку, мы отправились по домам. Я неторопливо брела по дороге, временами оглядываясь на сухонькую фигурку старушки, которая глядела нам вслед. Видимо, она тоже не могла поверить в то, что ребята приняли ее угощение и даже сказали спасибо.

Я шагала по дороге с ощущением, что эта встреча какая-то особенная. Столько печали в глазах человека я до этого еще ни разу в жизни не видела.

Придя домой, первым делом спросила маму:

– Почему Спиридонику зовут Спиридонихой?

– Потому что мужа ее звали Спиридон. Настоящее имя старушки Антонида, – ответила она.

– Откуда ты это знаешь? – ахнула я.

– Знаю. Все свое детство и юность я провела здесь – у бабушки и дедушки, – улыбнулась мама. После минутного молчания, глубоко вздохнув, добавила: – Местные говорят, во время войны, еще девчонкой, она партизанила. Вроде в плену была. Пытали ее немцы – каленым железом на спине метки ставили...

Не дослушав маму, я скрылась в своей комнате. Горькое чувство вины и стыда за свой страх и поведение одноклассников захлестнуло меня настолько, что я не смогла удержать выступившие на глазах слезы.

Вечером, лежа в постели, я вспоминала грустные глаза Антониды и думала о том, что для нее сделать. Уснула только после того, как пообещала себе в воскресенье сбежать к одинокой старушке и помочь по хозяйству. С собой решила позвать одноклассников.

На следующий день, услышав мое предложение помочь старушке, Марина не без волнения в голосе сказала:

– А чего ждать выходных? Утром, когда я шла в школу, видела, что после вчерашнего ветра у нее дорожки совсем замело. Давайте их сегодня расчистим.

Ребята эту идею поддержали.

После уроков мы уже смело направились к домику Антониды. Оказалось, что хозяйки не было дома. Видимо, она ушла в магазин или на почту.

Ждать ее возвращения мы не стали. Нашли в сарае пару лопат и по очереди быстренько расчистили все дорожки, даже натаскали в сени дровишек.

– Вот бабуля удивится, когда придет домой, – радостно засмеялся Саша.

– Завтра после школы снова зайдем. Может, хозяйку застанем, – сказала Марина. – А сейчас пора расходиться. Темнеет уже.

Одноклассники, веселые и довольные, заспешили по домам.

Я тоже бодро зашагала в сторону своего дома. Глядя на окна, в которых то тут, то там начал зажигаться свет, я прислушивалась к мягкому хрусту снега под ногами и думала об Антониде, о папе и маме, о ребятах. Настроение было как будто праздничное.

Михаил РЕЗИН

ОЛЬГА

Рассказ

Весенние дни, весенние ночи!

Хрустальными вечерами звучит канон Андрея Критского, слова которого разве кого оставят равнодушными?

«Душа моя, душа моя, восстань, что спишь? Конец приближается, и придешь ты в смятение; пробудись же, чтобы пощадил тебя Христос Бог, везде сущий и все наполняющий... Согрешил я, Господи, согрешил пред Тобой, смилуйся надо мной, ибо нет грешника между людьми, которого бы я не превзошел бы прегрешениями...»

Дьявол не может сделать привлекательным ад, но он делает очень привлекательной дорогу туда. Эта дорога и есть тот мир, в котором мы живем, о котором апостол Иаков говорит, что дружба с миром есть вражда с Богом.

И всякое случается в этом мире. Святое и грешное, слепое и зрячее, равнодушное и самоотверженное. Всякий раз развилка, всякий раз выбор.

Однажды такой же хрустальной весенней ночью по воле случая, по промыслу Божию оказалась в далекой сельской больнице столич-

---

Михаил Семенович Резин родился в 1951 г. в Самарканде. С 1961 г. с родителями переехал в г. Воткинск. В 1978 г. окончил исторический факультет Уральского госуниверситета – УРГУ – (Свердловск-Екатеринбург). Работал шахтером на угольной шахте под Воркутой, инструктором пожарной профилактики на военном заводе в Воткинске, преподавателем истории, эстетики, экономики в различных учебных заведениях Свердловска, Воткинска, Ижевска. С 1990 по 1992 г. жил с семьей в эмиграции в Германии. Вернулся в Россию, принял священство и до сего дня служит штатным клириком в Знаменском соборе г. Ардатова Нижегородской области.

В 1987 г. окончил Литературный институт (семинар прозы у В. И. Амлинского). Автор книг прозы «Рика», «Бегство талой воды», «Есть Бог!», «Война миров».

Награжден дипломом XIV Международного литературного форума «Золотой витязь» (2023).

Член Союза писателей России.

ная девушка. Ее рассказ потрясает простотой и трагичностью, открытием небесного света там, где, казалось бы, должна навсегда поселиться тьма.

Я лежу на сохранении в деревенской больнице в 7 тысячах километров от Москвы. Больничка деревянная, несколько палат. В ней тихо и уютно. Деревня маленькая, все всех знают. Меня тоже все знают. За три года я успела переучить кучу деревенских детей. Я знаю, что у меня девочка. Я знаю, что у нее темные волосы и карие глаза.

В больнице начинается суета. Привезли кого-то тяжелого. В палату заходит санитарка с ведром и шваброй. Мы пристаем с расспросами.

– Да не помрет, не переживайте. Там Ольга. При Ольге не помирают.

Ольга – деревенская медсестра, щуплая блондинка, которая вихрем носится по больнице. Иногда она заходит поболтать.

Ольга не может смириться с деревенской унылой действительностью. Она рассказывает, что встречается со старшим лейтенантом из соседнего гарнизона и, может быть, уедет с ним отсюда.

Мы делаем вид, что верим в счастливый исход романа.

Ольге 35, лейтенанту 27. Ольга – легенда.

Когда ее смена, больные не умирают, даже если им уже пора умереть. Когда она рядом с безнадежным больным, это похоже на то, что она полным потоком льет свою жизнь в воронку уходящей жизни человека.

Иногда Ольга остается в больнице, чтобы не дать человеку умереть.

В двенадцать ночи меня привезли в больницу со схватками. Схватки через пять минут. Я сама все понимаю. Это мой второй ребенок. Двадцать шестая неделя беременности. Моей нерожденной девочке с карими глазами осталось жить несколько часов. Гинеколог дома. Ей не хочется идти в больницу ради безнадежного случая. Ночь, ранняя весна, темень и холод.

Меня принимает акушерка, мать моей бывшей ученицы.

Я слышу, как она звонит домой гинекологу. Микрофон древнего телефона орет так, что за стеной палаты слышно весь разговор:

– Как схватки?

– Через минуту.

– Чего я пойду ночью, она все равно выкинет. Разберись без меня.

Акушерка везет капельницу, потупив взор. Я лежу в коридоре. В палатах нет мест. Больничка маленькая.

Я все понимаю, но не могу смириться с тем, что моей девочки скоро не станет.

– Кто из медсестер в смене? Ольга? Сейчас разбужу.

У моей девочки есть надежда. Даже если все все понимают, нам повезло. Здесь Ольга. Это последнее, во что я могу верить. Я верю в Ольгу.

В медсестринской быстрая возня.

– Чего ты меня сразу не разбудила?

– А чего будить, если схватки через минуту!

– Твое какое дело?! – Ольга несется по коридору, проверяет кафельницу.

– Сделать уже ничего нельзя, у тебя роды. Молись.

Я все понимаю, но держусь за Ольгу как за серебряную струну.

– Молись Богородице, проси, чтобы она спасла ребенка. Все равно выкинешь, но, может быть, чудом выживет. Я буду с тобой молиться.

– Ольга, я не знаю ни одной молитвы.

– Я буду говорить, а ты повторяй.

Ольга садится на кровать и берет меня за руку. Я послушно повторяю за Ольгой слова первой в жизни молитвы. Я ищу защиты и помощи у двух матерей. Дева Мария, оставь мне мою девочку. Если ты оставишь ее, она будет носить твое имя. Мы держимся за руки всю ночь.

К шести утра схватки останавливаются.

В восемь приходит гинеколог. Я сплю. Я устала.

– Заснула? Это хорошо. Давно выкинула?

Я не хочу видеть врача, бросившего меня ночью на сельскую акушерку и медсестру.

Я закрываю глаза и отворачиваюсь к стене.

Акушерка рассказывает ей, что роды остановились. Меня ведут в смотровую. Раскрытия нет. Роды не останавливаются. Так не бывает. Но при Ольге не умирают. И если это очень важно и две женщины просят третью о спасении ребенка, она не может не откликнуться.

Я уеду из этой деревни через пять лет, родив дочь.

Еще через пятнадцать я встречу со своими бывшими учениками в Москве.

– Ольгу помните? Смогла она оттуда уехать?

Да, Ольга вышла замуж за своего лейтенанта и переехала жить в военный городок.

– При ней так никто и не умирал?

– Не умирал.

– Я рада, что у нее все сложилось.

Они прячут от меня глаза.

Лейтенант уехал в другой гарнизон. Она должна была уехать следом за ним, зашла на почту за его письмом. Когда вышла на крыльцо, поскользнулась на льду, упала на ступеньки и сломала шейные позвонки.

Может быть, нам нужно молиться о том, чтобы в больницах не прекращались Ольги, которые не сдаются даже тогда, когда сделать уже ничего нельзя...

Ирина СЛИВЦОВА

А Я МЛАДЕНЕЦ НА ЛАДОНИ БОГА

***

Архангелы на небе вострубили
И стало сердце факелом в груди...
Я вижу: от Москвы и до Сибири
Встают на смертный бой богатыри

За Родину! И в небе злые силы
Сиянье солнца застили собой...
Поднимем щит молитвы за Россию!
Молитва станет нашею борьбой

И помощью бойцам на поле брани,
Что нечисть злую призваны прогнать,
Чтоб черный враг своими сапогами
Не смел российские поля топтать.

Чтоб так же, как когда-то наши деды,
За Родину стояли мы стеной,
И протрубят архангелы Победу
И возвратятся воины домой!

Ирина Сливцова родилась 17 мая 1967 г. в селе Зырянновка Павловского района Алтайского края. В 1987 г. окончила Алтайский государственный институт культуры по специальности «библиотекарь-библиограф» высшей квалификации. Работает библиотекарем в Павловской модельной библиотеке им. И. Л. Шумилова. Печаталась журналах: «Сибирские огни», «Барнаул», «Встреча». А также в различных коллективных сборниках.

Является автором книг: «Второе небо», «Березовые сны», «В зеркале дней». Много лет сотрудничает как поэт-песенник с композиторами Алтайского края.

Награждена специальными дипломами АКОО «Творческое объединение композиторов Алтайского края «Песни Иткульского лета». Лауреат краевой литературной премии им. И. Л. Шумилова. Член Союза писателей России.

Живет в селе Павловск Алтайского края.

ДУША БАЯНА

Бежит дорога, простор без края,
Кругом то пашни, то злой бурьян.
Все это наша земля родная,
А ну-ка, Саня, бери баян!

Сыграй про Волгу и про рябину
И вспомни песню про Шукшина,
О том, как в Сростках грустит калина,
И прямо в душу глядит луна.

О том, как жили и как дружили,
Не забывая печальных дней,
Героев наших мы не забыли –
Ты про Россию нам спой, Сергей!

Поля сражений – места святые,
Тут наши деды шагнули ввысь!
Но в русской песне они живые,
«Смуглянку», Юра, сыграй на бис!

Как жаворонок в небесной сини,
В бою солдата упрямый шаг,
Живет в баяне душа России
И русской песни звучит душа.

Бежит дорога, простор без края,
Кругом то пашни, то злой бурьян.
Все это наша земля родная,
А ну-ка, Саня, бери баян!

БАБУШКИНО ЛЕТО

Идем домой по бездорожью
Усталые к исходу дня...
«А лето божье, лето божье! –
Учила бабушка меня. –

А летний день всю зиму кормит,
Работай летом не ленись!
Ты этот мой наказ запомни,
Земле с почтеньем поклонись!»

Пройдем по лесу до Петровки,
Комоловский минуем лог,
И возле озера Трудовка
Передохнем, не чуя ног.

Березка веткой нам помашет,
Спадет полдневная жара,
Идем, у каждого поклажа:
Грибов и ягод два ведра.

Обоим в радость эта ноша,
Отец нас встретит на коне...
Скажу я внучке: «Лето божье!»
Пускай она поверит мне!

ПАМЯТЬ

А на озере первый ледок,
А у зеркала льда камыши.
Отчего на душе холодок,
Словно осень коснулась души?

Я у бабушки старой в долгу:
Не успела ее навестить.
Никогда я уже не смогу
Хоть денек у нее погостить.

А над озером гулкая тишь
В опрокинутом омуте дней.
Нашепчи мне тихонько, камыш,
Сказку бабушки милой моей.

***

Это было грибное лето,
По оврагам перины-мхи,
По грибы я ходила с Поэтом,
Он в лесу мне читал стихи!

Я с улыбкою бестолковой
Все смотрела по сторонам,
Я тогда была не готова
Покориться его стихам.

И печально вздыхала:
Где ты, мое счастье, гриб боровик?
Улыбался грибам и лету
Как ребенок Поэт-грибник!

Пролетело лето кометой,
Белым снегом укрыло мхи...
Нет на свете того Поэта,
Но остались его стихи...

***

Опрокинулся белый свет:
Горизонта и неба нет,
Только белый пушистый снег
Как ладошками гладит всех.

Как послание: имя рек,
С неба нам ты бросаешь снег,
Но снежинки зиме назло
Сохранили твоё тепло...

На тропинке растаял след,
Выпал снег и уж снега нет.
Только капельки на руке.
Да слеза на моей щеке...

***

А я хотела стать стеной,
Чтоб ты спокойно жил за мной.
Но оказалась не нужна
Тебе надежная стена.
Что ж, я решила ветром стать,
В пути тебя сопровождать...
Не принял ты расклад такой,
И я решила стать рекой.
Не знаешь ты, что я вода,
А я с тобой теперь всегда.

***

Что-то вспомнилось и позабылось,
Речка-память почти без воды...
Уповая на высшую милость,
Мы уносимся вскачь от беды.

Мы принять свой урок не готовы.
Мы себе ни друзья, ни враги,
Звездный след высекают подковы,
Откровением новой реки.

Горько плачет душа-перепелка,
Песня-плач по округе летит...
Пусть из наших сердечных осколков
Лишь благое Всевышний творит.

ЕРМАК

*Памяти актера, народного артиста
СССР Виктора Степанова, сыгравшего
главную роль в историческом фильме
«Ермак», который снимался в 1992 году
на Алтае в Павловском районе*

На нас с тобой глядит Ермак с экрана.
Мгновения историю вершат...
Глядит на нас глазами атамана
Огромная, как Родина, душа!
Вершины гор седые, как века,
Вы помните дружину Ермака?
Что каменный минуя перевал,
Оставив позади седой Урал,
Пришла в Сибирь, не повернула вспять,
России чтоб Сибирью прирастать!

Когда-то необъятное пространство
Твое, Сибирь, звалось Сибирским царством.
Стоял здесь городок над Иртышом:
Искер или Кашлык, хан правил в нем.
Но стали город называть Сибирь,
Вобрало это слово мощь и ширь!
Великий воин хан Кучум богатства
Несметные собрал в Сибирском царстве,
Жил вольно, не платил Руси ясак,
Но те богатства захватил Ермак.

И пал Искер, и хан спасался бегством,
Поклявшись отыскать для мести средства.
Должно быть, древний берег Иртыша
Знал точно, где рванулась ввысь душа,
Где в свой последний бой вступил Ермак,
Где потеснил его в пучину враг.
Иртыш накрыл волною Ермака,
Но не рассталась с саблею рука.
Двадцатый век уходит в свой закат,
Кровавый век, где шел на брата брат...

Над пепелищем теплится рассвет,
Святой десницей пишется завет:
Как падшему опору обрести,
От гибели Отечество спасти.
Вставай, Ермак! Под знаменем твоим
Мы братья все: казах и армянин,
Татарин, русский, турок и грузин.
Велик народ, покуда он един!
Пройдут года, и Русь залечит раны,
Своих терять не будет сыновей...

На нас с тобой глядит Ермак с экрана,
И этот взгляд нас делает сильней!

ПОКА В РОССИИ ЕСТЬ ИВАНЫ

*Памяти писателя, командира партизанского
отряда «Сибиряк» Ивана Шумилова, воевавшего
в годы Великой Отечественной войны в Белоруссии*

Четвертый день зима буранит,
Швыряет снег за воротник...
Как повзрослел ты рано, Ваня,
Среди полей и добрых книг.
    Не зарастут поля бурьяном.
    И в строчки сложатся слова:
    Пока в России есть Иваны –
    Россия правдою жива.
А помнишь, ночью к партизанам
Вы пробирались наугад?
Вас было мало, и Иваном
Начался первый твой отряд.

Молчат печальные курганы,
Но не поникнет голова,
Пока в России есть Иваны –
Россия правдою жива.
Покрылось прошлое туманом,
Но не забыть нам ничего.
Ты знаешь, в честь твою Иваном,
Назвали внука твоего.
Родник ручьем звенящим станет,
Не стихнет добрая молва:
Пока в России есть Иваны –
Россия правдою жива!

***

Это твой или мой исход?
Книга царствий и время действий?
Начинается новый год
Состоявшихся равноденствий.
С недопитого коньяка
И друг другу данной отсрочки,
С почерневшего потолка.
Словно в камере-одиночке.
С неюта в моей груди
И расколотой звездной ночи,
Молчаливого «Не уходи...»
Непроставленных многоточий.

МАМЕ

Есть на свете великие храмы,
Есть исток и последний причал,
А еще, знаю, ждет меня мама
В том краю, где начало начал.

В том краю, где поникла березка,
Заглядевшись в заброшенный пруд,
Где сроднившись с природой неброской,
Годы поступью тихой идут.

Сколько лет ни прошло, нас встречает
Старый клен, у дороги жнивье...
И я всем существом ощущаю
Здесь ушедшее детство мое!

Мы порою бываем упрямы,
Уходя за порог наугад,
Но как сердце болит твое, мама,
Как глаза твои грустно глядят!

Улыбнись, только плакать не надо,
Будет много хороших вестей.
Видно, это твой крест и награда-
В гости ждать повзрослевших детей!

ДЕД ИВАН

Зацепился месяц за крышу
Серебристою бородой.
Дед Иван за дровами вышел,
Топит печку старик седой.

Хмур: уехала бабка к внукам,
Попроведать и погостить,
И не думал дед, что в разлуке
Будет он так шибко грустить.

И ночами ему не спится,
И один он не хочет есть,
Отгоняет с окна синицу,
Вдруг плохую несет весть?

А синичка тряхнет лапкой,
Что-то пискнет ему в ответ,
А потом полетит к бабке
Рассказать, как скучает дед.

* * *

А я младенец на ладони Бога,
И подо мной, как облака – века.
Мне в небесах совсем не одиноко,
Я, как они, задумчиво легка.

Я с солнышком играю в изголовье,
Утрами пью небесную росу...
И чашу сердца полную Любовью
В свой срок опять на Землю понесу.

Вячеслав МОРДВИНОВ

ВСПОМНИМ ИГРУ МНОГОМЕРНОГО СВЕТА

***

Блестят на лужицах лучи,
Свивают гнезда птицы дружно.
Зиме все говорит: молчи,
Послушай, как летят грачи –
Не применяй весну наружно.

Испей неосветленный сок
С листвою, сором, муравьями.
Шумит березовый лесок,
Сосновых дум гудит басок
И дух весны играет нами.

Узнай, как сладок мед у пчел –
Друзей цветов, открывших душу.
Тебя я, как цветок нашел.
За пустоцвет и сор не счел –
Не обжигаю, не разрушу.

***Вячеслав Владимирович Мордвинов** родился в 1972 г. в Барнауле. Окончил Алтайский государственный университет. Участник Всесибирского семинара молодых литераторов (Барнаул, 2013)*

Печатался в журналах «Барнаул», «Алтай», «Огни над Бией».

Автор книги стихов «От имени моего» (2014).

Финалист премии журнала «Алтай» и фирмы «Аксонд» за 2025 г.

Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

***

Гелиодор – это Гелиодар!
Вспомним игру многомерного света,
Чистых лучей проникающий жар,
Воду, что вдруг превращается в пар:
Гелиоправда, что Гелиолето!

Просто берите горсти берилла,
Сыпьте ручьем, созерцающим солнце,
Чтобы земля черный цвет золотила,
Тонких ростков перезвоны будила,
Будто на желтом нефритовом донце.

Склонь-колокольца и струнные травы –
Капель на них задержались озерки.
Стайками нот возвели переправы –
Духи игривые – Гелионравы,
Что не рождаются в тесной каморке.

***

Бежала по лесу лиса...
Лесным дорогам
Приятна рыжая краса,
Не надо много.

Одна лишь радость от лисы –
Не надо чаще! –
От быстрой яркой полосы
В невзрачной чаще.

И мимолетом, невзначай,
Совсем нечасто,
По лесу бегают зверьки –
Струится счастье.

***

Шары огромных звезд
Нависли над рекой.
Скользят в свое ничто,
Согласны, много лет.
Мне видится их лад –
И теплится покой
На берегу моем,
Где облачный рассвет.

Где машет клен листвою
Вослед плывущим снам,
Широкий древний дуб
И травяной прилив...
Пахнуло синевою
В прогал древесных рам,
Черемуховый дух
Ожил, дождя испив.

Здесь можно долго ждать,
Чего – не знаешь сам.
Не кликать – окликать
Капель воздушных вод.
Свет клена золотой,
Прилипший к рукавам,
Стряхнуть – и оживить
Угасший небосвод.

***

Одно меня спасает и хранит –
Реки течение между горных плит.
Катунь бежит, окатывая камни,
И, строгая, на берега ворчит.

Люблю бродить по спутанным корням
И видеть лес по узким островам,
Пещеры темные на известковых скалах,
Сурово благодарные векам.

Здесь часто льет. И в сырости такой
Ступаю по тропинке моховой.
И запах солнца да сосновой хвои
Приводит в чувство неба над землей.

***

На краю, там, где белая пена,
Где из озера вышла река,
Происходит неясная смена
Белой пены на облака.

Разгоняясь по каменной круче,
На изгибах ее грохоча,
Добираются воды до тучи –
Кручи солнечного луча.

На ветрах, там, где кроны шумливо
Разбирают веков письма,
Восполняется без перерыва
Яснооблачная страна.

***

Хрустальная воздушная стена
Не пропускает теплое дыхание.
Еще не разлепились веки сна,
И спит росток у дерева познания.

Уже рука сквозит по хрусталу,
Скрывая дрожь наивного скольженья.
Я отпускаю музыку твою
На время своего возникновенья.

***

И лад плывет над колокольной.
И в нем – знамение креста.
И с каждым звуком все привольней
И величавей высота –
И далека, и невозможно
Оттуда весточку принять.
И то, что близко – не тревожно.
И прикасаешься опять.
И Лихо – вспять.

***

Все между нами может быть,
Что не случается покуда.
Благословенна мысли нить,
Она смогла соединить, –
Простое чудо.

Ты знаешь... далеко во тьме
Отпущен доброю рукою,
Кораблик – свечка на корме:
Он принят ласково вполне
Большой рекою.

И нет ни просьбы, кроме той,
Что пламя тихо охраняет...
Смотрю за тающей кормой
И слов молитвенный покой
Волна качает.

Андрей ЭЙСМОНТ

БУДЕТ ПОБЕДА И РАДОСТНЫЙ ПУТЬ

ЧЕРНОЕ ПОЛЕ

Черное поле вспахано «Градом»
Ровно ложатся на землю снаряды.
В небе светились, над лесом летели,
Ухнули наземь, нашли свои цели!

Два мальчугана – похожие лица.
Что вам, ребятушки, в полюшке снится?
Братья – в обнимку от смертушки белы.
Горюшко-горе – такое вот дело...

Снилось им лето, счастливое детство.
Мать за окном и река по соседству...
Оба в отца: беспокойны и смелы.
Горюшко-горе – такое вот дело...

Братья друг друга прижали, обняли,
Только проснуться удастся едва ли.
Дикость войны не имеет предела.
Горюшко-горе – такое вот дело...

Андрей Михайлович Эйсмонт родился в Омске в 1954 г. После окончания Омского танкового командного училища служил в различных районах нашей страны. Службу закончил в звании подполковника в г. Бийске Алтайского края. По окончании службы в армии в течение 16 лет проработал в Бийской кадетской школе в должности воспитателя в кадетских классах. За время работы в школе награжден медалями: «За возрождение кадетского движения», «За заслуги в патриотическом воспитании молодежи».

В настоящее время издано пять поэтических книг. Член литературного объединения «Парус» (Бийск). Член Союза писателей России.

Живет в Бийске.

Поровну травы, и небо, и солнце.
Свет одинаковый лился в оконце.
И не нужны были им переделы.
Горюшко-горе – такое вот дело...

Будет победа и радостный путь,
Только мальчишек никак не вернуть.
Ненависть. Ядом отравлены стрелы.
Горюшко-горе – такое вот дело...

Плакала мать за окошком от горя.
Кровью напитано черное поле.
Хвастает кто-то: «Воюем умело!»
Горюшко-горе – такое вот дело...

Божия Матерь, Пречистая Дева
Ты научи быть и добрым, и смелым
Просит холодный, голодный и сирый
В душу тепла и надежного мира.

ТОЧКА

Солнышко встает над пепелищем,
Нежно гладит рыжего кота.
Одинокий кот – голодный хищник.
Жизнь не жизнь – сплошная маята.

Разомлел на коврике пропахшем
Дымом, гарью, проклятой войной.
Вместо дома – ветхий грязный ящик.
По ночам снарядов волчий вой.

Он дремал, вздыхал и долго думал:
Отчего все так и почему.
Кто послал в счастливый теплый угол
Гром и смерть с названьем «Точка-У».

Там, где солнышко встает над пепелищем
Рыжий-рыжий опаленный кот.
Он не бродит, никого не ищет,
Просто так – домой хозяев ждет.

МИМО

Свистели пули, визжали мины.
Пробиться было необходимо!
От страха сердце в комок сжималось,
И за секунду вся жизнь менялась.

В ушах звенело в той круговерти,
Стрелял, как снайпер, злой ангел смерти!
Искали пули свои мишени,
И подгибались в траве колени.

И напиталась земля кровью,
Убийца даже не дернул бровью.
Была та пуля быстрее ветра,
Полет привычный – полкилометра...

И в то же время в далеком храме
За сына Бога молила мама.
Дрожало пламя внутри лампадки,
Струился ладан нежнейше-сладкий.

Шептали губы о грешных душах...
Господь был рядом. Тихонько слушал.
В словах – ни капли земной корысти,
Струились слезы, как росы чисты.

В земном поклоне склонилась низко,
Родной сыночек так близко-близко.
Ему навстречу – шальная пуля...
Я умоляю, нагнись, сынуля!

Бежал парнишка в цепи солдатом,
Он мамин голос услышал рядом.
И поскользнулся сынок любимый,
А пуля-дура промчалась мимо...

МОТЫЛЕК

Пристально смотрела Мать Божия
На девчонку в стареньком бушлате,
На солдата вовсе непохожую...
Без нее бойцов на свете хватит!

Две косички, как у первоклассницы,
Из под шапки, наспех нахлобученной.
Некогда умыться ей, подкраситься,
Этот ангел здесь спасать обученный.

Мотылек, снующий в жарком пламени
Той войны, что нынче всеми проклята.
Обжигает крылья и без памяти
Мчит туда, где в крике боль и шепоте.

Непутевая, наивная, потешная,
Верует, что скоро все наладится,
И вернется снова жизнь неспешная,
И бушлат ее заменит платъице.

Плачет, плачет, стонет Богородица,
Вой. Разрыв. Осколки от снаряда...
«Нет, не дам! Пускай домой воротится
Девочка, укрывшая солдата...»

ВЫПАЛ ПЕРВЫЙ

Не стреляли нынче... Не стреляли.
Не было воинственных утех.
Почему? Поверишь ты едва ли –
Просто взял и выпал первый снег!

А на нем оставить роспись смерти
Не смогла тяжелая рука.
Думалось: «Конец всей круговерти!
Будет мир крепчайший на века».

Не случайно в полосе нейтральной
Завела метель свой хоровод...
Знать война становится опальной,
Если белый-белый снег идет.

ПОД ВОЙ ОСИПШЕГО СНАРЯДА

Вздымали черти чернозем на огороде бабы Нюры,
Вгрызались с визгом в отчий дом упертой дюже старой дуры.
Орали нервно в ухо ей под вой осипшего снаряда:
«Беги! Ползи! Быстрее, быстрее! Тебе теперь чего здесь надо?»

На образа перекрестясь, она в окно клюкой махнула:
«Я здесь когда-то родилась, впервые воздуха вдохнула.
Мне с материнским молоком в далеком жутком сорок первом
Достались этот старый дом, клочок земли, стальные нервы».

Молилась: «Господи, спаси и сохрани больные души!
Открой им светлые пути!» И Бог ее печально слушал...
Слезой прозрачной по свече тепло стекало прямо на пол.
Молилась днем, среди ночей... Господь вникал. И с нею плакал.

И ТАК БЫВАЕТ

Синева его не удержала,
Подломилось белое крыло.
А по сердцу растекалась жалость:
«Милый, милый, как не повезло!»

Ковылял, как будто догоняя
Стаю, улетающую в даль.
Что поделатъ, раз судьба такая, –
Даже небо не жалеет сталь.

Птицы восхитительную шею
Гладила мальчишечья рука.
«Я теплом своим тебя согрею.
Ты со мною поживи пока».

Птица обняла его. Прижалась
Белым неизломанным крылом.
И слезинка на щеке дрожала,
И тепло вошло в холодный дом.

Лают минометы за дорожкой,
Пули за окошками свистят.
Под крыльцом у низенькой сторожки
Кошка родила вчера котят...

Марина ТОРОПЧИНА

Татьяна ГУСЕВА

Интервью директора музея

Марины Александровны Торопчиной

в преддверии 50-летия музея-заповедника В. М. Шукшина.

– Марина Александровна, в 2027 году музей-заповедник Шукшина отмечает славную дату – пятидесятилетие. Расскажите об истории музея: как он начинался, какие события предшествовали его открытию, кто были основателем и вдохновителем создания музея?

– Да, действительно, музею – полвека.

В одном из своих интервью Алексей Николаевич Варламов, писатель, публицист, автор биографии Шукшина в знаменитой серии «ЖЗЛ» поделился своими размышлениями: «У Шукшина есть замечательная запись в рабочих тетрадях: «Не теперь, нет – важно прорвать в будущую Россию». Ему это удалось, и мне очень дорого и приятно, что на Алтае хранят память о нем».

Всероссийский мемориальный музей-заповедник сегодня – это центр памяти писателя, сценариста, актера и кинорежиссера Шукшина, единственный в России, который представляет собой природно-культурный комплекс, состоящий из литературных мест, исторических и природных территорий, главной отличительной чертой которых является мемориальность.

Внезапная смерть В. М. Шукшина, которая произошла 2 октября 1974 года, потрясла Россию. На нее глубоко и искренне откликнулись не только известные писатели, деятели культуры, кино, но и простой народ. Буквально сразу, после смерти хлынул людской поток. Люди ехали в Сростки, чтобы поклониться земле, взрастившей Шукшина,

увидеть дом, где писал свои рассказы писатель, подняться на Пикет, вдохнуть живительный воздух и восстановить «утраченный напор в крови».

Односельчане, родственники, соратники, друзья Василия Макаровича, потрясенные смертью, были переполнены желанием сохранить и передать потомкам память о выдающемся земляке.

Уже в 1976 году действовало три самодеятельных музея Шукшина, они появились почти сразу после его смерти. Мемориальная работа, связанная с личностью и творчеством, велась в Сростинской школе, в библиотеке села и в Бийском педагогическом институте. Три самостоятельных шукшинских фонда создавались под руководством трех женщин – энтузиастов, подвижников, преданных поклонниц творчества знаменитого земляка. Инициатором и организатором школьного музея стала завуч Надежда Алексеевна Ядыкина. Памятную выставку в Сростинской районной библиотеке создала ее заведующая – заслуженный работник культуры Дарья Ильинична Фалеева. В Бийском пединституте труд по сохранению наследия Шукшина взяла на себя Лидия Ивановна Муравинская, кандидат филологических наук, доцент, заслуженный работник культуры.

В книгах отзывов первых музеев многочисленные посетители Сросток выражали свои надежды на то, что в скором времени на родине писателя появится дом-музей писателя.

19 августа 1977 года состоялось заседание Алтайского краевого Совета народных депутатов, где было принято решение «Об открытии филиала краевого краеведческого музея – мемориального музея В. М. Шукшина» и записано: «Идя навстречу пожеланиям трудящихся и учитывая ходатайство Бийского райисполкома об увековечении памяти лауреата Ленинской и Государственной премий, кинорежиссера, актера и писателя Василия Макаровича Шукшина, Исполнительный комитет краевого Совета народных депутатов решил: открыть с 1 сентября 1977 года в селе Сростки Бийского района филиал краевого краеведческого музея – мемориального музея В. М. Шукшина. Председатель исполкома В. Н. Раевский».

Торжественное открытие мемориального музея Василия Шукшина состоялось 23 июля 1978 года во время проведения третьих Шукшинских чтений.

Всероссийский мемориальный музей-заповедник Шукшина сегодня – этот музейный комплекс, состоящий из трех объектов культурного наследия регионального значения и более десяти локаций (памятные места села и его достопримечательности, прочно связанные с именем писателя).

Предлагаю совершить исторический экскурс, как за полувековую историю существования музея-заповедника формировались экспозиции, происходили процессы становления музея из филиала во Всероссийский мемориальный музей-заповедник Шукшина.

Первый экспозиционный объект музея-заповедника – «Дом матери». Это дом, с которого началась история существования музея. Первым посетителем была мама Шукшина – Мария Сергеевна Куксина. Именно Мария Сергеевна была главным консультантом и дарителем.

Первый период жизни музея связан с именами сотрудника краевого краеведческого музея Тамары Ивановны Вараксиной, художника В. Н. Парамонова, оформителя оборудования А. А. Поспелова, заведующих – В. Ф. Печёркина и В. И. Бровкина.

Из всех объектов Дом матери пережил значительную трансформацию и актуализацию. За первые 11 лет реэкспозиция была проведена трижды и включала в себя как мемориальную часть, так и историко-литературную.

Фонд музея тогда был небольшим, всего несколько сотен единиц.

Мария Сергеевна сокрушалась, что «нет тут ничего такого, чтобы народ ехал издалека, богатств никаких, все по-крестьянски».

В комнатах дома сохраняется частично мемориальная обстановка, которая была при жизни Марии Сергеевны и здесь же представлены материалы, связанные с детскими и юношескими годами Шукшина, начало его творческого пути.

К 1979 году значительные изменения претерпела усадьба дома: реставрированы, частично убраны надворные постройки, положен асфальт к музею и на усадьбе. На месте огорода сотрудники музея под руководством НИИ садоводства Сибири имени Лисавенко заложили парк-цветник в знак памяти и благодарности великому таланту.

С 1986 года в экспозиционном пространстве дома постепенно расширяется мемориальная часть, воссоздается подлинная обстановка комнат, в которой жил и работал, приезжая сюда, Шукшин. Но необходимость интеграции творческого наследия в мемориальном пространстве дома остается до 1989 года.

К 1989 году в доме все восстановлено так, как было при жизни Марии Сергеевны.

В дни празднования 60-летия со дня рождения писателя для посетителей был открыт новый экспозиционный объект – «Школа, в которой учился, а затем работал Шукшин», в которой первые пять лет работала система постоянных выставок, а с 2012 года создана литературная экспозиция «В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. 1929–1974».

Жизнь и творческий путь Шукшина в экспозиции рассматривается, как возвращение художника на родину, в Сростки. За 20 лет московской жизни Шукшин бывал на малой родине более 20 раз, а в последнем интервью 1974 года на съемках фильма «Они сражались за Родину» Шукшин делился планами: «Покину Москву и вернусь в свой родной край – в Сростки. Там, в Сростках, буду жить и работать».

Все это отражается в структуре экспозиции, которая включает четыре зала и мемориальный класс.

Проект экспозиционного пространства был разработан преподавателями кафедры архитектуры и дизайна АлтГТУ Юлией Раменской и Марией Петровой, а также заведующей отделом экспозиционно-выставочной деятельности В. Н. Евтифеевой (2007–2024 гг.) и экс-директором музея Л. А. Чудновой.

«Дом, в котором провел детские годы В. М. Шукшин». На момент приобретения дома в собственность музея в 2002 году здание имело утраты и перестройки, изменившие первоначальный облик дома. В 2003–2004 гг. проведены ремонтно-реставрационные работы по воссозданию дома и усадьбы на период 40-х – первой половины 50-х годов, когда в нем проживала семья Шукшиных.

В мемориальной половине дома располагается литературно-бытовая экспозиция, повествующая о детских годах жизни Василия Шукшина на литературной основе биографического цикла рассказов писателя «Из детских лет Ивана Попова» и воспоминаний сестры писателя Натальи Макаровны, друзей детства.

Во второй половине дома на средства Президентского гранта создан центр творчества «Праздники детства», где реализуется программа мастер-классов для обучения традиционным ремеслам, в том числе рукоделию, которым занималась мама В. М. Шукшина – М. С. Куксина.

В год 80-летия В. М. Шукшина музей получил в подарок административное здание с фондохранилищем, конференц-залом и служебными помещениями, первое специализированное музейное фондохранилище в Алтайском крае.

– Скажите, есть ли экспонаты, ставшие символом музея за эти годы?

Музейный фонд насчитывает более 25 тысяч единиц хранения. Его самое ценное ядро – мемориальные предметы.

Коллекция мемориальных предметов, принадлежавших Василию Макаровичу Шукшину, не велика, но тем выше их ценность, тем дороже они для посетителя. 25 апреля 1980 года музей стал обладателем одного из таких уникальных предметов.

Это печатная механическая машинка «Москва». Передала ее в музей родная сестра Василия Макаровича Наталья Макаровна. Она была близким другом и помощником писателя. Всегда с нежностью и любовью обращался Василий Макарович к сестре – «Таленька, родной мой единственный человек... ближе тебя у меня на земле никого нет» (из письма Шукшина к сестре, 1961 г.).

У печатной машинки замечательная история, одна из тех, каких в семье Шукшиных не мало и которая передает суть их взаимоотношений – постоянную заботу друг о друге. Машинку в 1965 году купила для брата Наталья Макаровна на деньги, которые он подарил ей на

пальто. Машинка пришлась Василию Макаровичу к душе и как нельзя кстати, потому что, приезжая на родину, он всегда много работал. А в доме, который он купил для мамы, писалось особенно хорошо. В интервью корреспонденту «Литературной газеты» летом 1974 года Василий Макарович признавался: «Там, в родных краях, я всегда пишу с каким-то остервенением, с неистощимой силой...»

В доме матери печатная машинка стояла на круглом столе, в самой большой и любимой комнате Шукшина – зале. Если было лето, он пододвигал стол к окну, выставлял вторую раму, распахивал окно и любовался прекрасным видом, слушал родные сердцу деревенские звуки и писал. Зимой приезжал редко, поэтому машинка стояла в комнате на рабочем столе Василия Макаровича.

По воспоминаниям племянника Сергея Зиновьева «Писал он вечерами и ночами. Баба (Мария Сергеевна) постоянно на него ругалась: «Что ты сидишь по ночам? Поспал бы лучше, а утром поработал». Но все было бесполезно. Утром зайдешь в зал – накурено, несмотря на то что форточка открыта, а он спит. Стол закидан бумагами. Возможно, так и было в 1966 году, когда в Сростках были написаны рассказы «Волки», «Начальник». Иногда он читал бабе то, что написал».

В 1970 году написаны рассказы «Леся», «Петя», «Письмо», в 1971-м – «Ноль-ноль целых». Именно на этой машинке Василий Макарович дорабатывает сценарий фильма «Печки-лавочки» весной 1971 года.

Следующий музейный предмет, о котором хотелось бы рассказать – это «Сочинение В. М. Шукшина», написанное во время вступительных экзаменов во ВГИК (1954 г. Рукопись).

Тема сочинения: «Вестибюль ВГИКа. Лето. Настоящие дни».

Сочинение поступило в фонды музея в марте 1979 г. Передала сотрудник Алтайского краеведческого музея Т. И. Вараксина, в те годы курировавшая музей В. М. Шукшина, который являлся тогда филиалом Алтайского краеведческого музея.

«Был 1954 год, – вспоминал Шукшин в статье «Мне везло на умных и добрых людей». – Шли вступительные экзамены во ВГИК. Подготовка моя оставляла желать лучшего, специальной эрудицией я не блистал и всем своим видом вызывал недоумение приемной комиссии. Насколько теперь понимаю, спасла меня письменная работа, которую задали еще до встречи с мастером. «Опишите, пожалуйста, что делается в коридорах ВГИКа в эти дни» – так приблизительно она называлась. Больно горячая была тема. Отыгрался я в этой работе. О чем спорим, о чем шутим, на что гневаемся, на что надеемся – все изложил подробно».

Абитуриент Шукшин назвал свое сочинение «Киты, или О том, как мы приобщались к искусству». В нем описана абитуриентская лихорадка, работа немаленькая по объему, интересная, живая. Лю-

бой, причитавший ее, может сделать вывод: автор прекрасно владеет пером, очень наблюдателен, схватывает самое характерное, самую суть явления, может в нескольких фразах дать портрет человека, обрисовать его характер, вообще оригинально и самобытно мыслит, ненавязчиво, с юмором, но вполне определенно проявляет свои гражданские и нравственные чувства. «Китами» Шукшин назвал тех своих соседей по общежитию, кто целыми днями говорит об искусстве, у кого «прямо на лбу написано, что он – будущий режиссер или актер». «У них, этих людей, – наблюдает Шукшин в представленной работе, – обязательно есть что-то такое, что сразу выделяет их из среды других, обыкновенных. Вот один такой: среднего роста, худощавый, с полинялыми обсосанными конфетками вместо глаз. Отличается тем, что может, не задумываясь, говорить о чем угодно, и все это красивым, легким языком». Этюд завершился провалом «кита» на экзаменах. Шукшин наблюдает за персонажем: «Он, кажется, начинал понимать, что нужно было не так. И в тот момент, когда лицо его приобретает естественное выражение, его жалко. Но тут же вспоминается он – прежний кит, самоуверенный и невнимательный, и жалость пропадает. «Пусть тебя учит жизнь, если ты не хочешь слушать людей».

Сочинение оценивал исполняющий обязанности доцента кафедры кинорежиссуры, в недалеком будущем проректор ВГИКа Борис Григорьевич Иванов: «Хотя работа написана не на тему и условия не выполнены, автор обнаружил режиссерское дарование и заслуживает отличной оценки».

Уникальный предмет – «Письмо матери В. М. Шукшина Марии Сергеевны на могилу сына». (Зима 1975 г. Рукопись).

Передала письмо в декабре 1986 г. Лимарь Елена Самойловна – кандидат филологических наук, доцент Московского института иностранных языков. Поклонница Шукшина, ухаживала за его могилкой более 30 лет, переписывалась с матерью Марией Сергеевной.

Письмо написано рукой Марии Сергеевны на трех листах без правил русского языка, сочным, ярким, народным языком. Это плач матери по рано ушедшему сыну: «Дитёнок мой, дитёнок, прости меня! Я тебя потопила своею слезою горькою. Не могу я ни на одну минуточку забытья. Были бы у меня крылышки, я бы каждый день слетала бы на твою могилочку, мне бы легче было. Дитёнок, милый дитёнок! Любил ты от меня письма получать, вот я и пишу. Может, тебе добрые люди прочитают. Ну, милый мой дитё, сын ты мой любимый, светлая тебе память, ласка ты моя несчастная...»

– Марина Александровна, а какие наиболее значимые изменения произошли в музее за прошедшие полвека? Были ли важные реконструкции или расширения здания музея? Что изменилось в экспозиции за последнее десятилетие?

– Современный период развития музея принято считать с 1999 года, когда в год 70-летия Василия Макаровича распоряжением правительства Российской Федерации учреждение получило высокий статус Всероссийского мемориального музея-заповедника. С этого времени музей-заповедник планомерно развивается, работа совершенствуется, становится более современной, отвечающей вызовам времени.

Очень кратко об основных тенденциях развития музея.

Во-первых, одной из приоритетных направлений музея, бесспорно, является сохранение музейных объектов и предметов фондовых коллекций.

С 1999 года музейный фонд увеличился более чем в два раза и на 1 января 2026 года общий объем музейного фонда составляет более 25 тысяч единиц хранения. За эти годы сформировано музейное собрание, в составе которого уникальный мемориальный фонд В. М. Шукшина.

Значимое событие для музея произошло в 2025 году. Дочери Василия Макаровича – Мария Васильевна и Ольга Васильевна передали в фонды музея семейный архив, насчитывающий порядка 18 тысяч предметов.

Вторым важным направлением совершенствования работы музея является развитие выставочно-экспозиционной деятельности не только в стенах музея, но и далеко за его пределами. Так, за последние пять лет было организовано и проведено 102 выставочных проекта. Расширяется и география проведения: Республика Алтай, Кемеровская и Кировская области, города Москва, Томск, Красноярск, Иркутск, Набережные Челны, Вологда, Барнаул, Бийск.

За последние три года музей организовал ряд уникальных межрегиональных проектов в сотрудничестве с Музеем-квартирой В. И. Белова, филиалом Кирилло-Белозёрского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, музеем В. Г. Распутина, отделом Иркутского областного краеведческого музея, литературным музеем им. В. П. Астафьева, отделом Красноярского краевого краеведческого музея, Государственным музеем-заповедником С. А. Есенина и с киноконцерном «Мосфильм».

Наряду с выставочными проектами продолжаем работать над качеством и содержанием основных экспозиций, осваиваем территорию усадеб. Так, в июле 2022 года на территории главного здания музея-заповедника «Школа, в которой учился, а затем работал В. М. Шукшин» открыли первую для нашего музея выставку под открытым небом «Дорога к Шукшину», которая работает на постоянной основе.

В музее значительное развитие получила экскурсионная и просветительская функция. Этой работой музей занимался всегда, но сейчас она приобретает более системный характер: программа для

дошкольников «Музей детям»; программа духовно-нравственного воспитания школьников «Шукшинский марафон»; программа волонтерского движения «Волонтеры музея Шукшина»; программа мастер-классов творческого центра «Праздники детства».

Для иллюстрации приведу несколько примеров: вот уже более 20 лет успешно реализуются разработанные и организованные в сотрудничестве с образовательными учреждениями села Сростки – детским садом «Медвежонок» и Сростинской средней общеобразовательной школой имени В. М. Шукшина программы для детей от 6 до 14 лет «Музей – детям» и «Шукшинский марафон», где дети на своем возрастном уровне изучают историю села, знакомятся с музеем-заповедником, жизнью и творчеством нашего земляка.

С января 2021 года успешно реализуется программа «Волонтеры музея Шукшина». Программа предусматривает углубление знаний обучающихся о жизни и творчестве нашего земляка, страницах истории малой родины, знакомство с основами музееведения и экскурсионного дела. По данной программе прошел обучение 21 волонтер из Сростинской школы и художественно-графического отделения Бийского педагогического колледжа. Теперь это опытные добровольцы со знаниями истории развития, направлений и принципов добровольчества, о музейных профессиях и правилах ведения экскурсии, жизни и творчества В. М. Шукшина. Волонтеры активно участвуют во всех мероприятиях музея, проводят экскурсии в мемориальных домах, работают смотрителями.

В 2021 году в стены музея-заповедника вернулись краевые открытые детские Шукшинские чтения «Важно прорваться в будущую Россию». Детские Шукшинские чтения – это динамически развивающийся проект, где дети и их руководители имеют возможность изучать и представлять творчество В. М. Шукшина в разных направлениях: технологические и социальные проекты, проекты по изобразительному искусству, исследовательские проекты по истории и этнографии края, филологии и, конечно, проекты, связанные с чтением и постановкой шукшинских произведений – художественное слово и театр. Это стало возможным благодаря сотрудничеству музея со многими учреждениями, в первую очередь с МБОУ «Сростинская средняя общеобразовательная школа имени В. М. Шукшина». Также давно сотрудничаем с АКОО «Учитель Года Алтай», Бийским филиалом имени В. М. Шукшина ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», КГБПУ «Бийский педагогический колледж имени Д. И. Кузнецова».

С открытием творческого центра ремесел «Праздники детства» во второй половине дома, в котором провел детские годы В. М. Шукшин были успешно апробированы: региональный фестиваль народных ремесел «Праздники детства», Краевая площадка народного творчества «Мастеровые Сростки», конкурсы «Кукольная мастерская», «Чудеса

рукотворные», турнир народной игры «Бабки», которые дали новый импульс развитию дома, в котором провел детские годы В. М. Шукшин.

– Скажите, а как музей адаптируется к новым технологиям и современным формам взаимодействия с посетителями? Насколько, на Ваш взгляд, важна цифровая экспозиция в музее?

– Реалии нашего времени таковы, что сейчас, к сожалению, уходит поколение людей, которое знало Шукшина, читало его произведения, смотрело его фильмы и было знакомо с актерскими работами. Да и литературной экспозиции без малого 14 лет. За это время произошло стремительное развитие мультимедиа-ресурсов, существенно расширяющих возможности музея во взаимодействии с современной аудиторией, которой привычнее цифровое общение. Поэтому без современных технологий способствовать пониманию творчества писателя новыми поколениями читателей и органичному включению его наследия в современную жизнь довольно-таки сложно.

Так, в 2020–2021 годах в рамках нацпроекта «Культура» для посетителей музея был разработан мультимедиа-гид на платформе «Артефакт» с выставочным проектом «В. М. Шукшин. Жизнь и творчество». В доме, в котором, провел детские годы В. М. Шукшин, для посетителей разработали медиагид, где Мария Васильевна Шукшина рассказывает о детских годах жизни своего отца.

Экспозиционный зал «Творческое наследие В. М. Шукшина» дополнен мультимедийным проектом «Виртуальная сцена», где со сцены к посетителям обращается герой романа «Я пришел дать вам волю» Степан Разин. Это первая в Алтайском крае виртуальная сцена с голографической проекцией.

В 2023 году музей-заповедник В. М. Шукшина получил федеральную поддержку национального проекта «Культура» на техническое оснащение литературной экспозиции музея.

Так, в залах разместили аудиобоксы и интерактивные панели со звуковой, видео- и фотодемонстрацией информации. Это дает посетителю возможность выбора контента, разнообразит способы подачи информации, делает музейную экспозицию полноценной и увлекательной.

Есть интерактивный стенд с направленной акустикой «Сростки 1936 года», где посетители имеют возможность услышать звуки деревни. На глазах экскурсантов оживает панорамная фотография самой старой части села – Баклани.

Акустический душ позволяет посетителю во время просмотра панорамы «Сростки 1936 года» в исполнении профессионального актера погрузиться в мир живого русского слова, услышать рассуждения писателя о малой родине в публицистической статье «Село родное».

В зале «Становление. 1954–1969 гг.» расположена мультимедийная экспозиция «Шукшин – кинорежиссер». Она представляет собой рабочее место кинорежиссера с кинокамерой времен СССР со встроенным аудио- и видеоконтентом рабочих сцен съемок режиссерских работ В. М. Шукшина, позволяющее посетителю погрузиться в мир киносъёмочной площадки, постоять за кинокамерой и примерить на себя роль кинорежиссера.

Внимание детской аудитории привлечет интерактивный сенсорный стол – игровой киоск, наполненный играми на основе экспозиций мемориальных домов.

– Марина Александровна, какова роль музея-заповедника Шукшина в культурном наследии региона и города?

Вот уже 50 лет сотрудники музея-заповедника В. М. Шукшина выполняют свою главную миссию – сохранение и представление подлинной культурной и природной среды творческого наследия Шукшина.

Посетителям разных поколений музей не только помогает прикоснуться к настоящей сельской жизни 40–70-х годов с ее белеными печками, вышитыми занавесками, но и способствует пониманию истоков рождения Шукшина как личности, установлению прочных духовных и культурных связей между поколениями.

За последние десять лет музей посетило более 500 тысяч человек. Творчество Шукшина, его жизненный пример поистине объединяет людей совершенно разных по возрасту, образованию, вероисповеданию.

Посмотрите, какие отзывы оставляют наши посетители! Лучше их никто не скажет.

«Приехали издалека – из Сочи. Специально, путешествуя по Алтаю, заехали в Сротки, чтобы побывать здесь. Очень теплое место, сильные и глубокие эмоции испытали. 7-летняя внучка пыталась вникнуть и послушать, даже расплакалась... Спасибо большое за любовь и искреннее желание передать ее людям. Вам удалось: поехали перечитывать Шукшина всей семьей. Удачи и процветания Музею и его сотрудникам», 21.07.2025 год.

«Проходя по залам, усиливалось приятное впечатление, что наш Шукшинский музей идет в ногу со временем и не уступает московским по технической оснащенности, фонду личных вещей, интересным решениям экспозиций! Спасибо и с любовью к землякам. С. Мячин», 12.08.2024.

«Мы были здесь десять лет назад, за это время в музее прошла большая модернизация. Все очень стало интересно! Спасибо большое еще раз! Всему коллективу здоровья и успехов во всем! Семья Беловых».

«Всякий раз посещаю эти стены с душевным придыханием, ведь эти стены помнят голоса детей военной поры и среди них голос Васятки По-

пова. Волшебное ощущение!!! А в наше время эти стены наполнены почитателями творчества Василия Макаровича Шукшина. Стены эти превращают пространство школы в Храм. В этот храм ведут дороги и тропинки со всей России. Здесь концентрируется людская благодарность и человеческое любопытство. И мое в числе прочих. Долгую жизнь этому музею. Боженко С. А.», 2024 год.

«Выражаем огромную благодарность за эстетическую, информационную память о В. М. Шукшине. Удивляет сочетание исторического векового и современного подхода к биографии писателя и режиссера. Л. Р. Каткова и Н. А. Ушакова», 12.05.2024 г.

– Марина Александровна, скажите, какие планы на ближайшее будущее у музея? Какие новые выставки или проекты, приуроченные к юбилею, сможет увидеть посетитель?

– Безусловно экспозиции музея-заповедника позволяют удовлетворить запросы посетителей, нацеленных на знакомство как с уникальными культурными и природными комплексами, мемориальными усадьбами, так и творческим наследием писателя, актера и кинорежиссера Василия Шукшина. Об этом говорит статистика роста посетителей за последние годы и их положительные отзывы.

Но коллектив музея не останавливается, и впереди у нас грандиозные планы. Планируем воссоздать «Усадьбу крестьянского быта первой половины XX века» для удовлетворения интереса посетителей к традиционному укладу жизни крестьян с. Сростки на период детства и юношества В. М. Шукшина. При помощи правительства Алтайского края выделены средства на приобретение застройки, которая находится в историческом центре села в непосредственной близости от музея. Это деревянный жилой дом первой половины XX века, выполненный в традициях народного зодчества и связанный с жизнью и деятельностью писателя, актера, кинорежиссера В. М. Шукшина.

Также в планах расширение пространства литературной экспозиции путем воссоздания рабочего кабинета Шукшина, находящегося в Москве на улице Бочкова; создание и размещение рядом с усадьбой, которую подарил Шукшин своей матери, скульптуры (памятника) М. С. Куксиной; организация и проведение межрегиональных выставочных проектов в городах Москва, Санкт-Петербург, Абакан, на родине М. А. Шолохова в станице Вёшенская Ростовской области, станице Клетская Волгоградской области и другое. Работаем над созданием новой навигационной системы памятников и памятных мест истории и культуры «Шукшинские Сростки».

И еще одно большое дело: мы оказались в числе победителей конкурса грантов благотворительного Фонда Владимира Потанина «Креативный музей». За победу боролись более 160 претендентов, победили 16 из 15 регионов России. За полтора года нам в сотрудничестве с креа-

тивным партнером – архитектурным бюро МДВА из Барнаула нужно создать сквер-музей «Сельские жители». Это интерактивный музей под открытым небом с необычным экспозиционным решением и интересными маршрутами.

Все мероприятия будут реализовываться в рамках 100-летия В. М. Шукшина и 50-летия музея-заповедника.

Приглашаем в гости – на родину великого Василия Макаровича Шукшина!

*Беседовала Татьяна Гусева,
заведующая отделом развития ВММЗ В. М. Шукшина.*

Эльвира ТРИКОЗ

ИЗНЬ ПОДАРИЛА УВИДЕТЬ

Памяти Анатолия Дмитриевича Заболоцкого
(16 сентября 1935 – 16 января 2026)

При жизни своих славных друзей Василиев – Белова и Шукшина Анатолий Заболоцкий всегда был за кадром, как и полагается оператору. Его «закадровое» присутствие в дружеском треугольнике стало удьбоносным для всех. Оператором были сняты два фильма, в которых сценаристом и режиссером был Шукшин, – «Печки-лавочки» (1972) и «Калина красная» (1973) и два по произведениям Василия Ивановича – «Целуются зори» (1978) и «Всё впереди» (1990). Он в кадре запечатлел родину обоих товарищей, имея в прошлом травму потери своей. Известно, что его родная деревня Сыда была затоплена при строительстве Красноярской ГЭС, когда он учился во ВГИКе.

Вспомните, в двух своих документальных фильмах 1979 года, «Слова матери» и «Мелочи жизни», он рассказывал о деревенских матерях – из вологодской и алтайской глубинки. Знаково получилось: ва киномарафона он пронесся с Шукшиным, два – с беловскими героями, два посвятил родным местам друзей.

Его вот эта дружеская фильмография, созданная в потоке открытости творческому обмену, – не изученная никем «тригонометрия» выражения любви, благодарности и уважения к близким по духу лю- м. Трудно простыми словами об этом сказать, и хочется верить, что нажды кто-то так и сделает.

Для Заболоцкого дружба с Шукшиным и Беловым была полна пре- бражений – и на съемочной площадке, и в общении, и в литератур-

---

Эльвира Львовна Трикоз - кандидат филологических наук, музейный сотрудник. Автор научных статей по истории языка, психолингвистике, ли-тературоведению, научно-популярных и публицистических статей о писателях-деревенщиках, музейных открытиях, связанных с мемориальной квартирой В. И. Белова (Вологда).

Живет в Вологде.

ном творчестве. Белов, например, не только Шукшина звал полностью уйти-погрузиться в литературу, но Заболоцкого сподвиг написать книги, хотя это всегда было трудно для оператора – человека молчаливой профессии. Это известно, например, из подписи Заболоцкого в книге воспоминаний «Шукшин в кадре и за кадром: записки кинооператора» (1997), которая была лично подарена Белову: «Вася, не лезу в писатели, но натерпелся унижений на всю оставшуюся жизнь, пока удалось издать. 3 сентября 1997 года, Вологда». И сколько нужно было сил и слов Василия Ивановича, чтобы А. Д. Заболоцкий не отчаивался и продолжал писать! Ведь после этой первой книги были и «Живописное собрание писателя В. И. Белова, и живопись слова в его произведениях» (2011), и «Хронология жизни в профессии» (2022). И все они о друзьях и про их жизнь и творчество.

Если читать его воспоминания «Хронология жизни в профессии», задавшись вопросом «А как сложилась личная жизнь Анатолия Дмитриевича?», то в большом книжном томе вы устанете собирать крошки фактов о его именно семейно-личной (не профессиональной) биографии. Пожалуй, частичное объяснение этому можно найти в астафьевских письмах, где лишь штрихами Виктор Петрович описывает характер и темп жизни Заболоцкого: «заполошный», «бродяга», «всю жизнь он, как кузнечик, скачет по земле», «приятный нашему сердцу».

Большая часть жизни этого человека посвящена служению друзьям. И именно это служение научило его в кадре и за кадром делиться «памятью сердца» – опять-таки о товарищах, когда они уже ушли из земной жизни и некому стало говорить о том, как они «растрачивали душу и плоть»...

История моих встреч с Анатолием Дмитриевичем у меня короткая. И если бы не мое любопытство и желание «дойти до самой сути», то она была бы еще короче.

В Музей-квартиру В. И. Белова он приезжал несколько раз в год. И всегда с чем-то важным – на открытие музея, подарить фотографии, книги, поделиться тем, на каком этапе находится проект памятника Белову, открыть выставку и т. д.

В мемориальный музей часто позванивали журналисты, спрашивая, когда придет Анатолий Дмитриевич и можно ли его прямо в музее проинтервьюировать. (Ну а как об этом договориться, если не через сотрудников музея?)

Иногда он соглашался, и это интервью становилось целым событием для нас, для города и области. Но, по мнению Заболоцкого, часто журналисты задавали ему одни и те же вопросы. А он каждый раз, соглашаясь на интервью, что-то преодолевал в себе, готовился и настаивался на важный разговор. И это было видно: до съемок он был внешне строг, молчалив, суетлив, а в кадре становился открытым, ис-

кренним, степенным. Он умел говорить кратко и емко и о том, что никому не известно. И готов был на серьезный разговор по душам, если собеседник этого заслуживал.

Первый раз я его увидела в 2017 году. Он зашел в музей, спросил, кто я такая и что тут делаю, а потом требовательно попросил вызвать ему кого-нибудь постарше или директора, потому что новым людям, мол, он не может доверить свои материалы. Анатолий Дмитриевич по-стариковски недоверчиво и осторожно относился к чужим людям, среди них в тот момент оказалась и я.

Позже, когда он приезжал, узнав во мне сотрудника музея, сразу говорил по делу. Так, мне лично довелось от него принимать диски с документальными фильмами «Слова матери» («Беларусьфильм») и «Мелочи жизни» («Мосфильм»), которые он как автор разрешил показывать в музее. Благодаря ему во время выставки «Два Василия» (о дружбе Белова и Шукшина) в квартире писателя удалось организовать киносеансы документальных миниатюр.

А еще – что самое ценное – довелось лично пообщаться с художником. Почти все пересечения с Анатолием Дмитриевичем я зафиксировала в дневнике. Именно этими записями я и хотела бы поделиться, показав свою хронологию встреч с Человеком Служения.

5 апреля 2018 г. В музей приходил А. Д. Заболоцкий (с фотохудожником Н. Карачёвым), принес новую книгу «Василий Белов. Воспоминания современников», изданную писателем А. Н. Грешневиковым.

Анатолий Дмитриевич пришел под конец рабочего дня. Зная, как он обычно из Москвы он заскакивает на секундочку, я почти настроилась говорить коротко, спрашивать по делу, чай и бахилы не предлагать. Но на этот раз настраивалась напрасно. Он принес книгу, изданием которой был очень доволен.

Еще в прихожей увидел фотографии со съемок «Целуются зори». Они были подарены музеем режиссером картины С. П. Никоненко.

– Ни на одной нет меня, – сказал он, особо не вглядываясь.

– Есть, на этой ваша голая спина... – говорю я и показываю на другую фотографию. – И на этой только кепка и глаза видны.

Дальше он стал говорить о неприглядной закулисной истории съемок фильма.

– Вот как отобрал [про С. П. Н.] для музея фотографии! Мы с ним так ссорились во время съемок! Я ему говорил, как будет лучше... Не сошлись с ним. Да и хорошо <...> Так испортил монтажом всю картину. Ничего почти не осталось от беловской Вологды. Вместе с Глаголевой, тогда была редактором картины, все вырезал! И сохранить не удалось...

А хорошо, что шукшинские актеры снимались! Настоящий русский мужик Рыжов! Девятый сын в семье... Из известного рода Сытиных. Из

зажиточных, сильный, честный, наш! Картина на них держалась. А Сабуров какой душевный человек. С ним можно было поговорить...

Рассматривает Заболоцкий фотографии и говорит:

– И на общей фотографии меня нет. Только второй оператор, помощник. Знал, кого из истории фильма вырезать! Правда ему наша не далась!...

Он сменил тему и спросил: «Покажите мне фотографии, которые я дарил. Они в музее в сохранности у вас?»

Веду в холл, показываю.

– Мои. А третья где?

– В другой комнате висит, – говорю.

– Плохое место вы для нее выбрали. Не видно тут ее совсем.

– Было б не видно – не спрашивали бы про нее. В этой комнате только про большую икону XVIII века и ваш портрет Белова спрашивают.

– Вася, Вася... Мне до сих пор говорят, что я будто сделал постановочную фотографию... А жил он правдой, которая и со стороны картинно смотрелась... Не каждому так...

Потом мы вышли из комнаты, Анатолий Дмитриевич показал на книги, которые держал в руках: «Книгу надо подписать. Вторую Грешневиков подпишет, когда придет. Пойду туда...» И он пошел на кухню. Сел за стол. Подумал. Все слова потом медленно перечитал, каждое тронув шариковой ручкой.

– Если к Васе не уйду, еще приеду, – перекрестился, вытянул руки, будто воздух вокруг себя потрогал. – Езжу то до Васи Шукшина, то до Васи Белова. На родине Шукшина говорят, что без меня они б и памятник не поставили... Приезжаю... Рассказываю... Дарю...

– Давайте я вас сфотографирую. Пантелеев-то² всех в своей лаборатории щелкает! Чтoб каждого помнить, кто приходил.

– Так он документалист! Ну давай! Надо, жизнь такая... Вставай, Коля!

Из пяти кадров только один удался.

– Хорошо, что память о Васе берегут. Пошли мы.

И гости ушли.

В 2025 году я читала книгу А. Д. Заболоцкого «Хронология жизни и профессии» (2022) и нашла фрагмент, где упоминается та самая музейная выставка, которую мы с ним обсуждали в 2018-м: «В режиссуре Сергея Петровича не помню находок, кроме набора пары десятков фотографий, сделанных штатным фотографом на картине «Целуются зори». Он напечатал их большого размера, разместил в музейной квартире В. И. Белова в Вологде под своей фамилией».

---

¹ Фотохроникер, фотограф. Общался со всеми писателями-нравственниками. Работает в СПбГУ.

Вот так посещение выставки отразилось в книге оператора. Хорошо, что получилось записать в 2018 году наш диалог, а то трудно было бы вспомнить подробности встречи.

Май 2019 г. А. Д. Заболоцкий принес в музей четвертый номер журнала «Наш современник», в котором опубликовано обращение к деятелям культуры, политикам и предпринимателям России, а в нем просьба «всех русских людей оказать содействие в финансировании создания памятника Василию Ивановичу в городе Вологде». В организационном комитете по установке памятника указаны: П. Толстой, А. Грешневиков, С. Шергунов, С. Бабурин, О. Белова, В. Крупин, С. Куняев, Н. Лугинов, А. Михайлов, А. Заболоцкий, А. Шолохов.

Анатолий Дмитриевич просил рассказывать всем причастным и интересующимся об этой инициативе и журнальной статье. Быстро ушел.

В музей передал на хранение два железнодорожных билета³ и письмо, первая страница которого сверху подписана так: «9 мая 2019 год. Музею-квартире В. И. Белова в г. Вологде». В нем рассказывается, как он с молодым скульптором А. И. Игнатовым ездил в Тимонику – на могилу к Белову и в его дом (к резному окну). Скульптор, впечатленный биографией и беловскими образами, начал уже работу над эскизом памятника. И именно этот вариант монумента и был помещен в журнал «Наш современник».

В письме также было сказано, что «старанием Анатолия Николаевича Грешневикова», депутата Государственной Думы, был собран и общественный организационный комитет по оценке проекта и возможности установления памятника «возле Публичной библиотеки в г. Вологде».

Запомнилось: А. Д. Заболоцкий возмущался, что в Москве, Кисловодске и Владивостоке без всякого сбора воздвигли памятники Солженицыну, а для Белова нет «народных копеек». Твердо сказал, что все равно Белову поставят памятник, а потом он еще станет и гордостью города, но его, Заболоцкого, уже не будет...

21 сентября 2019 г. *Сегодня обняла Анатолия Дмитриевича Заболоцкого. Хмурый, ершистый правдоруб, но обнять позволил.*

Рассказал о Шукшинских чтениях: он был на Алтае. Там, по его мнению, было всего три искренних человека, которым дали говорить в микрофон. И это много, по его замечанию. Он очень рад, что правда и совесть еще живет.

---

³ Показал, какие нынче дорогие билеты в плацкартных вагонах от Москвы до станции Харовская (1844 рубля). Он часто ездил за свой счет по стране.

В кабинете писателя постоял у низенькой кровати Белова, отодвинул шторы и посмотрел в окно – куда-то вдаль, потом тихо сказал: «Он когда болел, привставал и делал шаг к окну... Тихо говорил: “Хочу домой...” Вот и ушел туда...»

Посмотрел музейную выставку «Два Василия», плакал, когда вглядывался в фото своего друга Шукина. Тихо. По-стариковски. Повспоминал, какая, кем и где снята.

В прихожей попросила А. Н. Грешневикова (писатель, депутат) нас сфотографировать. Легендарный оператор советского кинематографа Заболоцкий командовал процессом: «Отойди! Приподними телефон! Выключи вспышку...» Но камера дрогнула и кадр получился нечетким. Все равно – на память.

Редкие встречи... Прощаясь, Грешневиков обещал отстоять Шиес⁴... Сказали еще напоследок, что за установку памятника В. И. Белову в Вологде еще бьются они.

18 июня 2020 г. Приходил А. Д. Заболоцкий. Недолго разговаривали с ним, он был очень суетливым, расстроенным, но воинственно настроенным на разговоры с властью города, на вложение собранных денег в памятник В. И. Белову. Сказал, что готов свои гробовые деньги отдать на монумент, лишь бы установили в центре Вологды.

Сказал, что сейчас пока уехал из Москвы на все лето дописывать книгу⁵ о Шукине, развенчивающую мифы о друге... Опять говорил о своей смерти, рассказал, что одного друга попросил «не сжигать тело и не хоронить при толпе, на родину отвезти».

24 июля 2020 г. Приехала в Вологду старшая дочь В. М. Шукина Екатерина. С ней был супруг. Сначала мы ходили по «литературным» дворам в центре города. В то время я уже водила экскурсии по вологодским улицам – Ленинградской, Октябрьской, Мальцева, по Октябрьскому скверу и знала много историй, услышанных из первых уст – от О. С. Беловой (жены писателя) и А. Д. Заболоцкого о писательских адресах, местах встреч, любимых городских скамеечках. И было легко рассказывать о том самом доме № 23 на улице Октябрьской, откуда весной 1973 года Белов двух московских друзей-киношников повел знакомиться с Астафьевым. В квартире писателя-сибиряка, в вологодском многоквартирном доме на ул. Ленинградской, и произошло знакомство Шукина и Заболоцкого с Астафьевым. С этой встречи и началось

---

⁴ В 2018 году на станции Шиес в Архангельской области начались экологические протесты. Люди требовали прекратить строительство полигона и завершить мусорную реформу в России.

⁵ Позже выяснилось, что он писал книгу «Хронология жизни в профессии», которая вышла в свет в 2022 году.

продолжительное общение Виктора Петровича с «бродягой Заболоцким».

После уличной прогулки мы отправились в музей-квартиру Белова, где Екатерина Васильевна встретила с искусствоведем Н. С. Серовой, лично знавшей Беловское окружение, и Анной Васильевной Беловой, дочкой писателя.

Вечером с Наталией Сергеевной Серовой почти два часа ездили по городу на машине, она рассказывала о шукинских местах в Вологде, вспоминала Заболоцкого. Очень ее благодарил за сопровождение Екатерина Васильевна. В тот день она нам всем подарила свои книги. Мне – Гессе «Сиддхартха» с подписью: «Эльвире – спасибо за знакомство с Вашим городом. Июль 2020. Е. Шукина. Й. Зигерт».

Вечером дома я открыла перевод Гессе на строке «В конце концов мы поднялись на самый верх...» И прямо в руку: в самый день рождения Василия Макаровича, 25 июля, мы, действительно, собирались подняться с Екатериной Васильевной на колокольню Софийского собора. Заранее договаривались с руководством Вологодского музея-заповедника, чтобы попасть туда во время звонков. Почему мы туда пошли? Видами родной зеленой Вологды «угощал» Белов самых близких своих друзей, ему в 1970-е даже доверяли ключи от колокольни.

23 октября 2022 г. Открытие памятника Василию Белову у Вологодской областной библиотеки. Приехал актер Александр Михайлов, депутат Госдумы Анатолий Грешневилов и Анатолий Заболоцкий, который с досадой сказал, что его даже не пригласили на открытие и в сценарий не включали. Он сам приехал, перед открытием попросил друга-актера передать ему микрофон после выступления. Так и было...

Александр Яковлевич Михайлов поддержал Заболоцкого, отметив публично заслуги друга: «Спасибо Толе Заболоцкому, который этой идеей жил, прошел тысячу инстанций, и который даже цитату для памятника выбрал. Это слова Валентина Распутина, еще одного нашего общего друга. Слова такие: “А нам за тобой и хорошо было. И когда книги писали, хорошо было по твоим пятам идти... и не падать духом”. И мы идем...».

Много А. Д. Заболоцкий хлопотал о том, чтобы был установлен памятник. Мы раньше всех в музее узнали, какая цитата будет на монументе: искали письмо в архиве Белова. Тогда и выяснилось, что это распутинское послание, больше напоминающее записку, в 2010 году из Москвы Белову привез сам Заболоцкий, поэтому хорошо знал его содержание.

Сейчас письмо хранится в музейном фонде⁶. Приведу текст полностью: «Дорогой Василий Иванович! Как был ты всю жизнь поперед

---

⁶ Данные о хранении: КП-4082 А-2257.

нас, мальцов, так и не уступаешь дороги. А нам за тобою и хорошо. И когда книги писали, хорошо было по твоим пятам идти, и сейчас хорошо на тебя оглядываться и не падать духом. Не подводи нас – так впереди и иди, а мы уж как-нибудь будем держать за тобой ногу. Обнимаю. В. Распутин. 03.11.2010».

Имя Заболоцкого, слава богу, выбито у основания монумента, правда очень незаметно: «Идея – А. Д. Заболоцкий, архитектор – А. С. Королёв, скульптор – А. И. Игнатов. 2022».

24 ноября 2022 г. Приходил в музей А. Д. Заболоцкий. Ксения, моя коллега, задала ему вопросы, которые я давно заготовила для интервью. Коротко напишу некоторые ответы.

Сказал, что прототипом героев шукшинских и беловских произведений он не был: «На личности не переходили». Василий Иванович только стихотворение ему посвятил – «Новогодняя песня». Он поведал историю его появления: каждый год он с Беловым отмечал Новый год в деревне. Но в год создания текста (1985) Белов не приехал, его срочно отправили в командировку в Финляндию, где «президент⁷ был тоже столяром, ему нравились “Плотницкие рассказы”». Сама Раиса Максимовна Горбачёва попросила Белова поехать на встречу с финским президентом. Так получилось, что Заболоцкий один отмечал праздник в деревне. Позже Белов подарил другу стихотворение, представив в нем возможные ощущения одиночества и обиды друга.

*Когда вокруг ни друга, ни врага,
Когда толпа знаменами полощет,
На горький дым родного очага
Я каждый раз иду как бы на ощупь.*

...

*Клубится в небо белый-белый дым.
Едва умоюсь снегом белым-белым,
Я становлюсь, как прежде, молодым,
Я становлюсь удачливым и смелым.*

*И в этот час печная головня
Дороже мне, чем телефонный вызов.
Пусть друзья пируют без меня,
Пусть не меня дурачит телевизор...*

На вопрос: «Помогают творческим людям брачные отношения или мешают?» – Заболоцкий ответил: «Если супруги в браке несозвучны, то такие отношения только мешают. И тому, и другому [Шукшину и Белову] не помогли...»

---

⁷ Финский президент Мауно Койвисто.

Заболоцкий Белову как-то рассказал о своих личных отношениях с женщиной, на что писатель категорично ему сказал, пытаясь спасти друга от суетной семейной жизни: «Беги отсюда, иначе тебя тут съедят!»

Еще один из моих вопросов был таким: «Вот Вы всю жизнь посвятили сохранению памяти своим близким друзьям. Это служение, долг или как правильно назвать?» Заболоцкий ответил: «Просто мне важно было сделать то, что они не смогли или не успели. Потому что потом это никто не будет больше делать. И это благодарность моя им за то, что в свое время они помогли мне, спасли от нападок “Мосфильма”, “Беларусьфильма”».

На вопрос о том, что в этом мире нельзя купить, Заболоцкий ответил кратко, по-беловски: «Совесть нельзя купить».

Конец сентября 2024 г. Ходила в студию ГТРК «Вологда» записывать передачу к 95-летию В. М. Шукшина. В самом начале вспомнила приезд старшей дочери Василия Макаровича Екатерины в Вологду в 2020 году.

О дружбе Белова и Шукшина можно говорить бесконечно, если однажды в это погрузиться. Сам Василий Макарович – волшебное явление в нашем искусстве, а его дружба с Беловым – больше, чем дружба. Обо всем этом, конечно, я рассказала в эфире, ведь до сих пор в памяти наш символичный подъем в день рождения Макарыча (так называл его Белов) на колокольню Софийского собора во время звонов.

После записи ведущая радиопрограмм сразу сказала, что попробуют найти архивный эфир с Заболоцким (2019 года) и вставить в передачу фрагмент из его речи о приезде в беловскую Тимонику Заболоцкого и Шукшина.

Передача вышла в 23 июля 2024 года, накануне дня рождения Василия Макаровича, и, к счастью, в нее попал двухминутный фрагмент из речи Заболоцкого. Голос одного из беловских друзей прозвучал благодаря находчивой радиоведущей Татьяне Алексеевне Ляпиной.

Запись я отправила Е. В. Шукшиной, а в ответ получила: «Спасибо большое за передачу – хорошая, жалко, что короткая. Часто вспоминаю ту поездку вообще и колокольню в частности. Спасибо, что позаботились о нас. Вашим коллегам, Наталье Серовой и звонарям мой привет».

А позже и от Н. С. Серовой я получила весточку: «Спасибо за передачу, она очень хороша: живая, информативная, с редкими малознакомыми материалами: какая вкусная «вишенка» – бабки в клубе на встрече [из рассказа А. Д. Заболоцкого]... Не бросайте это святое дело...»

Приведу здесь расшифровку небольшого фрагмента из передачи с Заболоцким, о котором вспоминает Н. С. Серова: «Вася Шукшин меня с Беловым познакомил. Мы приезжали к нему в деревню Тимонику 23 февраля, когда был Советской армии праздник, и мы в клубе слушали

доклад библиотечарши о том, какие герои люди... Одни старухи и собаки грелись у печки. И очень интересно, когда она говорила о героизме, одна собака вздохнула. И старухи хохотали... А потом мы вышли, кое-как нашли дорогу из соседней деревни в свою деревню (800 метров), потому что свету нет, а только коровник горит. Спрашиваем у соседа Васиного Фауста Степановича Цветкова: “Фауст, смотри, в деревне огней нет, а в коровнике горит – все окна горят”. А он говорит: “Сейчас мужику и коню гибель, а бабе и корове жить можно”.»

22 мая 2025 г. Вышла в эфир моя радиопередача о книге А. Д. Заболоцкого «Хронология жизни в профессии» в проекте «Отблески искусства» (ГТРК «Вологда»). Без этой книги невозможно понять оператора. Жалею, что не прочла ее сразу – в 2022 году. Могла бы успеть еще позадавать вопросы Анатолию Дмитриевичу.

Читала с карандашом, выписывала на один лист крылатые фразы Заболоцкого, на другой редкие фрагменты о его личном мире (он его не раскрывает читателю, оберегая от чужих), в отдельную тетрадку записывала кратко истории о Белове, Шукшине, Распутине, которые прежде не слышала.

Надо сказать, что для передачи я выбирала те фрагменты из «Хронологии...», которые, как показалось, будут интересны всем радиослушателям-вологоджанам. Приведу часть текста, озвученного в микрофон.

«В книге Анатолий Дмитриевич публикует свои записи, сделанные в дневниках в разное время, письма, телеграммы, дает развернутые объяснения тому, что видел вокруг, как чувствовал мир и людей...

Он честно, а порой и эмоционально вспоминает о поэте Геннадии Шпаликове, актерах Иване Рыжове и Алексее Ванине, писателях Шукшине, Астафьеве, Распутине, Белове, Рубцове... Именно честно, потому что самой книгой оператор-постановщик хотел досказать правду о времени и о себе...

Например, в ней находим телеграмму Шукшина и Заболоцкого, написанную в Вологодское отделение Союза писателей – на юбилей В. П. Астафьеву: «Желаем быть всегда конем с розовой гривой. Земляку Виктору Петровичу Астафьеву. Обнимаем».

Другая смешная история 1970-х годов – банная! Как-то Заболоцкий с Алексеем Ваниным мылись в бане города Бабушкина (Вологодская обл.). Ванин попросил Заболоцкого поскакать на его спине. Анатолий Дмитриевич со знанием дела вцепился в трубу на потолке и начал прыгать на широкой спине актера, а в ответ слышал: «Удесятерить!» Наблюдавший картину банщик назвал это показухой, не зная, насколько был силен актер. Ванин разрешил ему взобраться на

спину, но тот свалился да так сильно ударился с непривычки. А в ответ только услышал: «Ну и зачем тебя понесло?»

А сколько деревенских необычных историй записал оператор. Однажды он делал фотосъемку в вологодской деревне Вахруниха – в уютном доме Александры Архиповой. Уж так ему понравился дом, и он предложил его купить, а одинокая женщина сказала: «Купи, а еще лучше докорми меня до смерти и вселяйся!» Не решился Заболоцкий...»

Процитировала в передаче я и одну из последних опубликованных дневниковых записей Заболоцкого (от 14 сентября 2021 года): «Вспомнился мне эпизод с редактором отдела рукописей РГБ Мариной Волковой. Марина отобрала у меня дома рукописные бумаги. Я предложил посмотреть коробку с наградами. Она сразу вспомнила, как к ним в отдел принес коробку с наградами Валентин Распутин: «Мы отобрали простенькие, а когда наткнулись на орден Андрея Первозванного, не решились его брать. Орден-то с бриллиантами – у нас нет такой возможности хранить такие вещи. Вернули... Когда сообщили об этом нашему начальнику... он попросил забрать. Тогда мы срочно побежали к Валентину Григорьевичу... Он встретил нас погруженный в свои мысли и тут же сообщил, что коробку уже выбросил в мусорный бак: “Внучке не нужен, вам не нужен, а мне тоже уже ничего не нужно”...»

Мои научные обобщения для радиоэфира не совсем подходили, поэтому закончила передачу так: «Книга Заболоцкого, обраставшая более шести десятков лет историями и образами, как самоцветная друза кристаллами, хранит отблески искр творчества великих. В каждой записи-кристалле то лучистый и глубокий лик Шукшина, то блеск седой бороды Белова, то сверкнувший в очках взгляд угасающего ученого Лосева...»

28 января 2025 г. Командировка в Москву. Утром 28 января ездила к дочери поэта Лыцова, вечером была встреча «Мне память ваша дорога...»: Василий Белов и его современники» в Представительстве Вологодской области при Президенте РФ и Правительстве РФ (попростому – в Вологодском землячестве), куда были приглашены О. С. Белова, А. Д. Заболоцкий, А. Н. Грешневиков, А. Ю. Сегень и др. Гости вспоминали В. И. Белова и его близких друзей.

Мои коллеги в самом начале встречи выступали, рассказывали о фотовыставке «Услышать музыку в душе», посвященной друзьям Белова – В. Астафьеву, В. Гаврилину, В. Шукшину. Затем выступали писатели Н. Ф. Иванов, А. Н. Грешневиков и А. Д. Заболоцкий.

Очень тихим голосом, но искренне, с улыбкой говорил со сцены Анатолий Дмитриевич. И почти сразу после своего выступления ушел. Я не успела поговорить с ним. На моей видеозаписи его голос едва звучит, за-

то хорошо слышен шум аудитории, которой тяжело было прислушиваться к шелесту речи угасавшего Заболоцкого: много было людей мудрого возраста...

Чуть позже, 5 февраля, на своей странице в социальной сети я написала, выложив несколько фотографий с мероприятия: «Тот самый один день в Москве, который мне надолго запомнится».

Кстати, из слов председателя Союза писателей России Н. Ф. Иванова мне запомнились такие: «Русские в литературе приватизировали совесть...» А из слов Заболоцкого: «Василий Иванович для меня не умер. Я каждый день чувствую его присутствие...»

16 января 2026 г. Умер Заболоцкий – человек-эпоха. Стала узнавать, когда и где его будут хоронить, но помнила, что он не хотел «при толпе». Стала смотреть, есть ли билеты на поезд. Очень грустно.

17 января 2026 г. Узнала о месте похорон А. Д. Заболоцкого – на Троекуровском кладбище.

Отпевание 20 января было назначено на 11.00 в храме Святителя Николая Чудотворца в Троекурове. Адрес: Москва, ул. Рябиновая, д. 24-а.

19 января 2026 г. Написала для сайта «Культура в Вологодской области» небольшую статью – о приездах Заболоцкого в вологодскую мемориальную-квартиру. Статья, благодаря оперативности главного редактора Елены Легчановой, вышла в тот же день в 11.00 под заголовком «Ушел из жизни кинооператор, снявший «Калину красную» и «Целуются зори», Анатолий Заболоцкий».

Фрагмент из нее: «Музей-квартира Белова и две вологодские деревни – Гридинская и Тимониха – те места, куда Анатолий Дмитриевич приезжал по несколько раз в год. В деревенские дома он рвался из Москвы не только, чтобы отдохнуть и «перезагрузиться», но и проверить сохранность Беловского дома, за судьбу которого он очень переживал: знал, как деревенские дома, будучи без присмотра, могли одним днем лечь на землю. Он очень хотел, чтобы музей Белову был создан именно в Тимонихе. И об этом часто говорил на камеру и в интервью для печатных СМИ. Туда он возил своих влиятельных и творческих людей, которых погружал в Беловский избяной дух, «Крестьянскую Атлантиду».

В музее есть своя история приездов этого великого человека, посвятившего жизнь служению друзьям Василиям Белову и Шукшину. Почти в каждый визит А. Д. Заболоцкий одаривал мемориальный музей – не только новыми изданными книгами, но и откровениями, не описанными еще в книгах...

Немногословность и при этом категоричность, как определенный тип защиты своей правды, которая триста раз была проверена на соб-

ственным опыте Анатолием Дмитриевичем, не давала разговориться с оператором, особенно в первые годы существования музея. Да и такая разница в возрасте была между нами и им, и не только в возрасте, а в понимании того, что его «в лесном краю никто не ждет» – все друзья по духу, «по веку», по сердечным переживаниям ушли. И он один идет вперед...»

Татьяна АКИЛОВА

ВЕТКА ЯБЛОНИ

Рассказ

Ранним утром кто-то постучал в окно квартиры на втором этаже. Негромкий стук, похожий на тонкое поскрябывание, был настойчивым, и Лиза, не желая того, проснулась. В комнате было тихо. Яркий свет, пробиваясь сквозь шторы, мягко золотил мебель, стены, потолок. И в утренний час он стал бы самым громким звуком, если бы не настоящий звук.

«Птица, что ли, какая?..» – подумала Лиза, вставая с кровати.

Подойдя к окну, она взялась за штору и, смяв ее край в ладони, замерла. Ей представилась большая птица, распластавшая свои крылья по стеклу... И в следующее мгновение, открыв глаза, Лиза отдернула штору.

Но зажмурившись, она ничего не успела разглядеть. В брызнувшем всполохе света растворились стены, мебель, и все прочие вещи, находившиеся в комнате.

– Как ярко!.. – пожаловалась она, пытаясь ухватиться за что-нибудь взглядом.

Зонтик, невесть как оказавшийся на подоконнике, горшок с цветком, оконная рама, лоснящаяся белизной, и окно. В него Лиза взглянула, не слыша ничего, кроме громко бьющего сердца. Воздушное пространство было привычно заполнено темной паутиной яблоневого веток. На них душистыми молочными каплями висели нераскрывшиеся бутоны. И было необыкновенно светло!

Лиза поспешила открыть окно. Чистый, слепящий свет, огибая не укрытые листвой черные ветви, был соткан из лучей солнца и холодного ночного воздуха. Ополоснув им лицо, глубоко вдохнув, Лиза

Татьяна Александровна Акилова родилась 7 сентября 1994 г., в селе Гагино Нижегородской области. Окончила Московский политехнический университет.

Участник Слета молодых литераторов в Большом Болдине в 2024 и 2025 гг. Публиковалась в электронном литературном журнале «Пролиткульт», в литературном журнале «Нижний Новгород». Молодой автор. Это ее первая публикация в нашем журнале.

улыбнулась. Только весной в утреннюю пору была видна эта хрустальная игра света и воздуха. Солнце лилось в комнату прямо из-под горизонта. Делая годовой круг, весной оно попадало в широкую просеку между двухэтажных домов.

Лиза посмотрела вниз. Окаймленная молодой травой, просека была чиста. Утро было настолько ранним, что все еще спали. Тут острое желание, чтобы как можно дольше никого не было ни слышно, ни видно – даже птиц, так взволновало ее, что она, подпрыгнув на месте, еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

У открытого окна она простояла до появления первого человека. Тот вышел из подъезда дома напротив и, порывшись в карманах, достал пачку сигарет. Вздохнув, Лиза закрыла окно.

Забравшись на кровать – одеяло и простыня стали холодные, будто только что постеленные, она скоро согрелась. Незаметно бодрость сошла с нее, оставляя лишь тонкую улыбку на губах и исчезающую приятную прохладу на коже. Лиза засыпала, чувствуя себя так, будто бы только что вернулась с длинной прогулки по весеннему лесу.

Проснувшись от возобновившегося постукивания – оно стало более четким и громким, Лиза испугалась. Едва ли подумав про птицу, она боялась, что ее ранее пробуждение, похожее на прекрасный сон, скоро омрачится, как и прочие воспоминания, связанные с этой яблоней.

Будучи ребенком, Лиза подолгу сидела под ее огромной кроной на небольшом участке невскопанной земли. Весной, когда с яблони облетали лепестки, Лиза собирала их в снежные кучки на бетонной отмостке; летом в жару играла в ее тени с куклами или плескалось нагретой за день водой из ведра; осенью сгребала опавшие, весело шуршащие листья и ела яблоки. Крупные, сладкие – ими угощался весь дом.

В маленьком огороде, примыкавшем к дому, у каждой грядки, клумбы, куста, огуречной плети был хозяин. Яблоня же будто принадлежала сразу всем и никому. С нее собирали урожай, кто-то даже подходил к ней с ведром, но никто не опиливал ей ветки, не белил по весне кору.

Лиза, проводя много времени под яблоней, считала ее своей. И когда кто-нибудь срывал с ветки яблоко, она хмурилась и долгим взглядом смотрела на этого человека. Но особенно она была недовольна, когда к яблоне подходил, садясь на перевернутое ведро и закуривая сигарету, сосед с первого этажа – дядя Слава. Его всегда хмурое лицо было морщинистым и серым, а глаза – мутными, как испортивший рассол в банке с соленьями, так что их цвет нельзя было разобрать.

Дядя Слава казался черно-белым вкраплением в цветной мир. Когда же он брал в руки яблоко и начинал его есть, Лиза бросала свою

игру. Не моргая, она смотрела на соседа, на красную, яркую кожуру и белую искрящуюся мякоть яблока.

Взрослея, Лиза стала с некоторым недоверием поглядывать на собственное восприятие яблони. Задаваясь вопросом, кто посадил яблоню, она подсознательно чувствовала, что некоторым вещам лучше бы оставаться не узанными. Но любопытство брало верх, и Лиза начала спрашивать. Но те, с кем она успела поговорить, в том числе и мама, лишь растерянно кивали головами.

Лиза почти уже смирилась с неизвестностью, когда соседка тетя Наташа неожиданно заговорила с ней на лестничной клетке. Она держала в руках надкусанное яблоко с той самой яблони. А неожиданность случившегося разговора была лишь в том, что коснулся он Лизиного вопроса.

– Сладкие какие все-таки! – сказала тетя Наташа, показывая яблоко, ненавязчиво выставляя его вперед.

– А кто ее посадил? – спросила Лиза больше для поддержания разговора, который не очень-то хотелось и поддерживать, чем из-за притихшего интереса.

– Яблоню-то? Да дядь Слава, когда еще не пил.

– Это который?..

– Да который сосед ваш снизу. Который умер недавно.

Лиза прерывисто вздохнула. Представить соседа опрятным и трезвым она едва ли могла. Тем более ей не представлялось, что этот человек был когда-то другим человеком.

После случайно полученного ответа все истории с яблоней или яблоками покрылись специфическим серым цветом, похожим на тот цвет, в котором существовал сосед.

Как Лиза ни старалась, но выветрить из своих воспоминаний тонкое присутствие дяди Славы у нее никак не получалось. Когда она вспоминала, как маленькая играла под яблоней, ей казалось, что дядя Слава находится где-то рядом, смотрит на нее в окно. Или, стоя на отмостке, бросает на нее и яркое яблоко в ее руках свою тень.

Но не только омрачившимся воспоминаниям огорчалась она. Тайна яблони пропала, у нее вдруг появился хозяин.

Лиза долго пролежала в кровати. Чуть дыша, не шевелясь, она несколько раз прослушала мелодию будильника.

«Не могу больше!» – наконец подумала она и пошевелила рукой.

Затекшим мышцам это маленькое движение показалось настолько сладким и приятным, что Лиза не смогла остановиться. Потягиваясь, она скинула с себя одеяло, встала с кровати. Но вдруг замерла.

Будто боясь опоздать, она подошла к окну. Яблоня, похожая на ту, что сохранилась в воспоминании, стояла, широко раскинув ветвистую крону. На нее падал дневной, более спокойный, чем утренний, свет.

Лиза тут же перебрала в памяти несколько моментов из своего

детства – вот она стоит под яблоней, вот катает по траве машинку... – и радостно заулыбалась. Незримое присутствие в них соседа никуда не делось, но перестало казаться тяжелым и мрачным. Будучи навязчивой тенью, сосед сам ушел в тень.

Сегодняшнее же утро вспоминалось вовсе иным. Оно купалось в светло зеленоватом, видимо, от молодой травы на просеке между домов, свете. В этом свете тянулись к окну черные яблоневые ветки. Увешанные молочными каплями бутонов, они были готовы, возможно, даже сегодня вечером, раскрыться.

Владимир МОРАР

БОЛЬШОЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

К 100-летию А. П. Соболева

В XXI веке библиотеки нашего города решили сменить номера на имена людей. Поэтому на фасаде той, что числилась шестнадцатой, появилась мемориальная доска работы скульптора Валентина Ковалёва. Изображено на ней вдумчивое лицо пожилого мужчины и надпись золотыми буквами на белом поле: «Анатолий Пантелеевич Соболев, писатель, фронтовик, жил и работал в Калининграде с 1967 по 1986 год».

В век Интернета найти информацию о нем нетрудно. Родился 6 мая на Алтае. Детство провел в деревне. В 1939 году вместе с родителями переехал в Новокузнецк. Вглядываясь в лица отдыхающих солдат, повествователь в рассказе «Пролог после боя» задает себе вопросы: «Может быть, с одним из них гонял я в детстве колхозных лошадей в ночное и просыпался от кулацкого выстрела в глухом предутрии? Может, с кем-то из них шагал на первомайскую демонстрацию и пел «Взвейтесь кострами...» Может быть, кто-то из них ходил со мною в лютые сибирские морозы на второй год войны в деревню обменивать барахлишко на мешок подмерзлой картошки и мерку ржаной муки. Может, с кем-то из них околачивали мы порог военкомата, чтобы до призыва добровольно уйти на фронт?»

Как это происходило, узнаем из его автобиографической повести «Пятьсот-веселый»: «А полгода назад все мальчишки нашего девятого класса двинулись в горвоенкомат, на фронт проситься. Сначала нас погнали – возраст не подошел. Раз турнули, два турнули, а на третий взяли. Мы думали, что все вместе сразу на фронт попадем, а нас рассортировали кого куда, в основном по военным училищам. Я попал в водолазную школу». Обучение проходил на Байкале. А с 1943 по 1951 год служил военным водолазом на Балтийском и Северном флотах. Три тысячи часов провел под водой».

После демобилизации до 1956 года обучался в Сибирском метал-

Владимир Алексеевич Морар родился в 1957 г. в Калининграде. Педагог, общественный деятель. Окончил филологический, юридический факультеты КГУ. Учитель русского языка и литературы. Победитель Всероссийского конкурса «Учитель года» (2000 г.). Заслуженный учитель РФ.

лургическом институте. Потом два года трудился на металлургических заводах Челябинска и Новокузнецка. Работал мастером, сменным механиком. В 1958 году получил приглашение работать преподавателем в родном институте, решил заняться наукой. Но как написал критик Игорь Дедков, «вместо каменистых троп науки начались не менее каменистые тропы литературы».

Книги Соболева высоко ценили Виктор Астафьев, Юрий Бондарев, Василь Быков, Евгений Носов. Он лауреат нескольких литературных премий. А главное, что у него появился свой читатель.

В 1967 году он переехал в Калининград. Ходил по его улицам, видел мощные стены фортов. И воображение рисовало картины военного прошлого. «Город горел. Черные хлопья, будто встревоженные птицы, стаей летели из-за бастиона, и кладбищенский лес был затянут сизым удушливым дымом» – так начинается его рассказ «Пролог после боя». «Вчера еще здесь шел бой». И вот теперь проснувшийся среди ночи «солдат сел и ошеломленно слушал тишину – непривычную, странную тишину, от которой отвык за годы войны». А «рядом, подстелив пробитые шинели, тяжелым сном спали гвардейцы». Объявленный неприступной крепостью Кёнигсберг пал всего за четыре дня. Что было после этого, мы узнаем из повести «А потом был мир».

В советское время нашу область называли рыбацким краем. Вот и Соболев в 1972 году, немолодой уже человек, известный писатель, ушел «в обычный рейс» матросом. А через десять лет впечатления от того хождения в море стали рукописью романа «Якорей не бросать». Последней и, как считал сам автор, его главной книгой. Поэтому и мы, жители самого западного края России вправе называть Анатолия Пантелеевича калининградским писателем и своим земляком.

А изучая творчество хорошо известного в нашем янтарном крае поэта Анатолия Лунина, я неоднократно встречал упоминание о Соболеве. Они дружили. Привыкли обсуждать самые жгучие проблемы своего времени. Были жаркие дебаты, были даже позиции, по которым они «не достигали так называемого консенсуса, тогда каждый оставался при своем мнении». Но «споры никогда не перерастали в ссоры». Более того, Лунин благодарен другу за эти разговоры: «Не стыжусь признаться, что в немалой степени свои эстетические взгляды, художественные пристрастия я формировал под его влиянием... Он открыл мне глаза на многих литераторов и политиков. Постоянно вращаясь в столичных кругах, он, естественно, обладал серьезной информацией... Снисходительный к человеческим слабостям, не прощал несправедливости, коварства, чванства».

А когда Соболева не стало, для Лунина эта потеря оказалась невосполнимой. Но осталась «привычная потребность посоветоваться, взвесить свои оценки на весах его мудрости». Вот так и появились «Письма покойному другу» – книга, в которую вошли статьи, очерки,

эссе, стихи. И посвящена она «светлой памяти большого русского писателя Анатолия Пантелеевича Соболева».

Другой калининградский писатель – Олег Павловский вспоминал: «Шестидесятилетие Соболева отмечали в калининградском Дворце культуры рыбаков. Просторный зал едва вместил почитателей писателя. Анатолий Пантелеевич был внешне бодр, улыбчив и сдержанно, как всегда, весел.

Потом праздновали День Победы. А сутки спустя он сказал:

– В больницу ложусь. Пройду исследования на полный износ...

В конце июня ему предстояло ехать в Москву, на восьмой Всесоюзный съезд писателей. Врачи не рекомендовали бросать лечение, но он не послушался совета.

Перед отъездом Анатолий Пантелеевич выглядел вроде бы неплохо, посвежел даже, но в глазах таилась какая-то непонятная, вселенская грусть. Он по-прежнему подшучивал над собой и над своей болезнью, строил житейские планы.

А в ночь на 29 июня 1986 года позвонили из Москвы...»

Но остались книги, написанные им.

СТРАШНЫЙ ЛИК ВОЙНЫ

Мое знакомство с творчеством Соболева началось со сборника «Пролог после боя», изданного в Москве еще в 1983 году. А еще точнее, с рассказа «Военный хлеб», что вошел в этот сборник. Читая его, я и узнал о судьбе мальчишки, которого «за удивительно красивый голос и легкое беззаботное пение» прозвали Валькой Соловьём. «Первой военной зимой давили Сибирь лютые холода. Прокаленные морозом лопались деревья. Раздирало их с хрустом, как арбузы». Я никогда не испытывал таких морозов, но вот это сравнение деревьев с арбузами помогло понять, что это такое. А уж если и «шумные игры детей по вечерам прекратились», то действительно холод был жуткий. Но тогда еще я не знал, что эти начальные строки рассказа – пролог трагедии.

«В декабре морозы завернули – земля растрескалась». И вот так же «с хрустом раздирало» на две части саму жизнь: на время, «когда еще не было войны», и такое, «когда горе и заботы старших свалились и на ребят». Когда даже Вальке Соловью уже «не до песен было».

И весь рассказ построен так, что многие события как будто разделены на две части, между которыми можно поставить противительные союзы. Слыша «ангельский голосок» Вальки, многие «твердили, что надо Вальке учиться на певца, не зарывать свой талант в землю». Но только выходило, что не до того ему было. Из восьми пацанов в семье он был старшим, а потому ему вместе с матерью, что осталась вдовой, нужно было «думать, как прокормить ораву в семь ртов, а не

музыкой заниматься». К тому же и «рты хоть и маленькие, а ели помногу».

И даже лютые морозы ребятам нравились: можно в школу не ходить. «Сиди дома, занимайся, чем хочешь». «Да только стало с хлебом туго». Постепенно «дошло до того, что очереди стали занимать с вечера». Как началась война, сразу же на базаре подорожали все продукты. Поэтому только хлеб и позволял выжить.

В небольшом по объему тексте чуть ли не половину его занимают страницы, посвященные изображению той очереди, что выстраивалась у хлебного ларька. «Люди толкались всю ночь напролет, чтобы утром получить хлеб. Человеку на руки давали одну буханку». Причем рассказ ведется так, что мы как будто слышим голоса этих людей, поэтому у каждого читателя появляется ощущение, что он сам оказался в этой очереди. Как будто это и он возмущается: «Ладно бы еще занял очередь и стой, так нет – придумали через каждый час пересчитываться. По нужде лишний раз не отскочишь. Если отлучился и без тебя проверили – все, пропала очередь, занимай снова». И читатель тоже понимает, что получать заветную буханку становится все трудней и трудней: «Поначалу, когда морозы еще не набрали силу, стоять в очередях можно было». А потом – «хоть пропадай!» Как тот мальчишка, что «присел на корточки у ларька и задремал». А потом его обмороженного еле спасли от смерти.

А как открывали утром ларек, начиналась в дверях давка. «Кучамала». Пускали людей партиями человек по двадцать, и самые нахальные норовили прорваться первыми. Но вот наконец продрогший на морозе человек оказывался в долгожданном ларьке. И блаженство охватывало его от тепла и сытного духа свежего хлеба. И выходил он из ларька, прижимая к груди заветную буханку. А следующей ночью он снова оказывался в длиннющей очереди, чтобы получить военный хлеб, «черный, клеклый и тяжелый». Такой, что, когда его «ешь, к зубам прилипает». Но который все-таки позволял выживать.

«Как-то раз, уже в полночь, чтобы скоротать время, запел Валька в очереди». Услышали это люди и попросили петь – «так время быстрее бежит». Он и до войны радовал обитателей барака, где жил, своим пением и теперь ломаться не стал. И даже стали его «пускать без очереди», в первой партии. «Ну и пел он за это на совесть». Да только «на морозе вообще петь нельзя». Поэтому и охрип он вскоре. «Потом слег совсем. А через неделю помер».

Но до этого читатель уже узнал, «что в ту зиму Данилка сдружился с Валькой Соловьём». Жили они в одном бараке и учились вместе в восьмом классе. И теперь, когда Данилка пришел в комнату, где жил друг, каждая деталь увиденного на всю жизнь врезалась в его память! Жить и петь бы Вальке Соловью еще много лет, а не лежать «на столе

в гробу из некрашенных досок». Как тяжело видеть его «лиловые губы и черные провалившиеся глазницы». Безобразен лик смерти, но именно впервые, по случаю ее, обрядили Вальку в новую рубаху. А «при жизни он вечно донашивал перешитые из отцовских рубах или материнских кофт». И даже «орава мальков», видя отчаяние матери, испуганно сидела на лавках. И невольно возникает вопрос: «Что будет дальше?» Конечно, им не дадут пропасть, но ведь не исключено, что теперь кому-то «из мальков» придется отправиться в детский дом.

А последний абзац рассказа придает всему повествованию многоплановость: «Ужас охватил Данилку. Ему еще предстояло видеть много смертей, хоронить фронтовых товарищей, самому убивать врагов, но на всю жизнь самой большой несправедливостью, самой острой болью и великой утратой, самым страшным ликом войны вошла в сознание Данилки смерть Вальки Соловья».

Оказывается, что вся эта история – это не только эпизод из жизни, но и воспоминание. Потом уже я увидел, что таким приемом Анатолий Соболев пользовался неоднократно. И это закономерно, потому что для него «реальность – не только то, что происходит с нами сейчас, но и то, что было когда-то. Без прошлого мы не можем жить в настоящем». А у памяти свои законы: она прочно хранит прежде всего то, что когда-то произвело яркое впечатление, поразило.

Поскольку этот рассказ – воспоминание, в нем как будто все время звучат два голоса. События даны в восприятии ребенка, и это обеспечивает живость восприятия. Но осмысливает прошлое человек взрослый, много повидавший и переживший. Поэтому и эпизод из жизни предстает перед читателем как страшный лик войны. Один из многих.

После рассказа «Военный хлеб» я уже твердо знал, что обязательно прочитаю весь сборник.

ПОКОЛЕНИЕ, У КОТОРОГО НЕ БЫЛО ЮНОСТИ

Оказалось, что он весь посвящен Великой Отечественной войне. И это неудивительно, поскольку именно она оказала решающее влияние на формирование личности писателя. В автобиографической повести «Пятьсот-веселый» он об этом скажет прямо: «Там, на войне, были главные годы мои – годы самоутверждения и бескорыстия – годы самые важные для моего существования на земле, самые определяющие в моей судьбе. Все, что было потом, только следствие тех лет, только отголосок, только продолжение».

Фабула этой повести проста: едущий в фирменном поезде в Москву известный писатель вспоминает другую свою поездку. Тогда, в феврале 1943 года, он заканчивал учебу в водолазной школе и готовился к отправке на фронт. Но случилось так, что одному из курсан-

тов лицо искромсал ножом дезертир. Раненого необходимо было срочно доставить в госпиталь. Это и было поручено главному герою повести. Мальчишке, которому еще не исполнилось и восемнадцать лет. Так он оказался в теплушке вместе с умирающим другом.

Предполагалось, что дорога займет часов семь-восемь, не больше. А потому и продуктов никаких они не получили. Морозы свирепствовали лютые, но ведь в теплушке была сделанная из железной бочки печка-буржуйка. Это потом обнаружилось, что дров-то к ней не припасено. И поезд не зря назывался «пятьсот-веселый»: по какому расписанию он шел, не знал никто. То мчался, как угорелый, то часами стоял, чтобы пропустить воинские эшелоны. И поездка растянулась на двое суток. Не поездка, а цепь злоключений. О них-то и повествует Анатолий Соболев. Повествует о том, как пришлось всеми правдами и неправдами добывать дрова на всех остановках, чтобы не погибнуть самому и довести живым своего израненного товарища.

Он пишет: «Мне и самому теперь не верится, что все это было с нами, что это я, сопленос еще, на полном ходу поезда прыгал с крыши вагона в раскрытую дверь. Теперь бы у меня не нашлось ни силы, ни решимости повторить это сальто-мортале».

И опять мы увидим разные лики войны. На одной из остановок в теплушку к главному герою повести комендант «подсадил пассажирку». Девушка ехала в Иркутск. Там, в госпитале, лежал ее отец, раненный в позвоночник. Неподвижный, он требовал тщательного ухода. Мать девушки умерла еще до войны от простуды, трое ее братьев погибли, а бабушка, с которой она жила в последнее время, умерла. Так осталась она одна. «И решила поехать к отцу, пристроиться возле него в госпитале». Любую работу готова была выполнять. Беспокоилась только о том, что не позволят ей остаться, прогонят.

А потом случилось так, что в их теплушке оказались еще двое. Один – инвалид, потерявший ноги на войне и передвигавшийся на плоской тележке с колесиками. На хлеб насущный он зарабатывал тем, что «христарадничал»: играл на гармошке, пел, собирал милостыню по вагонам. Другим был «еще крепкий старик, с окунево-красными зоркими глазами», добротнo одетый и с огромным мешком. Как было не пустить его, просящего «Христа ради». И было непонятно, почему инвалид сразу невзлюбил старика. А потом оказалось, что это было не зря.

В годы войны расплодились мешочники. Они еду меняли на вещи, наживались на беде других. «Сундуки набивали добром, выменивая за горсть пшена или ведро картошки дорогие вещи, у эвакуированных, в основном. Кто лебеду заместо лапши ест, хлеб с отрубями да мерзлую картошку – горе горькое мыкает, а эти жируют на сиротских слезах, нелюди». Им и оказался этот «богомольный» старик, мотавшийся по поездкам ради наживы. Это стало ясно, когда безногий, выхватив у не-

го мешок, «стал вынимать прямо на пол содержимое». Поначалу это были продукты: «большой шмат белого, в три пальца толщиной, с розовой прослойкой сала; наволочка с сухарями; мешочек с солью; слегка надломленный каравай пшеничного хлеба; большой круг замороженного молока, желтоватого от жира, с обкрошенными краями...» А затем «инвалид вытряхивал из вместительного мешка дорогие вещи – шелковые платья, шерстяные кофты, пуховые платки... Перед печкой рос ворох всякой одежды. И все дорогое, красивое...»

Вспоминая те дни, главный герой повести настойчиво хочет понять: «Что ж припадаю я сердцем к тебе, юность моя?» И ответ на этот вопрос становится философским размышлением: «Юность остается в человеке, пока он жив. Нельзя вычеркнуть то, что прожито. Все остается в нас... Там, в юности, человек обретает самого себя, закрепляет духовную сущность свою, зачастую и не догадываясь об этом. Все начинается в человеческой судьбе с того, как прожиты юные годы, какими событиями отмечены они, какими интересами жил тогда человек. Там, в юности, нравственное начало всех начал. И чем чище, чем честнее были они, тем крепче стоит на ногах человек в зрелые годы».

И «теперь, поняв и осмыслив прожитые годы», он называет свою юность прекрасной. И не только потому, что она была «прекрасна свежестью и здоровьем». Он горд тем, что честно прожил ее, «не отошел от судьбы своего народа, разделил с ним все беды и горе, не укрылся за чужой спиной, не слукавил».

А в одном из интервью писатель сказал: «О чем бы ни писал, пишу биографию своего поколения, а значит, и свою». И он хорошо понимал, что там, на войне, были главные годы его поколения. Они прожили «несколько лет только одной думой – думой о независимости Родины, только одной целью – отстоять ее свободу». Поэтому так много было «семнадцатилетних мальчишек, добровольно ушедших на фронт». И поколение свое Соболев называет не только великим, но и трагическим. Еще и за то, что это было поколение, «у которого не было юности»: «Мы оставили ее на войне».

Теперь, умудренный жизненным опытом, он может уверенно заявить: «И годы войны – годы нашего самоутверждения, годы познания самих себя – надежная защита от будничности, от пошлости, приспособленчества, от всякой грязи, измены самому себе».

Поэтому повесть «Пятьсот-веселый» не только изображение различных ликов войны. Это еще и повествование о становлении личности. О том, как вчерашние «мальчишки-сопленосы» становились воинами, поколением победителей. И это тоже одна из основных тем во всем творчестве Анатолия Соболева. Тема вечная, важнейшая для любого поколения молодежи. Очевидно, поэтому его имя и было присвоено детской библиотеке.

Тогда, в юности, после пережитого в феврале 1943 года, главный герой думал, что уже ничего труднее не выпадет на его долю. Но он ошибся. Его, к тому времени известного писателя, обвинили в плагиате. За повесть о «Пятьсот-веселом». «Оказалось, что уже написана книга, очень схожая по сюжету». Но даже тот, кто обвинял автора в плагиате, отлично понимал, что плагиата нет, а потому и действовал анонимками. А все равно «заварилась каша». Совпало множество интересов. «Почему и как все началось?»

Ненависть одних, зависть других и молчание третьих. Первые и вторые – с этими все ясно. Но вот третьи... Нет, они не участвуют в травле. Возможно, им даже неприятна вся эта возня около меня, но они молчат. Что это? Равнодушие? Пассивность? Осторожность? Нежелание пачкать рук? Что заставляет их молчать? Давно известно, что убивают при молчаливом согласии посторонних».

И тогда оклеветанный писатель понял, что «пока совсем не затоптали в грязь, пока не убили клеветой, надо защищаться». Так он оказался в фирменном поезде, который вез его в Москву. Ехал «к обгорелому танкисту». Еще сохранялось фронтовое братство, поэтому он был уверен, что не беззащитен: «Нет, мы еще повоюем со всякими подлецами!» Он хорошо понимал, «что война предстоит затяжная, что еще много сил потребуется, еще много бед ждет – не так-то просто одолеть зло». И удивлялся своей странной судьбе: «Мне почему-то в жизни все время приходится с кем-то бороться, что-то доказывать, что-то все время преодолевать. Порою мне кажется, что я всю жизнь так и не выходил из «пятьсот-веселого», все еду и еду в нем».

Вот так причудливо прошлое переплелось с настоящим, чтобы стать единой реальностью.

ПРАВДА О ТОМ, ЧТО ДЕЛАЮТ ВОДОЛАЗЫ НА ВОЙНЕ

В повести Соболева «Награде не подлежит» подполковник-военком никак не мог понять, почему это у человека, который добровольно семнадцатилетним мальчишкой ушел на фронт, не было ни одной награды. «Станный какой-то случай». А потому и спросил у главного героя: «А что вы вообще делали на войне? Что делают водолазы?»

Как мог, тот пытался рассказать об этом. И не сумел. И вправду выходило, что не было ничего героического в этой нужной и нелегкой, но такой будничной работе. Но то, о чем не сумел рассказать Константин Федотович Реутов, замечательно сделал Анатолий Пантелеевич Соболев. Его повесть и есть ответ на вопросы военкома. И, прочитав ее, мы соглашаемся с главным героем ее, который и сам «понимал, что нелепо получается – всю войну был военным водолазом (сначала у Сталинграда доставал со дна Волги танки, орудия, за-

топленные катера, утопленников, потом на Ладожском озере – баржи, машины, оставшиеся на дне после Дороги жизни; потом на Севере доставал корабли, мины, торпеды, и снова утопленников) – и ни одной награды». А главное – и читатель понимает, что это нелепо.

На всю жизнь запомнил Анатолий Соболев свое «боевое крещение» – первое выполненное им задание. О нем он не раз вспоминал в своих книгах. Но особенно ярко изобразил в романе «Якорей не бросать».

Тогда юный водолаз только прибыл на катер, на котором ему предстояло проходить службу. Он с детства боялся утопленников. Увиденная им в детстве утонувшая девушка потом долго снилась ему по ночам. Но приказ есть приказ, и он должен был искать утонувшего матроса. Когда оказался на дне, удивился, сколько хлама там лежало. Как на городской свалке. Это мешало. Но подсказали, что надо искать под причалом: «Я увидел его между свай. Он белел кальсонами и тельняшкой. Сидел возле осклизлой темной сваи... и хохотал. Я оцепенел. А он сидел на корточках, и, схватившись за живот... хохотал... А я стоял и не мог сдвинуться. Меня просто с ума сводило, что утопленник хохочет. И хотя я понимал уже, что он не хохочет, что это мертвый оскал рта, но все равно мне казалось, что я слышу жуткий хохот, и у меня шевелились волосы на голове».

Оказалось, что утопленник был в такой позе просто потому, что зацепился тельняшкой за гвоздь на свае. Преодолевая страх и брезгливость, водолаз снял его с гвоздя. «И тут случилось неожиданное». Вот как об этом сказано в романе: «Я только хотел перехватить его у талии, чтобы удобнее было всплывать наверх, как утопленник сам обнял меня и заглянул в иллюминатор пустым, темным и всасывающим взглядом, и я близко увидел синевато-белое костяное лицо, черный провал хохочущего рта, и жаркий ужас оплеснул меня. Я изо всей силы оттолкнул утопленника, но он упорно лез ко мне и пытался заглянуть мне в глаза... Я был на грани безумия. Позднее только я понял, что произошло: утопленник зацепился тельняшкой за штырь на моей водолазной манишке, и тельняшка то резиново растягивалась, когда я отталкивал его, то вновь прижимала утопленника ко мне, и пока она не порвалась, я не мог избавиться от него».

Прочтем мы в романе и это: «У каждого есть свое воспоминание о войне, свое самое страшное. Для меня – тот случай, когда вытащили из воды оборванные шланг и сигнал. Был под водой водолаз, но рванула авиабомба, разнесла его в клочья, и выбрали мы на катер пеньковый канат – сигнал и обрезанный взрывом воздушный шланг, по которому еще подавался и с шипением выходил воздух, и шланг от напора извивался на палубе, будто передавались ему муки погибшего водолаза.

С тех пор стоит у меня в глазах тот живой, извивающийся резино-

вый шланг, будто передающий конвульсии умирающего человека там, под водой, как последний знак его жизни, знак войны».

А ведь это сказано о том самом мичмане, который командовал подъемом утопленника. Он и был командиром катера. А еще виновником торжества, на которое угодил вновь прибывший «семнадцатилетний салажонок». Мичман «только что вернулся из штаба флота, где сам командующий вручил ему орден Красной Звезды».

Во время поиска утопленника новичок обнаружил пятисоткилограммовую авиабомбу. Она после вчерашнего авианалета ушла в грунт и не разорвалась. Все корабли отошли от причала и стояли на рейде. А юный водолаз после подъема утопленника отправился выполнять новое задание. Он нашел бомбу, поймал брошенный с лодки шкертик с грузиком на конце и с третьей или четвертой попытки набросил петлю на торчавший из грунта черный стабилизатор. Буй был поставлен. Оставалось подложить под бомбу противотанковую мину. Теперь, когда все его страхи были позади, новичок был готов сделать и это. Но ему ответили: «Хватит с тебя и утопленника на первый раз». Пока он «сушился возле печки, с блаженством впитывая тепло, мичман спустился в воду». Для опытного водолаза задание было несложным: подложить под бомбу противотанковую мину, а потом «сапер крутанет свою адскую машинку на берегу – мина взорвется, бомба сдетонирует». Поэтому «что произошло там, на дне, так и осталось тайной. Почему бомба взорвалась: ударил ли ее случайно мичман, или пришел час сработать взрывному механизму? Ответа нет». Так же, как и на вопрос, который задает вспомнивший все это бывший водолаз: «И какая спасительная звезда воссияла в тот миг надо мною и провела через всю войну живым?»

Кессонная болезнь или «кессонка» – страшное для водолаза слово». Когда «вскипает» не успевший выйти из крови азот и рвет кровеносные сосуды. Соболев не понаслышке знал, что это такое. Он и сам испытал то, что выпало на долю главному герою его повести «Награде не подлежит»: «В глазах стоял багровый туман. Казалось, режут тело чем-то раскаленным... Казалось, он чувствовал, как под кожей вспухают и лопаются пузырьки, отдирая кожу от мяса».

Ужасны последствия этой болезни. Долгое время тело делается нечувствительным, и человек даже не ощущает уколы иголкой. Очень часто потом наступает смерть. Анатолий Соболев выжил.

Прав Анатолий Лунин, написавший о своем друге: «Он не бедовал в окопе, не ходил в разведку, не схватывался с врагом в рукопашной. Но подвергал свою жизнь опасности не меньше тех, кто находился на передовой».

Прав и Олег Павловский, который, объясняя преждевременную смерть своего собрата по перу, написал: «Не выдержали изнурительной нагрузки кровеносные сосуды, подорванные «кессонкой» еще в Отечественную».

Анатолию Соболеву повезло больше, чем Константину Реутову. Его служба отмечена наградами: орденом Отечественной войны второй степени; медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Но, похоже, и ему не раз приходилось слышать о себе, что служил он «всего лишь водолазом». И как свидетельствует Олег Павловский: «Это тоже была его боль давняя, застарелая».

ВЕЛИКАЯ СЫНОВЬЯ ЛЮБОВЬ К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

В повести «Пятьсот-веселый» главный герой ее, знаменитый писатель, вспоминает, как писал свою первую книгу. Жил он тогда, бесквартирный, «в кабинете большого русского писателя, сердобольно пригревшего» молодое дарование. Первым читателем ее и был хозяин квартиры. Не зря он был «любим всеми, кому дороги живое образное слово и честность в литературе». Для главного героя повести меткие замечания писателя, безжалостная критика им промахов и неточностей стали настоящей школой мастерства. На всю жизнь запомнились слова: «Пиши достойно памяти павших! Не суетись!» Предположу, что это и стало писательским кредо Анатолия Соболева.

Но обратим внимание и на эти слова в рассказе «Пролог после боя»: «Все послевоенные годы из туманной синевы, из пороховой гари идут и идут ко мне солдаты, так и не снявшие кирзовых сапог с натруженных ног. Прихрамывая, не торопясь, появляются они из дальней дали, былинные витязи земли русской с заплечными тощими солдатскими «сидорами» и оружием, готовым к бою. Приходят, курят махорочные сигарки, перематывают созревшие портянки и смотрят на меня. Мудро, как люди, познавшие на себе все, даже смерть. Молчаливо спрашивают – смогу ли я рассказать о них правду, одну только правду и ничего, кроме правды».

Так Анатолий Соболев сам сформулировал сверхзадачу всего своего творчества. И он не подвел, не обманул ожиданий этих солдат. У него хватило силы и умения «рассказать о них, святых и грешных, показать такими, какими они были на самом деле».

Задумаемся и над этими словами: «И опять напряженно, до боли в висках, всматриваюсь в них, хочу понять, хочу постичь – где истоки их мужества и любви к земле родной». Книги Соболева дают ответ и на этот вопрос.

Все начинается с детства. У Анатолия Пантелеевича оно было деревенским. В рассказе «Звенит в ночи луна» писатель проявил себя как человек, чутко ощущающий красоту природы, как замечательный лирик. Даже название рассказа похоже на строку стихотворения. Трое друзей, деревенских мальчишек, и дед Савостий, райисполкомовский конюх, гонят коней в ночное. И ничего особенного вроде бы не происходит.

Мальчишки купаются и купают коней. А через какое-то время дед Савостий предлагает пировать. «Но тут же забывает про еду и, приложив к уху ладошку трубой, внимает песне». Это «поют на том берегу косари». Да как поют! «Оцепенело озеро, не шелохнется камыш, утихли холмы, на полувздохе замерли мальчишки, зачарованные силой и красотой песни». А когда она стихает, «мальчишки долго еще сидят в просветленной грусти, в сладостной задумчивости, еще не понимая, но чужая сердцем свою причастность и к этой дивной песне, и к этой земле, и к этому теплому вечеру».

Но вот «картошка поспела». И начинается пир. Однако какая же она вкусная эта печеная картошка, куски которой мальчишки «глотают, как утята, и запивают студеной водой из мятого котелка!» И «дед, выкатывая хворостиной картофелины из костра, говорит, как внукам, добрая лицом: «Ешьте, наводите тело». Счастлив тот, кому доведется встретить в жизни такого человека, как он. «До старости сохранил дед Савостий младенческое удивление перед жизнью, чист и бескорыстен, как ребенок». Потому и «среди мальчишек – он свой, допущен в детский мир на равных правах. Сменяются поколения деревенской детворы, а дед Савостий неизменно остается для них другом и советчиком».

Поэтому и Данилка, услышав «тихий, нежный звон», «этот загадочный звук», поверил деду, что это «луна звенит». И старательно внимал словам его: «Ты на землю-то свою гляди. Глаза-то в руки возьми – и гляди, гляди. А то мы топчем-топчем ее, а видеть не видим, чего под ногами-то... Ты гляди, гляди на ее. Сердцем гляди-то, душой».

Данилка глядит. И через неморгающие глаза его, как через распахнутые настезь ворота, вливаются в сердце и эта ночь, и эта тишина, и эта луна».

Любили мальчишки слушать Савостия. А он «в ночном, у костра сказки сказывает или про ранешнее житье-бытье повествует». А в этот раз дед повел рассказ о колчаковщине на Алтае: «Колчаки, они и есть колчаки. Нелюди. Уйму народу погубили». И поведал, как и его расстреливали: «Пуля со скользом прошла». Разве забудется такое? Вот и «Данилка слушает деда и внутренним зрением видит памятник на увале, туда в мае носят цветы. Под обелиском братская могила тех, кто боролся за советскую власть».

Ранним утром возвращались они из ночного. Теперь мальчишки ехали шагом. «Коней гнать нельзя – им и так предстоит целый день работать». Всего одна ночь, а какой неизгладимый след она оставила в душах этих ребят! Поэтому таков заключительный аккорд рассказа: «Много раз видел Данилка свою землю, родился на ней, избегал ее босыми ногами, но в этот утренний час она явилась ему совсем другой, новой и необычной, и что-то пронзительно-счастливое вошло в серд-

це, и он задохнулся от нахлынувших чувств, еще не понимая, что пробудилась в нем великая сыновья любовь к родной земле».

Трое друзей, сидевших в ту ночь у костра, еще не ведали, что «предстоит им воевать в самой жестокой из войн». И «двое останутся лежать в чужой земле, вдали от родимых мест». Но уже было ясно, что никакой самый лютый враг не сможет «отобрать вот это поле, это озеро, эту тишину». Не сможет, потому что это и есть Родина.

ЧТОБЫ ЖИТЬ ДОСТОЙНО ПАМЯТИ ПАВШИХ

В своих книгах Анатолий Соболев так часто вспоминал отца, что мы можем воспроизвести биографию этого человека. А повесть «Грозовая степь» имеет такое посвящение: «Памяти отца-большевика». Главный герой ее, Лёнька Берестов, гордился своим отцом. Еще бы: «Со всеми белыми генералами воевал. И стрелять метко научился». И обидно становилось мальчишке от мысли, что «опоздал воевать в Гражданскую». А кроме того, как много пережил и повидал отец, «и где только ни был!» А в романе «Якорей не бросать» прочтем и такое признание: «Чем больше проходит лет, тем острее и больнее ощущаю отсутствие отца. Видимо, только годы высветляют личность человека, только время и расстояние определяют ценность и истину его».

Одна из глав его называется «Картинка из «Огонька». Ее наклеил на переборку кубрика тот, кто располагался в нем раньше. Цветная репродукция картины, на которой изображены отдыхающие после бешеной конной атаки красноармейцы. «Рядом с бойцами отдыхают сабли с эфесами, похожими на вытянутые шеи хищных птиц». И один из этих «богатырей» напоминает писателю отца.

И по всему видно, что это всего лишь короткий привал. «Может, вот сейчас, вскинув боевую трубу, заиграет горнист тревогу и раздастся протяжный клич командира: «По ко-о-оням!». И взвьется пыль из-под копыт». А потом опять – в бой за новый мир, где «жизнь будет прекрасна, люди будут равноправны и каждый друг другу будет брат».

И автор романа, глядя на эту картинку, пытается понять: «Почему я все время с ними? Рядом с отцом». И в самом деле многое в характере Соболева от поколения большевиков, к которому принадлежал его отец. Для них достойно прожить жизнь означало отдать «все силы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества». И Соболев в своем романе размышляет о судьбах всего человечества. «Страшнее Врангеля обывательский быт», – написал когда-то Владимир Маяковский. А вот запись из дневника Соболева: «Чего-то не стало хватать. Видимо, жизненного накала, какой-то обжигающей струи, стал постепенно увязать в трясине благополучия, в нелепой и ненужной суете». Появилось «тревожное ощущение ограниченности отпущенного судьбой времени», и «с обнаженной ясностью» он стал

понимать, «что годы прошли, а ничего не сделано». Возникшее «тревожное чувство неудовлетворенности» и «погнало в море».

И это написано человеком, который к тому времени являлся автором нескольких повестей и множества рассказов, лауреатом нескольких литературных премий! Такова была мера требовательности Анатолия Соболева к самому себе.

Бывший военный водолаз Константин Реутов, хотя и «не подлежал награде», удостоверение ветерана войны все-таки получил. И на открытие памятника павшим, что намечалось провести 9 Мая, военком его тоже пригласил. И все поначалу происходило по намеченному сценарию: «грязнул марш, кто-то разрезал ленточку, и покрывало медленно сползло, обнажив серую бетонную стелу, из которой выступали высеченные жесткие солдатские лица в касках», вспыхнул Вечный огонь, и началось возложение венков. А потом «дождь, как назло, расходился. Многие пораскрыли зонты, устроители торжества заторопились. Снова грязнул марш. Пионеры бойко прошагали мимо памятника и Вечного огня, за ними спорым и красивым шагом прошли спортсмены, а потом потянулись ветераны».

А вот как заканчивается повесть: «Припустил дождь. Толпа стала редеть, расходиться». Начальство тоже посчитало, что пора заканчивать торжество. И только «оркестр гремел наперекор дождю: «Это праздник с сединою на висках...» Молодые музыканты, сдвинув брови, не сводили глаз с вдохновенного лица дирижера, выдували из труб мощные набатные звуки вслед уходящим людям, и шаг людей стал короче, они оглядывались, кое-кто в нерешительности остановился. Было что-то возвышенное и гордое в звуках оркестра, который наперекор хлещущему дождю гремел литаврами, звал к себе, требовал, приказывал. И люди подчинились властной силе и красоте. Начавшая было редеть толпа вновь стала густой». Люди возвращались к памятнику павшим.

И реалистическое изображение становится символом: «Из потемневшей от дождя стены выступали бетонные лица солдат. Пелена воды размыла, смягчила резкие грани, и казалось, живые уже солдаты идут и идут из дальней дали, из пороховых лет, из дождя, из дыма, из огня... Идут на призыв литавр, идут на встречу с живыми. Что-то единое, нерасторжимо-могучее охватило людей. Мокрые люди стояли перед бетонной стелой, каменные солдаты и живые смотрели друг на друга – глаза в глаза».

И может быть, ради того, чтобы такое происходило не только 9 Мая, чтобы не порвалась связь времен, и писал свои книги Анатолий Соболев.

Для того, чтобы люди старались жить достойно памяти павших. Как старался жить он.

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

ДОРОГА В СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ

Очерк

I. ДОРОГА

Мысль о путешествии в Николо-Сольбинскую обитель – русский православный женский монастырь, единственный в мире, имеющий сразу три (!) колокольни, так-таки и воплотившаяся в жизнь тринадцатого июля две тысячи двадцать четвертого года в день праздника Православной церкви – Собор двенадцати апостолов, отмечаемый на следующий день после празднования памяти первоверховных апостолов Петра и Павла, возникла у меня как-то вдруг – неожиданно-негаданно, но не просто так (хотя это я понял потом, а не сразу, однако наверняка). Мой одноклассник Павел, с которым мы не встречались чуть ли не со школьного выпускного бала, то бишь уже более сорока годов, пригласил меня на фестиваль колокольного звона в эту самую святую обитель. Он рассказал, что является соорганизатором этого мероприятия, а кроме того, еще и примет в нем участие лично, потому как сам служит звонарем в храме Архангела Михаила, что в селе

Юрий Геннадьевич Александров родился в Самаре (Куйбышев) в 1966 г.; Пишет рассказы, стихи, пьесы, философские размышления, очерки, эссе.

Член российского литературного объединения «Национальная ассоциация драматургов».

Автор сборника рассказов и художественных очерков «Часовой памяти».

Печатался в литературно-публицистической газете «Литературная Россия», в литературно-художественных и публицистических журналах «Истоки», «Север», «Параллели», «Сибирский Парнас», «Двуречье», «На Русских просторах» и др.

Лауреат Международного конкурса современной духовной художественной литературы «Молитва» (рассказ «Дорога в святую обитель»).

Живет в г. Домодедово Московской области.

Загорново Раменского района Московской области, уже много-много лет.

Нужно, признавшись, упомянуть: сходу благодарно приняв предложение Павла, безусловно, интересное и впечатляющее, изучив в дальнейшем различные маршруты и способы перемещения в ту пúстынь¹ из своего нынешнего пристанища – с противоположенной стороны Московской области, я рассчитал, что на одну только ее колесную составляющую в оба конца – от дома до обители и обратно – придется никак не менее десяти (!) часов. Учтя же, что по дороге мне предстоит сделать двенадцать (!) пересадок с одного вида транспорта на другой, то есть мое путешествие непосредственно привязано к расписанию автобусов, электричек и маршруток, мне вменяется также принять и следующее неизбежное: она – дорога – назначает время моего выхода на нее на 04:00 и приводит стрелки часов возвращения в мои пенаты к циферблатному апогею – к 24:00. Значит, все мое путешествие займет без малого сутки! Ошалев от такой перспективы и усомнившись, выдержу ли я все это чисто физически – опасаясь, что мой личный «апогей» наступит раньше циферблатного, я тут же принялся искать повод для себя и оправдание перед Павлом: как бы так обставиться какими-нибудь «причинами» невозможности выполнения моего обещания «буду обязательно!» и «не премину!» – ну, чтобы не ехать.

Однако практически накануне колокольного фестиваля в моей жизни произошло скорбное событие – скончался мой старший двоюродный брат Артур, с которым мы были духовно близки, который помогал мне в делах и научил многому. Это и определило: «Каких бы усилий это мне не стоило, но я обязательно посету это святое место – пусть все дорожные препоны и возможные путевые испытания обратятся как бы моим паломничеством!» А посему ехать нужно – всенеременнейше! К тому же моя житейская опытность давно мне доказала, что в мире ничего просто так не случается: ни в явлениях, ни в замыслах, ни в поводах или причинах к их непременно воплощению.

Итак, пошли-поехали.

Я поставил будильник на три тридцать утра, дабы перед выходом успеть выпить чашку кофе, покормить свою кошку и своевременно

---

¹ Пúстынь – в православной, русской в частности, традиции – келья, скит или монастырь, располагающийся в пустынной, незаселенной местности или значительно удаленный от основного монастырского поселения.

прибыть в точку начала своего паломничества – автобусную остановку, с которой на дежурном автобусе для сменного персонала окрестных предприятий добраться до железнодорожной станции, находящейся в нескольких километрах от меня. Чтобы уже с нее на первой же электричке отправиться в свое пятисоткилометровое путешествие.

Проспал всего-навсего три часа, меня что-то пробудило еще до сигнала будильника, сразу же настроив мою нервную систему на взволнованное равновесие, показавшееся мне почему-то естественным. Хотя, наверное, и потому, что накануне я лег почивать лишь с одной данной себе установкой – не проспать! И вот, открыв глаза, я еще не успел подумать, дескать, не пора ли вставать, а заведенный сигнализатор точно в установленный ему срок, разразился неистовыми воплями: «Встать! Вста-ать! Вста-а-ать!»

Пропуская подробности щепетильных сборов в дальний путь, а также нюансы многократно за многие годы проделанного мною пути – от моего пристанища до города Сергиев Посад, продолжу с того момента, когда я уже прибыл на его железнодорожный вокзал и даже чуть дальше. Начну с того, что я, заняв свое место во вполне комфортабельном автобусе межрайонного сообщения, отправился с городского автовокзала до села Нагорье. Кстати, в том селе есть чему подивиться. К тому же оно находится всего-то в сорока пяти километрах (против пятисот, к преодолению которых я уже приступил) от города Переславль-Залесский, входящего в Золотое кольцо России. В Нагорье мне следовало поменять колеса еще раз, чтобы на маршрутке местного значения уже через каких-то двадцать – двадцать пять минут прибыть в пункт моего устремления – Николо-Сольбинскую киновию². Конечно, есть, ну, по крайней мере, была возможность добраться туда и прямым единым автобусом из Москвы. Но расписание его движения уж больно жиденько-хлипенькое. Да и транспортно-пересадочные перипетии всегда добавляют впечатлительную гущу в скудное ожидание маршрутного конца.

Да, замечу, что чрезвычайно повезло с погодой: ясное небо с небольшими перистыми облачками, щекочущими глаза своею утреннею девственностью, сбивающимися то там, то сям в скромные венчики, не бросающие при этом и пятнышка тени ни на что, а лишь придающие шарм лазуревой вышине над головой, подчеркивали его беско-

---

² Киновия – монастырь с общежительной формой проживания послушников (в отличие от кельи и скита), которым руководит игумен/игуменья.

нечность, чистоту и непредвзятость. Хотя гидрометцентр и назначил погоде быть сегодня переменчивой, ничто не давало и капли сомнения, что эта поездка не останется не запечатленной во мне на долгие года, а коли сподобиться, то и навсегда.

С автовокзала Сергиева Посада мы отправились точно по расписанию в 09:30. Объезжая центральные, полные туристов и светофоров улицы по старинным улочкам и переулочкам, полупустой автобус уже через пятнадцать минут и без особой натуги выбрался из городской застройки за ее черту. Урбанистическая архитектура и мирская суета скрылись долой и из глаз моих, и из водительского зеркала заднего вида, как будто бы всего этого каждодневного человеческого бытия в них и не бывало, очистив взоры для постижения иной красоты.

Мы въехали в другой мир – волшебный своим безмятежным спокойствием, полной чашей и бескрайней радостью. Так всегда представляется гостям чужая жизнь: мол, сплошь чудеса природные нерукотворные, обустроенность ладная, за так кем-то данная, заполненная манной небесной, да беззаботье всех и каждого в абсолютном счастье.

Мчались мы по этому счастливому новому миру без толчков и привередливостей, миру сказочных полей и лесов, холмов и болот, время от времени охотливо и бесстрастно перемежающихся между собой и меняющимися друг с другом местами. Правда, иногда, ну так, для разнообразия, чудесная сказка за окном притормаживала, спотыкаясь о свои небольшие, порою древние веси³, чаще проскакивающие мимо нас почти незамеченными, потому как автобус, чуть пригашая свою скоростную удаль, останавливался буквально на минуту только в некоторых из них, да и то лишь по требованию. В остальном же – звенящая чистыми колокольцами да бубенцами полудикая первозданность. Приставка «полу» к слову «дикая» оставалась неотъемлемой его частью весь путь нашего следования и только потому, что мы ехали и в самом деле в нестаром, прибабашенном всяческими гаджетами автобусе, по добротной двухсторонней асфальтированной со свежей разметкой трассе с артикулом 46К-8400 – вполне земной и цивилизной и почти без перекрестных помех.

Но все это не умаляло, не коробило высокопарных впечатлений. А скорее, наоборот, подчеркивало на контрасте то, что дорога наша – праведная, что все это и есть наша жизнь, наша страна, проклады-

---

³ *Весь (уст.) – деревня, селение.*

вающая свой истовый путь и истово же по нему идущая. И все мы – и в ней, и на этом пути – не гости, не попутчики, не мухи на возу, отнюдь, но резиденты, то есть граждане своей – нашей страны России на все сто. И это едино и всецело! А еще и то, что все наносное и скверное сгинет в свой срок и изыдет⁴ из нашей жизни, провалится в тартарары, когда наступит тот благословенный миг.

Я алкал красот Смоленско-Московской возвышенности, упивался ими и не мог насладиться вдоволь. Она поражает своей непохожестью на какие-либо другие физико-географические автономии: здесь и высокие холмы, они же низкие горы – где-то абсолютно лысые, где-то заросшие всем чем угодно, и бескрайние урочищные равнины с лесами и перелесками, с полями и лугами, с бесчисленными речками и речушками, с непроходимые болотами и марями⁵, трясинами и топями. В летний зной равнина представляется то ухоженными полями или разноцветными лугами, то выжженной степью, разрезаемыми лесными клиньями и перелесочными клинками. Все показанное она постепенно уводит за черту горизонта или же упирает в трепещущую в дальнем мареве лесную ленточку, больше похожую на горную грядку или же на мираж на столь неизмеримом на глазок расстоянии. Или заменяет их долготу на поднимающиеся перед глазами до небес непроглядные боры и чащи. Время от времени странствующий оказывается то на дне лощинной долины, то как будто бы на вершине лобного плоскогорного плато. Оттуда, с вершины, пред его взором распахиваются наши бескрайние просторы, сравнимые разве что с природными широтой и открытостью души русского человека.

Феерическое буйство полевых и луговых цветов, злаков и разнотравной дурнины⁶ – люпина, пижмы, ромашек, рапса, сурепки, ковыля, репешки, репейника, всеми своими цветами и оттенками белого, розового, красного, фиолетового, лилового, зеленого, золотого, желтого – являлось повсеместно. Разноцветья, уж я и не знаю, каким образом и по чьему повелению, то сбиваясь полковыми коробками, как на праздничном параде – по видам и родам войск, то смешиваясь друг с другом, как по команде «вольно, разойдись», или же как трудящиеся на первомайской демонстрации, то кучкующиеся, то разбредающиеся, встречали и провожали нас на всем пути, приветливо гордясь собой, наполняя наши глаза белой завистью к их стройной и

---

⁴ *Изыйти (уст.) – выйти наружу, из себя.*

⁵ *Марь – болото, с выросшими на нем деревьями.*

⁶ *Дурнина – сорная и/или неухоженная растительность, в частности травянистая.*

одновременно безмятежной жизни. Издали эти поля походили на лоскутные одеяла с калейдоскопическими в своей неповторимости и изменчивости узорами, которые когда-то шили мои бабушка и мама.

С бесподобием лугов и полей конкурировали лишь соль же чудотворные величественные лесные чащи. Мы влетали с открытых просторов в густые кущи, как-то вдруг, без прилёсковых прелюдий – р-р-р-аз! – и мы уже там, как в детском фильме «Сказка о потерянном времени»⁷. Световая ярость в одно мгновение оборачивалась вечерними сумерками. С непривычки от такой резкой перемены глазам казалось, что свету пришел конец, что его вмиг вырубил. Обратный процесс – выезд из чащобы – происходил столь же стремительно: враз за окнами автобуса вновь являлся озаренный праздничный парад, как будто бы по какому-то чародейскому мановению в кромешной темноте начиналась яркая, сочная, неестественно контрастная круговая кинопанорама.

Дорога то плавно поднималась, то полого спускалась. На двух или трех ее отрезках она взмывала вверх, а потом стремглав бросалась вниз, да так, что при подъезде подъем был виден за километр, а при спуске – о его конце невозможно было и догадаться. Несколько мест напомнили мне езду по горному серпантину – с крутыми поворотами на углах холмов перед глубокими, заросшими дурниной оврагами, на дне которых случались или непроходимые балки, или затиненные болота.

По пути мы пересекли множество малоприметных, а иногда картинно живописных ручейков и речушек с самоговорящими названиями – Дубна, Шустра, Чёрная, Берёзовка, Волинка, Каменка, Мечка. Самой широкой предстала река Нерь, или Нерь Клязьминская, что означает «лей», впадающая в Волгу. Саму же Нерь питает речка Сольба, на берегу которой и устроилась та обитель, куда я держал свое посольство. Некоторые уречья⁸ местами были обустроены незатейливыми, но удобными обихожеными песчаными пляжами.

Кстати, название реки «Сольба» этимология⁹ относит, как один из вариантов, к угро-финским корням и толкует как «живая вода». Или же как «посольство», то есть «посещение» кого-либо или «прибытие» куда-либо.

---

⁷ Художественный фильм-сказка, 1964 г., режиссер-постановщик Александр Птушко.

⁸ Уречье – береговая полоска вдоль реки.

⁹ Этимология – наука, раздел лингвистики, занимающийся историко-структурным происхождением слов.

Взгляд кидался слева направо и обратно, стараясь разглядеть и объять и запечатлеть все, до чего он дотягивался, к чему прикасался, что никак нельзя было пропустить. Не исчезающий, явственный восторг от всего этого зрелища и поминутное желание взять, да и умолить водителя замедлить ход, а лучше и вовсе остановиться, чтобы выбежав из автобуса, смешаться самому с этим трепещущим, блаженным разноцветьем, дабы поближе, повнимательнее рассмотреть и тактильно ощутить все краски. А еще б лучше – с разбега бухнуться в это блаженство всем своим телом, сознанием и душой, что в унисон вопияли: «Ты ищешь смысл? Он – в гармонии!»

А мы все ехали и ехали. Душа плыла по волнам блаженственного созерцанья. Тогда мне вдруг захотелось, чтобы эта дорога к храму не кончалась никогда. И как потом окажется, с такой же жадной я пожелаю не покидать ту святую обитель, до которой все-таки доберусь точно в срок.

Это просто был какой-то абсурд, ну, в лучшем случае сюрреализм – одновременные и стройность, и хаотичность всего творившегося и вокруг, и внутри меня. И лишь по причине спершегося в зобу дыханья, да еще и из-за того, что мы все ж таки ехали в рейсовом автобусе, шедшем строго по расписанию, утвержденному местным АТП, ни я, ни кто другой так и не решились принудить водителя прервать его беспрестанную монотонность – профессиональное выполнение своей работы, дабы, раскрыв чакры, познать прелесть гармонии окружающего нас мира.

Наивысшей же точкой на пути нашего следования – на шестидесятисемиметровой высоте над уровнем моря – стало село Нагорье, где я сделал пересадку на маршрутку. И уже менее чем через полчаса предстал перед воротами охранной белокаменной стены святой обители, расположившейся посреди расступившегося перед ней южно-таежного соснового леса, наполненного памятными запахами Балтийского взморья.

Вдруг, на мгновение задержавшись под арочным входом с иконой святителя Николая и с частицей его мощей над ним, оглядевшись по сторонам, словно чего-то ища-то ли чтобы не оставить свое, то ли чтобы найти иное, не знаю уж чего или кого – силы в себе или чью-то поддержку, перед моими глазами в один миг промчалась история всей моей прошлой разнообразной жизни, а я в ней – и герой, и зритель. Тогда я еще не знал, не разбирал, а оттого и не понимал, как необъяснимо схоже мое прошлое в переломах моей судьбы с историческими претерпением этой пустоши.

Я перешагнул порог и вошел в обитель.

II. ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

История зарождения Николо-Сольбинского женского монастыря берет свое начало в глубокой древности и исходит от мужской пустыни святителя Николая, появившейся на реке Сольбе на Быльцыном поле в четырех километрах от нынешнего своего месторасположения. Точной даты возникновения той пустоши не известно. Но в писцовых книгах¹⁰ первой половины XVI века имеются сведения о ее наличии и сельскохозяйственной деятельности, по которым возможно сделать вывод о том, что в конце XV века святая пустынь уже существовала.

В 1506–1511 гг. там же на Быльцыном поле зарождается Николаевский пустынный монастырь на Сольбе, который по определенным косвенным обстоятельствам возможно связать с самим преподобным Сергием Радонежским. В Смутное время¹¹, примерно в 1609 году, оба монастыря были полностью уничтожены польскими захватчиками.

Второе рождение обители произошло в 1710 году, когда по прошению архимандрита Варлаама (в миру Высоцкий)¹² – духовника императриц Екатерины I и Анны Иоанновны, земли разрушенных монастырей были переданы в ведение Борисоглебскому Песоцкому монастырю. Варлаам всю свою жизнь имел особую заботу о Сольбинской пустыни. Его трудами и на его личные средства там были построены каменный Успенский храм и деревянная Никольская церковь с приделом великомученицы Варвары. После пожара 1725 года церковь под попечением отца Варлаама была вновь отстроена и им же освящена, он продолжил обеспечивать монастырь необходимой утварью и всячески его поддерживать вплоть до своей кончины.

Но в конце XIX века монастырь пришел в полный упадок. Поэтому в 1903 году он был преобразован из мужского в женский. Настоятельницей была назначена игуменья Макария (в миру Скудина), при кото-

---

¹⁰ Писцовые книги – делопроизводственная документация, которая составлялась в России в XV–XVII веках в ходе и по результатам писцовых описаний земельных угодий, городской и сельской недвижимости, данных о составе населения и возложенных на него податях и повинностей.

¹¹ Смутное время – период истории государства Российского с 1598 по 1613 год, начавшийся со смены царской династии Рюриковичей и завершившегося воцарением на русский престол Михаила Фёдоровича – первого правителя Руси из династии Романовых. На этот период приходится и правление Бориса Годунова, и приходы Лжедмитриев, и польско-литовская и шведские интервенции, и освободительный подвиг Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, и крестьянское восстание Болотникова, и интриги бояр Шуйских.

¹² Родился в 1665 г. в селе Домодедово Подольского уезда Московской губернии, скончался 25.07.1737 г. и захоронен в Свято-Троицкой Приморской пустыни.

рой обитель достигла подлинного расцвета. Здесь подвизалось более 100 сестер, имелось обширное хозяйство и немалый достаток.

Начавшаяся в начале прошлого века очередная смута, а затем – Первая мировая война (1914–1918 гг.), революции 1917 года и последующая на ними Гражданская война (1918–1922 гг.), вновь круто изменили смиренный уклад святой обители. Так, в декабре 1918 года в помещениях монастыря была образована коммуна. Там же располагался еще и детский дом.

Однако уже в 1923 году все эти мирские образования на территории монастыря прекратили свое существование. Хотя монахини и продолжали посещать его Успенский храм, в 1937 году помещения монастыря все же были закрыты. Несмотря на это игумен Игнатий (в миру Савочкин), настоятель Успенской церкви с 1923 по 1937 год, продолжал тайно духовно окормлять¹³ прихожан, включая и полторы дюжины сестер послушниц. Община принимала новых членов, отец Игнатий совершал тайные постриги.

Усилившиеся же гонения на веру привели к полному изничтожению паствы и разгону монахинь, две из которых – Анна Никитина и Агриппина Кукушкина – попали в заключение. 20 августа 1937 года игумен Игнатий был расстрелян. Вместе с ним казнили и иеромонаха Паисия (в миру Елисеев), проводшего в храме всего две службы. Место их захоронения не известно до сих пор.

В конце 1930-х годов монастырь вновь стал пристанищем для социально не защищенных, в нем открыли Сольбинский детский дом № 4 смешанного типа, то есть для мальчиков и девочек. В 1940-х годах там находилось около 40 детей – с двухлетнего возраста и до 9-го класса. В конце 1940-х – начале 1950-х годов там же расположили еще и интернат для инвалидов Великой Отечественной войны.

В 1954 году Сольбинский детский дом ликвидировали. Спустя семь лет та же участь постигла и интернат для инвалидов. На их месте была создана областная психиатрическая больница. 13 сентября 1994 года психиатрическая больница была закрыта. А полуразрушенные и изуродованные строения монастыря возвернули в лоно Русской православной церкви.

26 января 1999 года настоятельницей Николо-Сольбинского женского монастыря была назначена монахиня Еротида. Первого февраля она прибыла туда с тремя послушницами. Во многих лишениях, но

---

¹³ *Духовное окормление (церк.) – пастырское попечение о спасении, заключающееся в духовном наставничестве и молитве; духовное наставничество вообще.*

с истовой верой они приступили к возрождению и восстановлению святой обители...

С тех пор трудами, стараниями и верой игумении Еротиида, сестер обители и других добрых людей святая пúстынь обрела новую жизнь. Теперь в монастыре построено и достраивается 12 храмов (храм Святителя Спиридона Тримифунтского, храм Святителя Николая, Успенский храм, храм Блаженной Ксении Петербуржской, храм Преподобного Сергия Радонежского, храм Мученицы Валентины и другие), часовня, купальня на одном из природных источников реки Сольбы, жилые и хозяйственные помещения, рукодельные мастерские. Создан медицинский центр. При обители открыты детский приют, общеобразовательная школа и профессиональный колледж, детский сад и ясли. Воспитанницы школы и колледжа получают всестороннее – и духовное, и светское образование, обучаются музыке и пению, живописи и иконописи, различному рукоделию, театральному искусству, кулинарии.

Настоятельница Николо-Сольбинского женского монастыря игумения Еротиида (в миру Гаджу Елена Михайловна) родилась в Кишиневе в 1965 году, 18 октября. В 2015 году матушка Еротиида удочерила девочку из дома малютки. А теперь у матушки уже семь удочеренных ею деток, старшей из которых девять лет. Первого июня 2021 года матушка Еротиида получила высокую общественную награду – нагрудный знак I степени «Мать-героиня».

Возрождение Николо-Сольбинского женского монастыря могло случиться и случилось лишь благодаря истовой православной вере, беззаветному усердию, праведному труду и служению многих людей: и тех, кто обрел себя в обители, и тех, кто к сему сказанному выше оказался неравнодушным.

Отчего и почему жизнь и судьба монастыря, словно человека, приключилась именно так, как произошло?. Почему я... здесь? Не крещеный, невоцерковленный, не отшельный – с трепетом в сердце и ураганным стремлением ума. Но при этом – без надсады спокойный и даже как будто бы умиротворенный. Ну не здравого же сознания лишившийся я в конце-то концов! «Почему» – вот задача!

III. ОБИТЕЛЬ

И вокруг в воздухе, и внутри меня – в сознании и душе завитало что-то малопонятное, а потому еле уловимое ощущение. Хотя оно же вроде бы как и знакомое, но почему-то позабытое, а ныне вдруг вско-

лыхнувшееся чувство – чувство благостного удовлетворения и успокоения. Нежданная безмятежность, словно караулившая и ожидавшая меня, как будто бы давно уверенная в моем непременном приходе, объявилась враз и уж не покидала меня.

Уединив свое сознание, я бродил по песчаным дорожкам обители, дышал откровенным воздухом природы и таинствами истории, пропитанными и пронизанными многовековыми и многочисленными метаниями людских тел и душ, пришедшими в итоге к своему умиротворению, оказывавшихся здесь то ли по собственному желанию, то ли по чужой воле, тут же смирявшихся со своей участью или же бунтовавших до срока – внутри самих себя или на всевидении.

Я ходил, ходил, ходил – без углов, тупиков и краев по ковру из песка, за века перетертому пережитым здесь в бус. Было приятно, благостно, трепетно и как-то даже радостно, что внутреннее пространство двора обители не закатано чем-либо искусственным и не замощено булыжником – все подножье свободно дышало, не мешая общению неба и земли между собой и со мной.

В какой-то момент мне вдруг захотелось, сбросив ботиночные колодки, пойти босиком. И тут же я почувствовал, что я вроде бы бос уже. Задумавшись над таким ко мне снисхождением, я с опаской посмотрел на раскрепощенные ступни мои. Но они, как и должно было быть, оказались обутыми в дорожные туфли, зашнурованные по края, до узлов с бантиками.

Странно это, но в ступнях обреталась малолетняя босоногая легкость. Как будто бы я, как в детстве – без усталости, раскованно, без боязни и стеснения перед окружающим и посторонними, в своем же детском образе и теперь бегу по дикому одинокому пляжу Куршской косы в одних лишь коротеньких штанишках да белой панамке, а из-за песчаных дюн, поросших съездившимся кустарником, оттуда, где нет колючего, сводящего судорогами сквозного ветра, безжалостно пробивающего все что ни есть под ним, на меня глядят добрые и заботливые глаза моих мамы и папы и моей старшей сестры.

IV. ФЕСТИВАЛЬ

Колокольный фестиваль прервал мои размышления, начавшись без особых торжественных церемоний и речей. Организаторы лишь объявили участников и вкратце поведали гостям об истории монастыря, будничной жизни его послушников и предстоящем действе, ради которого, собственно говоря, сюда и прибыли приглашенные.

Представленные звонари, съехавшиеся из разных весей Московской, Тамбовской, Тульской, Рязанской, Оренбургской, Тюменской и других областей России, разделившись на группы и разом взобравшись на все три монастырские колокольни, уже приготовились и ожидали лишь сигнала ведущего, дабы явить нам и друг другу бередящую душу колокольную музыку.

Мой одноклассник Павел, как главный звонарь, начал свое и общее представление. В след за ним и поочередно, чтобы не было путаницы и хаоса, и другие звонари заиграли свои трезвоны.

Все гости, разбредшиеся по двору монастыря, застыли на своих местах, на которых их застали первые же звуки главного колокола. Закинув головы, все они устремили глаза свои ввысь, туда, откуда понеслись по всему монастырю и его округе колокольные голоса. Звонари, сменяя друг друга на колокольных помостах, то с одной колокольни, то с другой, то с третьей, вещали во всеуслышанье разными языками, но понятными всем услышавшим их и слушающим, праведные мелодичные благозвония, вызывающие приятственный трепет в душах внемлющих.

Я, как и все, задрал голову, наострив слух, как-то машинально переводя свой взор попеременно с одной звонницы на другую, в сопровождении праведных звуков, с благодатью улетел в свои размышления, пытаясь, как всегда, разложить их по порядку и гармонии.

Вступили колокола звоном, как к утрени¹⁴. Затем последовал звон «Яко Твое есть Царство». Он начинается с благовеста – одиночных ударов в большой колокол. При этом в зависимости от звонарской техники тулово¹⁵ может либо быть неподвижным, а сам звон зачинается движением его языка – чаще используется в православных храмах, либо раскачиваться, усилиями нескольких звонарей, в количестве достаточном, чтобы надлежаще раскачивать колокол, вес которого может достигать нескольких тонн, дабы выбрать из него нужную тональность и силу звука.

Далее последовали звоны – мелодики, громкость и ритмы которых, каждый звонарь явил свои на собственные умения и сердечность. Они длились долго, слетевшихся на фестиваль звонарей было много; к тому же они перебирались с колокольни на колокольню, желая своими руками и слухом постараться распознать душу всех колоколов обите-

---

¹⁴ Утренья, заутренья – одно из богослужений суточного круга, церковное общественное богослужение, совершаемое, согласно уставу, утром.

¹⁵ Тулово – купол колокола.

ли, расчувствоваться самим и удолвити¹⁶ восторгом всех слушателей.

Закончилось представление, как и положено, общим сборным трезвоном – на все праведные и благодатные лады и вкусы.

Есть у колокольного голоса и еще одно предназначение – созывный крик, возвещающий о пришедшей беде – пожаре, эпидемии, войне. На протяжении многих веков их приход звонари на всю округу оглашали неистовым гвалтом, называемый набатом, одиночных и раскатистых ударов в разные кампаны, нагнетая в душах православных истовую ненависть к врагу, наполняя сердца благодарностью к нашим праведным воинам-защитникам, щемящей скорбью к павшим собратьям нашим. Подобное объявляется видимым тут же по в миг сжимающимся кулаками и зубами и увлажняющимся глазам. Все как будто бы в замок сцепляются друг с другом за руки и смыкают народный строй, словно связываясь крепко-накрепко воедино, становятся единым целым здесь и сейчас и с нравственным заветом к будущему.

V. ПУТЬ

День подходил к концу. Ярящее все время солнце спустилось с небес и утомленно присело на монастырские кровли. Мой взгляд ненароком упал на мои же руки: солнечная печать – плотный, бордово-коричневый загар – незаметно и неизвестно во сколько объявившись, лежала теперь на них и, по-видимому, на моем лице – благообразно, безболезненно, согревая, без ожога. И это было странным для меня: обычно я сгораю до язвенных волдырей и обморочного состояния уже через пятнадцать минут солнечной безоблачной атаки, будучи сам в это время в каюте с закрытым иллюминатором, находясь при этом за полярным кругом в полярную же ночь. А тут и сейчас – в святой обители, говорю это без иронии и ерничества, никакого покраснения, ни пупырышка; лишь доброе тепло растеклось по всему телу, а благодать наполнила всю душу мою.

Фестиваль закончился. Пришла пора, раскланявшись с благодарностью с гостеприимной святой обителью, усердно поворачивать во свояси. Но страшно не хотелось прощаться: не все было спрошено, не все расслышано, не все понято...

Тут я вспомнил, как восторгался и радовался по дороге сюда – к храму, как жаждалось продлить тот путь до нескончаемости.

И еще одно. Как глас возникло и разбежалось во мне, не давая разобратся где – то ли в душе, то ли в сознании или в них одновремен-

---

¹⁶ *Удолвити (церковное) – удовлетворять.*

но, одно слово – «почему». Не вопрос с восклицанием, не абстракция бессмысленная... «Почему» – как задача, отказаться от решения которой, проигнорировать ее или просто про нее забыть я уже не смогу.

«Я вернусь. Я – уже в пути! – то ли пообещал, то ли признался я себе вслух. Ведь Дорога к храму, несомненно, имеет свое начало. Дорога к храму – неизбежна и не имеет конца. – Я приду – с мудростью сердца».

***

Всмотрись в себя – признай грехи, огрехи.
Потребу усмири. От вздора отрешись.
Не льсти кумирам. Не проси успеха.
Учись! Трудись! – без каверзной утехи.
И Мудрость Сердца распознает Высь.
И ты поймешь Предназначенья смысл¹⁷.

---

¹⁷ Автор стихотворения «Воззрение» – автор рассказа.

На первой странице обложки: Памятник святым Петру и Февронье, г. Бийск.
Фото из сети Интернет.

На второй странице обложки: вид на Бию с башни Успенского кафедрального собора в Бийске. *Фото Анны Печкуровой.*

Литературно-художественный журнал издается с 2003 года на средства учредителей. Выходит периодически.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, точность приведенных цитат, цифр и другой информации ответственность несут авторы. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за информационные обзоры несут авторы-составители. Редакция допускает авторскую орфографию и пунктуацию материалов. Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.

Журнал родины В. М. Шукшина «Бийский вестник»

электронный адрес: biyavestnik@inbox.ru

на сайте: журнальныймир.рф

 вконтакте: [vk.com / biyavest177681563](https://vk.com/biyavest177681563)

Журнал родины В. М. Шукшина «Бийский вестник»

Гл. редактор **В. М. Лямкин**

№1 (89) 2026. Дата выхода в свет: _____

Тираж 900 экз.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25. Распространяется бесплатно.

Адрес редакции: 659300, Россия, Алтайский край, г. Бийск, ул. Сергея Лазо, 60, тел. 8 (913) 252-50-25.

Издатель: ИП Мунгалова О. С. Адрес: 659305, Россия, Алтайский край, г. Бийск,
ул. Мерлина, 27, тел. (3854) 40-40-18.

Журнал «Бийский вестник» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю и Республике Алтай, ПИ № ТУ22-00427 от 27 июня 2013 г.

Учредители: администрация города Бийска,

Алтайская краевая научная и историческая общественная организация «Демидовский фонд».

Отпечатано в типографии «Матрица»,

адрес: 659305, Россия, Алтайский край, г. Бийск, ул. Мерлина, 27, тел. (3854) 40-40-18.

Корректурa: Лысоконь Т. В.

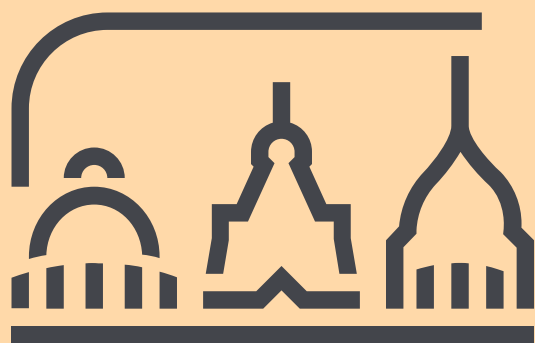
Верстка: Мунгалов О. В.

Алтайские поля, окрестности села Овсянниково.
Фото Анны Печкуровой.

Утро на Солтонском тракте. Окрестности Бийска
Фото Анны Печкуровой.

Б И Й С К